

Э 81 ЭРОС. ФРАНЦИЯ XVIII. / Серия INTERЭРОС.
Составитель Авдей Каргин. — М.: Серебряный бор, 1993. — 320 с., ил.

Издание подготовили:
Объединение «Лептос»
Общество «Вектор»
Товарищество «Серебряный бор»

Редактор Камилл Авдеев
Художественный редактор Б. Серебренников
Технический редактор Людмила Михлина
Художник Семен Верховский
Компьютерный набор и верстка Сергей Волгин
Корректор Наталья Усольцева

Э $\frac{4703010100 - 03}{040046 - 93}$ Без объявл.
ISBN 5—8450—0017—3

ББК 84.4Фр

Ф Р А Н Ц И Я X V I I I

ЭРОС

МАРКИЗ

**Донатьен · Альфонс · Франсуа
де Сад**

ВИКОНТ

**Эварист · Дезире Дефорж
де Парни**

«Серебряный бор»
Москва
1993

А. А. ИЛЮШИН

доктор филологических наук

Р. Ф. КАЗАКОВА

А. В. КАЦУРА

кандидат философских наук

Ю. В. МАНН

доктор филологических наук

А. А. СААКЯНЦ

А. Н. СЕНКЕВИЧ

доктор филологических наук

А. Н. ЩУПЛОВ

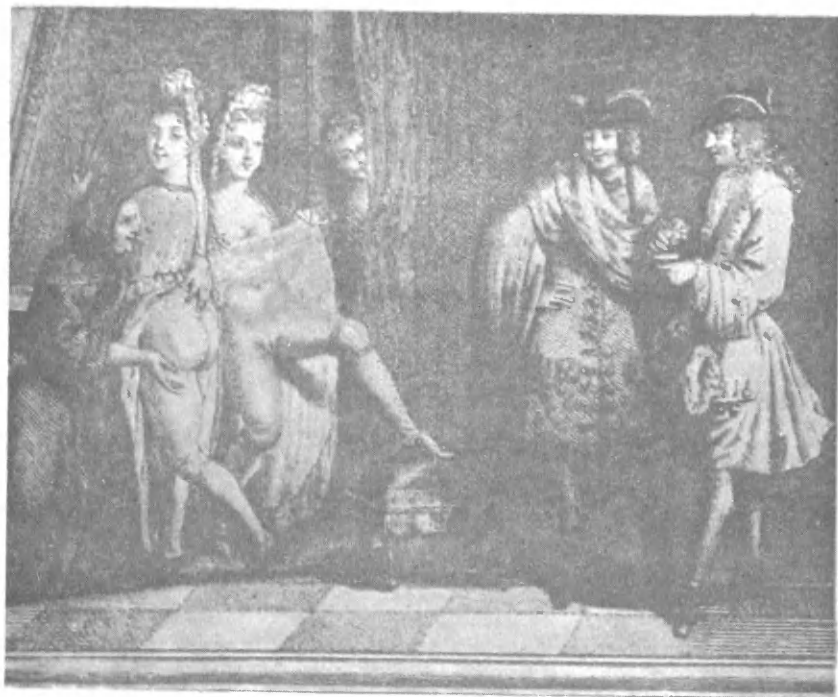
С. С. ВЕРХОВСКИЙ

художник

Представленные в настоящем томе два знаменитых французских дворянина восемнадцатого столетия виконт Эварист Парни и маркиз де Сад своим литературным творчеством, а отчасти и жизнью своею обозначили как бы два полюса эротического пространства Франции той эпохи, две противоположные точки эротического воображения, эротической культуры французского общества времен Великой революции. Речь идет отнюдь не о шкале пуризм—беспутство, но о более широком и более подлинном пространстве истинного Эроса, той могучей богоподобной силы, которая держала в напряжении человечество на протяжении всей его истории и держит ныне.

Если яркий представитель так называемой «легкой поэзии» Эварист Парни, столь заметно повлиявший на творчество Александра Пушкина, являет собой почти классический образец живой, лукавой и достаточно утонченной эротики, уходящей корнями не только в средневековую поэзию Прованса, но и в седую античность, то взрывной в своей откровенности одиозный маркиз, будучи современником виконта (он родился на тринадцать лет раньше Парни, а умерли они почти в один год — во времена крушения империи Наполеона I), кажется на первых порах пришельцем с другой планеты или, по крайней мере, из другого времени, например из упаднического, кровавого и достаточно безумного двадцатого века. Разницу эту нельзя не ощутить и в характере и стиле переводов их сочинений на русский язык — великолепная по своей легкости и классической сдержанности работа В. Г. Дмитриева, с одной стороны, с другой — предпринятая группой научного перевода под руководством профессора А. П. Никифорова смелая до дерзости попытка осовременить труды маркиза, представить его как бы участником современной эротической драмы.

Но есть у двух авторов этого тома и общее, объединяющее начало — столь характерное для века просвещения желание бросить вызов Богу, необоримое стремление самостоятельно разобраться в жизни, в том числе и в сложной философии любви. Едва ли можно утверждать, что общее решение последней проблемы уже выработано нашей культурой, однако разного рода частных идей и деталей накоплено немало. С некоторыми из них читатель познакомится на страницах этой книги.

МАРКУЗ

**Донатъен · Альфонс · Франсуа
де Сад**

ФИЛОСОФИЯ В БУДУАРЕ

МАРКУЗ

**Донатъен · Альфонс · Франсуа
де Сад [?]**

КЛОД-ФРАНСУА

Руководитель группы научного перевода
А. П. НИКИФОРОВ

Биография маркиза де Сада.

Был ли маркиз де Сад причиной взятия Бастилии?

Политические идеи маркиза. Де Сад против смертной казни.

Физический портрет маркиза. Его моральный портрет.

Письма Мирабо к чиновнику Буше и господину Ле Нуару.

Был ли маркиз де Сад безумен? Его завещание.

*Стихи маркиза. Мнение доктора Эжена Дюэрена, Анатоля Франса
и стихи Эмиля Шеве о маркизе де Саде.*

Ценность его исторических произведений.

Социальные идеи де Сада. Предзнаменование маркиза.

Его взгляд на женщин. Письма де Сада. Заключение.

Мы не намереваемся в этом обзоре давать полную биографию маркиза де Сада; тех, кто пожелает познакомиться с ней более подробно, мы отсылаем к следующим источникам: произведения Поля Гинисты**, доктора Эжена Дюэрена***, доктора Кабане****, доктора Жакобюса К.⁺, Анри д'Альмера⁺⁺ и др. Полная биография де Сада еще не составлена.

Впрочем, недалеко время, когда все материалы о нем будут собраны и, возможно, будут разгаданы многие тайные стороны жизни этого замечательного человека, о котором ходили и до сих пор ходят многочисленные легенды.

Начатые в последние годы работы по сбору сведений о маркизе сопровождались многочисленными ошибками и неточностями; многое еще нуждается в дополнении и систематизировании.

Донатьен-Альфонс-Франсуа, маркиз, а позднее — граф де Сад родился в Париже 2 июня 1740 года. Его семья принадлежала к одному из древнейших родов Прованса, на ее гербе был изображен орел в золотой короне. Среди его предков был Уго III (Hugues III), тот самый, который женился на Лауре де Нов (Laure de Noves), воспетой Петrarкой.

Маркиз де Сад (мы будем называть его «маркизом» — под этим именем он остался в истории) относился с большим восхищением к великим поэтам, его биографы недостаточно обращают внимание на эту его страсть. В «Преступлениях любви» можно найти свидетельства его тонкого знания лирики Петрарки.

В десять лет он оказывается в коллеже Луи-де-Гран. В четырнадцать становится рейтаром и служит в чине подлейтенанта в полку самого короля. Затем получает чин лейтенанта кавалерии, а во время Семилетней войны, участвуя в сражениях в Герма-

*L'oeuvre du marquis de Sade (pages choisies). Paris, 1909.

**П о л ь Г и н и с т ы. Маркиз де Сад. Париж, "Шарпантье", 1901. (P a u l G i n i s t y. La Marquise de Sade. Paris, Charpentier. 1901).

***Д-р Э ж е н Д ю э р е н. Маркиз де Сад и его время. Берлин, "Макс Харрвитц", 1901. (D-r E u g e n D u e h r e n. Der Marquis de Sade und sein Zeit, Berlin, Max Hartwitz, 1901).

****Д-р К а б а н е. Предполагаемое безумство маркиза де Сада. "Секретная Историческая Канцелярия", 4-й раздел. (D-r C a b a n e s. La pretendue folie du Marquis de Sade, dans Le Cabinet secret de l'Histoire, 4 serie.)

+Д-р Ж а к о б ю с К. Вклад произведений маркиза де Сада в современную литературу и научную медицину. Париж, "Шарль Каррингтон", 1901. (D-r J a c o b u s X. Le marquis de Sade et son oeuvre devant la science medicale et la literature modtrne. Paris, Charles Carrington, 1901.)

++А н р и д'А л ь м е р а. Маркиз де Сад, человек и писатель. Париж, "Альбин Мишель", 1903. (H e n r i d'A l m e r a s. Le Marquis de Sade, l'homme et l'ecrivain. Paris, Albin Michel, 1903.)

нии, становится капитаном. Согласно документам («Перечень благородных фамилий». *Liste des ci-devant nobles*, Paris, 1790), маркиз де Сад добирался со своими частями до Константинополя. Уйдя в отставку, он вернулся в Париж, где женился 17 мая 1763 года. На следующий год у него родился первый ребенок, сын Луи-Мари де Сад (бросив, как и отец, карьеру военного, он стал гравером, опубликовал в 1805 году «Историю французской нации» (*Histoire de la Nation française*)), в которой сообщил довольно ценные сведения по истории кельтов, затем вновь вернулся на службу и был убит в Испании в 1809 году).

Женой маркиза де Сада стала, против его воли, мадемуазель де Монтрей. Он собирался жениться на ее младшей сестре. Ту, которую он любил, поместили в монастырь, после чего молодой маркиз пережил глубокое потрясение и погрузился в гулянья и запои. Маркиз де Сад подробно рассказывал о поре своего детства и молодости в «Алине и Валькуре», где он вывел самого себя под именем Валькура. Можно предположить, что в «Жюльетте» описан период его пребывания в Германии.

Спустя четыре месяца после свадьбы его в первый раз сажают в тюрьму в Венсене.

В 1768 году разражается скандал по делу вдовы Розы Келлер. Вполне возможно, что он был менее виновен, чем ему приписывалось. Истина об этом деле до сих пор неясна. По поводу чего Шарль Демаз замечает*: «В документах комиссариата Шателе находятся свидетельские показания по делу маркиза де Сада, сообщающие, что в Аркейе маркиз привязал обнаженную женщину к дереву, наносил ей порезы перочинным ножом, а затем капал на раны расплавленным воском с целью запечатать их».

Вышеназванный доктор Кабана, включивший этот отрывок в книгу «Медицинская хроника» (*«Chronique médicale»*, 1902), добавляет: «Было бы полезно отыскать и опубликовать это досье, чтобы доказать невиновность несправедливо обвиненного маркиза по делу, которое до сих пор висит на нем».

Но как бы то ни было, еще в 1764 году в одном из своих рапортов инспектор полиции Марэ писал: «Я настоятельно рекомендовал бы госпоже Бриссо, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, не разрешать своим девушкам уходить с маркизом де Садом».

В рапорте от 16 октября 1767 года тот же Марэ пишет: «Продолжают распространяться слухи об ужасном поведении господина графа де Сада. Недавно он всеми возможными средствами пытался подчинить себе госпожу Ривьер, певицу Оперы. Он предлагал ей двадцать пять луи в месяц за то, чтобы она в свободное от исполнения дни ездила в его загородный дом в Аркейе. Госпожа Ривьер отказалась».

В этом печально известном домике в Аркейе, называемом маркизом «Богадельней», устраивались устрашающие окрестных жителей оргии. Мизансцены там, без сомнения, происходили впечатляющие, но нет основания считать, что дело в них доходило до настоящих жестокостей.

Дело Розы Келлер повлекло второе заключение де Сада. Его заточили сначала в замок Сомюр, а затем в тюрьму Пьера-Энсиза в Лионе. Через шесть недель он был выпущен на свободу. Но в 1771 году он снова попадает в тюрьму по еще менее значительному делу в Марселе, в результате которого, однако, его приговорили за-

*Шарль Демаз. Полицейское учреждение Шателе. (Charles Desmazes. Le Chatelet de Paris, Didier, 1863).

очно к смертной казни. (Это обвинение было снято с маркиза в 1778 году.) Перед приговором ему удается бежать в Италию, похитив сестру своей жены.

Объехав несколько крупных городов, де Сад стал приближаться к Франции, но был арестован сардинской полицией в Шамбери и помещен в замок Миолан 8 декабря 1772 года. С помощью жены ему удается бежать в ночь с 1 на 2 мая 1773 года. После недолгого пребывания в Италии де Сад возвращается во Францию и снова начинает разгульную жизнь в замке Кост. Часто он навещает Париж, где и попадает в руки полиции 14 января 1777 года. Его содержат под стражей в крепости Венсенна, а потом перевозят в Марсель, но прежний приговор вскоре снимается. «За предосудительное поведение» ему запрещено появляться в Марселе в течение трех лет, на него налагается штраф в 50 ливров в пользу тюремного хозяйства. Тем не менее свободу маркизу не возвращают.

Во время возвращения в Венсенн, опять же благодаря своей жене, он снова бежит. Маркиза арестовывают несколько месяцев спустя в замке Кост. В апреле 1779 года его возвращают в Венсенн, где он переживает платоническую любовь к мадемуазель де Руссе, подруге своей жены.

Из Венсенна маркизу уже не удается выбраться на свободу. Он сидит в заточении до 29 февраля 1784 года, когда его переводят в Бастилию, где он и пишет основную часть своих произведений. В 1789 году, узнав, что приближается революция, де Сад начинает действовать. Он часто ругается с губернатором Бастилии Лонеом; ему приходит в голову мысль воспользоваться в качестве рупора жестяной трубой для слива воды, которая выходила на улицу Сен-Антуан. Неоднократно маркиз кричал в нее, что «в Бастилии пытаются и умерщвляют заключенных» и что «народ должен освободить их»^{*}. В то время в Бастилии было очень мало заключенных, поэтому вряд ли революционерам пришла бы сама по себе в голову мысль освобождать затворников. Вполне вероятно, что систематические призывы маркиза де Сада, а также скомканные листки с воззваниями, которые он бросал в окно, возымели действие и заставили восставших громить почти пустую тюрьму.

В момент взятия крепости маркиза в ней уже не было. Губернатор, напуганный его деятельностью, настоятельно просил избавить себя от этого заключенного. Накануне 14 июля королевским указом де Сад был перевезен ранним утром в Дом умилившихся в Шарантоне.

Декретом Ассамблеи он был освобожден и вышел из заведения Шарантона 23 марта 1790 в возрасте пятидесяти лет.

Его жена, удалившаяся в монастырь Сен-Ор, не пожелала вернуться к нему и добилась в Шателе в июне того же года разрешения на развод. Эта несчастная женщина посвятила всю оставшуюся жизнь молитвам и умерла в своем замке Эшоф-фур 7 июля 1810 года.

Оказавшись на свободе, де Сад повел размеренный образ жизни, зарабатывая на жизнь литературным трудом. Он публикует свои прежние произведения, ставит пьесы в Париже, в Версале и, вероятно, в Шартре. Он испытывает серьезные денежные затруднения и тщетно просит для себя место где-нибудь на службе. В одном из писем он пишет:

«Лишенный твердого источника дохода, могу быть полезным в составлении или

^{*}Об этом эпизоде упоминается в тюремном журнале, отрывки из которого приводит Анри д'Альмера в книге «Маркиз де Сад».

редакции какого-либо литературного труда, в работе библиотеки, музея или издательства. Одним словом, рассчитываю на ваше чувство справедливости и умоляю о месте» (письмо члену Конвента Бернару де Сен-Аффрик, 8 вентоза 3 года — 27 февраля 1795).

Он прилежно ходил на заседания Народного собрания и часто брал слово. Маркиз де Сад был истинным республиканцем, восхищался Маратом, но был решительным противником смертной казни и имел свои собственные взгляды на политику. Свои политические воззрения он изложил во многих своих произведениях. В трактате «Мысли по поводу методов принятия законов» (*Idée sur le mode de la sanction des lois*) он излагает, как, по его мнению, законы, предложенные депутатами, должны одобряться народом, ибо «это самая обездоленная часть населения, которая чаще всего терпит лишения вследствие несовершенных законов». Его позиция в отношении террора оставалась настолько непримиримой, что за свои выступления он был снова арестован 6 декабря 1793 года, но выпущен на свободу при содействии депутата Ровера в октябре 1794.

Во времена Директории маркиз отходит от политики. Он принимает много народу у себя на улице По-де-Фер-Сен-Сюльпис. Бледная женщина благонравного вида играет роль хозяйки дома. Маркиз, обращаясь к ней, называет ее Жюстиной; говорили, что она — дочь эмигранта. Господин д'Альмера полагает, что это была Констанс, которой посвящена «Жюстина». В любом случае сведения об этой особе противоречивы и разрозненны.

В июле 1800 года появляется «Золоэ и две ее приспешницы», роман, спровоцировавший огромный скандал. Тотчас были узнаны Первый Консул (д'Орсек — анаграмма от «Корсики»), Жозефина (Золоэ), мадам Талльен (Лореда), мадам Висконти (Вольсанж), Барра (Сабар), Талльен (Фессиноль) и другие. Рукопись отказывались принимать издатели, и маркизу пришлось попытаться издать ее инкогнито. Он был арестован у своего издателя Бертранде 5 марта 1801 года, когда передавал ему переданную рукопись «Жюльетты», которая послужила поводом для ареста. Его поместили в Сен-Пеляжи с последующим переводом в больницу для помешанных в Бисетре и, наконец, в приют Шарантона, где он пробыл с 27 апреля 1803 года по 2 декабря 1814 года — день своей смерти. Маркиз прожил семьдесят пять лет, двадцать семь из которых он провел в заключении в одиннадцати различных тюрьмах.

Мы не имеем возможности сегодня детально описать внешность маркиза де Сада. При его жизни были опубликованы несколько гравюр с его портретами, но ни один из них нельзя считать схожим с его настоящим обликом.

Говорили, что в детстве это был очаровательный ребенок, настолько красивый, что дамы останавливались на улице, чтобы полюбоваться им. Лицо его было круглым, глаза голубыми, волосы светлыми и кудрявыми. Движения его отличались мягкостью и грациозностью, а в голосе присутствовали приятные оттенки, ранящие сердца женщин.

Очевидцы утверждают, что черты лица юного маркиза были нежными, в его облике чудилось нечто женское и что с раннего детства он был пассивным гомосексуалистом. Я не думаю, что есть какое-либо прямое доказательство этому утверждению.

Шарль Нодье, автор «Воспоминаний, эпизодов и портретов Революции и Им-

перии» (Charles Nodier. «Souvenirs, Episodes et Portraits de la Revolution et de l'Empire», Paris, 1831) рассказывает о своей встрече с де Садом в 1803 году (на самом деле, как отмечает д'Альмера, встреча могла иметь место лишь в 1802 году). Ему пришлось ночевать в одной камере с тремя заключенными, среди которых был маркиз.

«Один из этих людей поднялся очень рано, так как был предупрежден о том, что его переведут в другое место. Это был печально известный маркиз де Сад. Сначала мне бросилась в глаза лишь его чрезмерная полнота, которая сковывала его движения и не давала проявляться изяществу, остатки которого сквозили в его манерах. В его усталых глазах, однако, сохранилось что-то живое и тонкое, временами в них вспыхивали искры, и они напоминали тлеющие угольки.

Маркиз не был ни политическим реакционером, ни злоумышленником. Его нападки никогда не были направлены на кого-то конкретно, он подвергал критике религию и мораль, то есть вещи, которые мало интересовали секретную полицию. Поэтому власти проявляли в отношении его значительную долю снисходительности. Он не был ни казнен, ни заточен в подземелье, а был отправлен к тихим водам Шарантона, откуда имел возможность удирать, когда ему то заблагорассудится. Находясь в тюрьме несколько месяцев спустя, я узнал, что господин де Сад на свободе.

Я не хочу обелять тексты его произведений. Когда они попались мне в руки, я перелистал их наскоро, чтобы убедиться, сквозят ли на страницах, как утверждалось всеми, аморальность и преступления. Я сохранил от этого беглого ознакомления ощущение удивления и ужаса. Однако в этих оскорбляющих общественные нравы книгах, одни названия которых выглядят непристойно, ставятся глубокие философские вопросы, от решения которых не уйти обществу...

...Итак, я сообщил, что этот заключенный всего лишь промелькнул перед моими глазами. Я успел запомнить, что он был вежлив до угодливости, любезен до слащавости и что в его суждениях не было ничего вызывающего».

Анжу Питу* также пришлось повидаться с маркизом приблизительно в то же самое время. Портрет, который он воспроизводит, выглядит правдоподобно. Он утверждает, что в маркизе ощущалось что-то вызывающее симпатию, чего не мог заметить вышеупомянутый закоренелый роялист, который тем не менее обнаружил в авторе «чудовищных книг» проявление доброжелательности.

Вот что рассказывает Анж Питу: «В течение восемнадцати месяцев, что я провел в Сен-Пеляжи в 1802 и 1803 годах, ожидая помилования, я несколько раз встречался со знаменитым маркизом де Садом, автором омерзительных произведений, воспевавшим самые чудовищные пороки, которые только могло придумать человечество. Репутация этого несчастного была так запятнана соприкосновением с самыми темными преступлениями, что власти пожелали причислить его к маньякам, отказываясь применять к нему какие-либо карательные санкции: судьи отказывались осквернять свои журналы записями о деятельности этого извращенца и, одновременно, не хотели привлекать к нему внимания казнью. Как правило, маркиза держали в самом глухом углу тюрьмы.

Жажда литературной славы пагубно сказалась на поведении этого человека, который, впрочем, как мне казалось, не был рожден ни злобным, ни жестоким. Не

*A n g e P i t o u. Analyse de mes malheurs et de mes persecution depuis vingtsix ans. Paris, 1816.

имея достаточного таланта, чтобы достигнуть уровня признанных литераторов-моралистов, он решил сделать обратный маневр и стать «гением зла», обессмертить свое имя порицанием всякой добродетели и публичным восхвалением грехов.

Странно то, что в облике и манерах маркиза были весьма приятные черты. Он был доброжелателен и легко раним. Его приводили в смятение мысли о смерти, он готов был упасть в обморок, глядя на свои седеющие волосы. Иногда маркиз всхлипывал, на него находил короткий период раскаяния, когда он восклицал: «Почему я так ужасен? И почему преступление так сладостно?.. Оно обессмертит меня. Когда-нибудь оно воцарится во всем мире...»

Иногда он заходил в мою камеру и заставлял меня всегда в превосходном настроении, напевающим что-то или поедающим без отвращения и раздражения свой паек из черного хлеба и похлебки. Лицо его загоралось гневом. «Вы веселы?» — восклицал он. «Да, маркиз!» — отвечал я, а потом объяснял ему, что здесь, в тюрьме, я избавлен от всего того, что давило на меня на свободе, что мне не надо по крайней мере заботиться об одежде, тратя на нее последние средства. «Вы сошли с ума, господин Питу», — говорил он обычно. «Вы правы, господин маркиз, но в нищете я чувствую себя блаженно». Иногда он подходил к моему письменному столу и беседа продолжалась. «Что вы читаете? Библию! Сказки для детей!» — с отвращением бросал он. «Сказки, в которых заключена реальность, в том числе и о нас с вами».

Этот человек до конца своих дней останется в Шарантоне... Я же теперь на свободе...»

Упоминание о де Саде встречается у П.-Ф. Жиро*. Он повествует об известных нам уже стойкости, воле, неукротимой энергии маркиза де Сада: «Де Сад, автор нашумевших и признанных ужасными романов, провел долгие годы в Бисетре, Шарантоне и Сен-Пеляжи. Он упорно отказывался, что является автором дьявольской «Жюстины», но господин де Ж., молодой автор, засвидетельствовал при нем следующее: «Вы признали себя автором «Преступной любви» — произведения не такого уж аморального, которое подписано вами: «Автор «Алины и Валькуры». Но в предисловии этого последнего шедевра, еще более ужасного, чем «Жюстина», вы называете себя автором этого дьявольского творения».

Не имея представления о физиологической стороне натуры де Сада, можно утверждать, что фантазия этого художника порока могла создать самые невероятные картины разврата. Утверждают, что в своих творениях он затрагивал самые различные варианты распутства, которые описывал с неудержимой страстью. Словно его распирало от порочных идей, и его редкостная плодовитость заставляла его рождать произведения с не меньшей энергией в тюрьме, которая могла бы препятствовать его разлагающей общественные нравы деятельности.

Служащим полиции вменялось в обязанность посещать время от времени камеру, где находился маркиз, и забирать все рукописи, которые удастся найти и которые он часто прятал так искусно, что их приходилось подолгу разыскивать. Господин В...т, обремененный этой обязанностью, рассказывал некоторым лицам, что ему доводилось читать записи маркиза, еще более шокирующие, чем те, что были опубликованы:

«Вполне возможно, что в картонных коробках Бюро нравов префектуры полиции

* P. F. Giraud. Histoire generale des prison. Paris, 1814.

сохранились эти отобранные у де Сада рукописи. Я желал бы, чтобы они канули в небытие и никогда не вышли бы на свет Божий».

Доктор Кабане, сожалея, что до нас не дошел достоверный портрет маркиза де Сада, добавляет*: «Мы очень надеемся, что неизвестный до сих пор замечательный образчик творчества маркиза де Сада сохранился в библиотеке какого-нибудь коллекционера. Но если такой коллекционер и найдется, вряд ли он так просто согласится отдать даже на время это сокровище».

...В юности маркиз де Сад предавался чтению самых разнообразных книг, но предпочитал труды по философии, истории и особенно описания путешествий, которые доносили до него множество сведений о нравах самых отдаленных народов. Он был обучен игре на нескольких музыкальных инструментах, превосходно танцевал, хорошо ездил верхом, фехтовал и даже занимался скульптурой. Он любил живопись и мог часами созерцать картины в выставочных галереях. Его часто можно было встретить за этим занятием в Лувре.

Знания де Сада были очень широки. Он знал итальянский, немецкий и провансальский языки, называл себя «провансальским трубадуром» и сочинял на этом языке стихи. Это был смелый юноша, который не раз проявлял отвагу, но особенно его отличало свободолюбие. Все его поступки, а также характер философской системы свидетельствовали о страстном стремлении к свободе, которой он так часто лишался.

Из писем его слуги Картерона, сохранившихся в библиотеке Арсенала (Bibliothèque de l'Arsenal) мы узнаем, что маркиз курил трубку, «как корсар», а ел за четверых. Длительное затворничество озлобило, разумеется, его характер, но он оставался вполне ровным, хотя и властным. Осталось множество свидетельств его припадков ярости, имевших место в Бастилии, Бисетре, Шарантоне.

Он любил хорошо поесть, любил удовольствия, но бесполезно вешать на него ярлык сластолюбия. Его гуманность проявилась прежде всего в отношении террора, что в полной мере опровергает суждения о его жестокости. Хорошо известно также, что он не был ни умалишенным, ни маньяком. Рассказы Жюль Жанена (Jules Janin) и анекдоты Викторьена Сарду (Victorien Sardou) о том, например, что маркиз де Сад, во время пребывания в Бисетре, приносил к ручью охапку роз и окунал их в грязь и тину, как и многие иные легенды, имеют под собой мало реальной почвы. Все они представляют собой искаженную истину в угоду тем, кто, прочитав «Жюстину», не понял ни ее смысла, ни значения, но представил себе автора сумасшедшим, одержимым манией преступления. В большей мере подобным слухам способствовала полиция, постоянно отправлявшая маркиза в заточение. Поистине огромны были несчастья, выпавшие на долю этого человека; другого они довели бы до безумия.

Марк-Антуан Бодо, депутат Законодательной Ассамблеи, в своем труде «Оценки истории» («Notes historiques») упоминает о де Саде: «Маркиз был автором многочисленных чудовищно непристойных, аморальных произведений. Другими словами, он обладал особым мышлением. Но, безусловно, он не был сумасшедшим, и об этом можно легко судить по его книгам.

В них можно найти подробные описания всевозможных извращений, но никак не признаки безумия автора. Эти труды требовали хорошо организованного мышления, обширных познаний, знакомства с древними и современными книгами. Одной

*Chronique medicale du 15 decembre 1902.

из своих задач маркиз считал необходимость донести до людей, что извращения не всегда считались грехом, а часто разрешались, например в Древней Греции и Риме. Этот род поведения не считался, разумеется, высоконравственным, но и не преследовался. И сегодня у каждого должно быть право проводить исследования в этой области, пусть даже они будут облечены в форму романов, как это сделал маркиз де Сад, создавший свою философскую систему».

Последний параграф его завещания, опубликованного в книге Жюль Жанена (Париж, 1870), свидетельствует лишний раз о гордости, достоинстве и здравом смысле маркиза:

«С моим телом, настоятельно прошу этого, нужно распорядиться следующим образом: в течение сорока восьми часов оно должно находиться в комнате, где мне придется скончаться, в гробу без крышки. Только по истечении вышеназванного срока гроб может быть заколочен. Во время этого периода следует послать извещение господину Ленорману, продавцу леса — бульвар Эгалите, № 101, Версаль, — чтобы он прибыл вместе с экипажем, забрал мое тело и перевез его, под собственным надзором, в лес на моей земле в Мальмезон, где он должен похоронить меня без каких-либо почестей в первой роще этого леса, которая будет справа, если въезжать в него со стороны старого замка по главной аллее. Могилу в роще выроет фермер из Мальмезона под наблюдением господина Ленормана, который будет присутствовать до тех пор, пока мое тело не исчезнет в могиле. На этой церемонии могут присутствовать те из моих родственников и друзей, кто пожелает почтить таким образом мою память. Заровняв могилу, следует посеять на ее месте желуди, чтобы место быстрее заросло и следы могилы исчезли с лица земли точно так же, как, я надеюсь, исчезнет память обо мне у людей.

Составлено в Шарантоне — Сен-Морисе в состоянии полного здоровья 30 января 1806 года.

Подписано Д. А. Ф. Садом».

«Тот, кто писал эти ужасные строки, — отмечает Анри д'Альмера, — тот, кто желает, чтобы память о нем навсегда исчезла, канула в забвение, небытие — не был, бесспорно, заурядным человеком, с какой бы точки зрения о нем ни судили».

Действительно, это не был заурядный человек.

Нельзя отрицать его вины перед многими, особенно перед его женой. Но он был женат на ней почти насильственно и не любил ее.

В течение целого века после его смерти критики жестоко прохаживались по его творчеству, уделяя внимание не идеям, которые в них заключались, а пересказыванию анекдотов и легенд о его жизни. Полное же значение жизни маркиза де Сада можно оценить, по справедливим словам доктора Эжена Дюзрена, «лишь рассматривая де Сада как историческое явление».

Маркиз де Сад всегда уделял большое внимание театру. Сохранилось много его писем на эту тему, среди которых письмо, датированное 1772 годом, к господину Жирану, который был в момент коронования императора президентом окружной ассамблеи Каденета.

Письмо маркиза говорит о том, что 20 января 1772 года состоялась премьера одной из его комедий. Приводим его в том виде, каким оно появилось в «Petite Gazett Aptésienne» за 11 декабря 1911 года:

«Во время премьеры моей последней комедии я обременил поручением господ де ля Коста и де Лумарина передать вам мое горячее желание видеть вас среди приглашенных в следующий раз. Ваш визит был бы настоящим праздником для меня; смею ли я надеяться, что очередная премьера, которая состоится в понедельник, 20-го, послужит счастливым поводом для нашего знакомства? Мне было бы чрезвычайно интересно выслушать ваше суждение, ибо такие тонкие знатоки театра, как Вы, всегда желанные гости на постановках начинающих авторов.

Остаюсь Вашим искренним и покорным слугой.

15 января 1772 г.

Сад».

Он посвятил театру целый том из «Портфеля чиновника»; он написал множество пьес, большинство из которых перечислены в каталоге «Биографии Мишо» («Biographie Michaud») и которые, следовательно, должны находиться в настоящий момент у кого-нибудь из членов семьи де Сада. В Национальной библиотеке числятся три пьесы, точные заголовки которых нам до сих пор не известны: «Флюгер», комедия в 3-х актах в стихах; «Двойное доказательство, или Нарушитель», комедия в 3-х актах; «Доверчивый муж, или Безумное доказательство», комедия из одного акта верлибром.

На оборотах страниц этих рукописей маркизом дан краткий пересказ его пьесы «Коварство любви», которая упоминается в «Биографии Мишо» под заголовком «Союз искусств». Вот выдержки из этого пересказа:

«Молодой граф, влюбленный в дочь одного дворянина, который живет в своем замке недалеко от Парижа, прознал, что его избранница вот-вот пойдет под венец с его соперником Мондоном, старым богачом. Граф решает помешать венчанию... Он прибывает в замок (замок отца девушки) с живописной труппой артистов. По своему плану он должен воспользоваться подвернувшимся случаем, чтобы во время представления похитить ее или отделаться от соперника. Отец девушки собирается приурочить выступление комедиантов к приближающимся торжествам и дает согласие на представление. Молодой человек, понимая, что чем больше разнообразных жанров будет представлено на сцене, тем больше вероятность успеха его предприятия, велит артистам играть трагедию из одного акта под названием «Мелунская Эфемиа, или Осада Алжира», написанную александрийским стихом. Затем следуют: комедия «Соблазнитель» (дисиллабический стих); драма в прозе «Несчастливая дева»; феерическая комедия «Азелис, или Наказанная кокетка» (верлибр); комическая опера и несколько водевилей, где все поют. Пьеса заканчивается живописным балетом-пантомимой, а затем свадьбой молодого графа и девушки.

Это пьеса в 6000 строк стихов различного размера и прозы. Она требует пяти часов представления. Жанр ее уникален в своем роде. Предназначена для итальянцев».

Последние строки, начиная со слов «эта пьеса», зачеркнуты автором. Он предназначал свой труд для итальянцев, но показал французам.

Маркиз де Сад сотрудничал с «Комеди Франсез». В его архивах сохранены семь его писем. Четыре из них в первый раз были опубликованы в предисловии к новому изданию книги Остава Узанна «О романской группе». Мы также приводим ниже два письма маркиза де Сада, которые никогда прежде не публиковались на французском языке. Правда, одно из них, в переводе на немецкий язык, уже опубликовал доктор Дюэрен. О седьмом письме, самом длинном, вообще никогда не упоминалось.

Итак, приводим семь писем маркиза де Сада, три из которых публикуются впервые.

«Господину де Ля Порту,
секретарю и суфлеру «Комеди Франсез».

«Комеди Франсез», господин секретарь, обнадежила меня тем, что обещала принять к рассмотрению одну из моих пьес, но, к большому моему разочарованию, день слушания был отменен. Прошу вас, господин секретарь, письменно известить меня о ваших намерениях относительно моей пьесы (здесь несколько слов зачеркнуто так, что их невозможно разобрать), ибо не хочу выглядеть навязчивым.

Остаюсь вашим покорным слугой.

17 февраля 1791 г.

*Де Сад**.

«Господа, позвольте мне выразить чувства уважения и бесконечной привязанности, которые я испытываю вот уже несколько лет по отношению к вам и вашему театру. Я всегда гордился добрыми отношениями с театром. Поэтому на появившиеся в печати реплики наших недоброжелателей о том, что за мою привязанность вы ответили отказом поставить мою пьесу, я не обращаю ни малейшего внимания.

Смею считать, что произведение, которое я имел честь зачитывать вам, не заслуживает столь суровой оценки. Если же вы считаете этот огорчающий меня отказ справедливым, то на другие мои произведения, я уверен, он не распространяется — как на те, что я уже имею в своем распоряжении, так и на те, что появятся в ближайшее время. В частности, я рассчитываю на снисходительное и доброжелательное отношение к двум имеющимся у вас, помимо вышеупомянутой, пьесам.

У вас уже долгое время находится моя пьеса, единодушно принятая вами;** вы согласились поставить ее, если я дам согласие на некоторые изменения в содержании. Я настоятельно прошу вас, господа, поторопиться с ее постановкой. Дайте мне надежду, умоляю вас! В настоящий момент, насколько мне известно, это может быть легко выполнено, так как другие авторы, не согласные с вашими требованиями, забирают свои произведения. Я же согласен на любые исправления, лишь бы не затягивать с постановкой.

Умоляю вас еще об одной милости, господа. Чтобы как-то смягчить мою горечь после отказа поставить вышеупомянутую пьесу, прошу вас не затягивать со слуша-

* Не публиковавшееся прежде письмо.

** Имеется в виду пьеса под названием «Мизантроп в любви, или Софи и Дефранк», комедия в 3-х актах верлибром.

нием трех или четырех моих произведений, которые совершенно готовы к слушанию и постановке и которые я не хотел бы отдавать куда-либо в другое место.

В этом случае дайте мне сразу же знать о дне, когда вам будет удобно принять меня. Для меня будет большая честь познакомить вас с самыми достойными из моих пьес.

С большой признательностью, господа, и чувством глубокого уважения остаюсь вашим верным слугой.

2 мая 1791 года.

Де Сад».

«Я, нижеподписавшийся, заявляю, что помещение моего имени в список авторов, которые претендуют на получение от «Комеди Франсез» ежедневных сумм в размере 700 ливров, было грубой ошибкой. Я требую, чтобы мое имя было возвращено в привилегированный список авторов. В противном случае я могу рассчитывать на поддержку других авторов.

Париж, понедельник, 17 сентября 1791 г.

Де Сад».

«Я познакомился с порядком работы актеров в ходе подготовки пьесы к постановке, а также с расценками, положенными им за каждую постановку.

Я согласен подписать соглашение с актерами и перечень расходов в случае одобрения и принятия моей пьесы под названием «Коварство любви, или Союз искусств» в 6-ти актах в прозе.

Париж, 27 января 1792 г.

Де Сад».

«Гражданину де Ля Порту,
секретарю Национального театра.

Гражданин секретарь, я имею честь отправить вам свою комедию в одном акте в верлибре, зачитанную в «Комеди Франсез» восемнадцать месяцев назад. Я имел возможность убедиться, что после первого прослушивания она принята не была; ассамблея допустила возможность второго прослушивания в том случае, если я внесу изменения, которые мне было рекомендовано сделать. Они сделаны, после чего я настойчиво прошу принять пьесу и заранее отказываюсь от всех прав и соответствующих выплат. Мне хорошо известно, какой чести удостоивается автор, сотрудничая с «Комеди Франсез», но поймите и мое положение: мне приходится умолять ассамблею о том, в чем она легко пошла навстречу господину де Сегуру. Я оставляю за собой право подать жалобу в случае отказа, так как не желаю получать удары по самолюбию со стороны господ из Национального театра.

Испытываю гордость от осознания себя вашим согражданином.

Сад.

1 марта 1793 года, улица Матурин, 20. Шоссе дю Мон-Блан»^{*}.

^{*}Неизданное письмо.

«Гражданину де Ля Порту,
секретарю «Комеди Франсез». В театр.

Если «Комеди Франсез» отклоняет мое предложение, которое я сделал в виде небольшой пьесы в одном акте, послав вам совсем недавно, то прошу вас вернуть ее. Так как не могу позволить себе раздавать пьесы, могу только продавать их.

Сожалею, господин секретарь, что наше сотрудничество не состоялось.

Ваш согражданин Сад.

15 марта 1793 года, улица Матурин, шоссе д'Антэн*.

«Извините, господин секретарь, за резкий тон, в котором были написаны мои предыдущие письма. Мне так хотелось побыстрее получить ответ, что я позволил себе несколько не совсем вежливых выражений.

Может быть, я и позволил себе лишнее, но, надеюсь, не уронил себя в ваших глазах и глазах вашего учреждения, которое всегда любил, защищал и которому служил на протяжении 25 лет. Господин Моле может подтвердить это.

Прошу вас, похлопочите за меня, господин секретарь. Я всей душой желаю постановки своей пьесы, я уверен, что она заслуживает этого и принесет нам успех. Я отказался от выплат только потому, что не хотел бы, чтобы кто-то думал о моем корыстном стремлении сотрудничать с вами. Все равно я пожертвую на военные нужды те небольшие деньги, которые принесет мне это скромное творение. Умоляю вас: поставьте ее!

С нетерпением жду от вас ответа, а от «Комеди Франсез» доброго отношения.

Ваш согражданин Сад.

12 апреля 1793 года.

Переверните, пожалуйста, на другую сторону.

Только что я получил ответ, который вы мне отправили. Как я рад, что меня не забыли! Я снова с нетерпением буду ждать дня, который укажет мне ваш театр. Сообщите мне, самому ли мне надо появиться для чтения пьесы, или это сделает гражданин Сен-Фал**.

«Комеди Франсез», которая «единодушно» приняла «Мизантропа в любви, или Софи и Дефранка», вела переписку с маркизом по поводу ее постановки в течение пяти лет, но так и не поставила пьесу. Впрочем, маркиз де Сад был более удачлив в делах с театром Мольера, где была поставлена «Окстьерна, или Последствия распутства», драма в трех актах в прозе.

В Версале маркиз поставил еще одну пьесу, в которой сам сыграл одну из ролей. Этот факт подтверждает приведенное ниже письмо от 30 января 1798 года. Кому оно предназначалось, не установлено:

«Слава Богу, наконец я получил хотя бы одно приятное письмо. Благодарю вас за него, оно поддержало меня. Я принял все изменения, предложенные господином

* Письмо было написано перед получением ответа из «Комеди Франсез»: «Комеди Франсез» имеет за правило обеспечивать гонораром автора каждой пьесы, принятой к постановке. После вашего письма чтение пьесы было прекращено до очередного известия от вас. Пьеса возвращается».

** Неизданное письмо. На нем стоит пометка: «Получено 13 апреля 1793 года в час дня».

Вайяном, и известил его об этом во вчерашнем письме. Расцениваю это как большую удачу и с нетерпением жду выплаты денег.

Что касается моей комедии, то с удовольствием высылаю вам два ее экземпляра. Она была только что представлена в Версале и имела, смею признаться, очень большой успех. Я исполнил в ней роль Фабрицио. Один из экземпляров лично для вас. Другой я прошу вас передать в руки руководителю вашей замечательной труппы и сказать ему, что автор уполномочил вас предложить пьесу для постановки. Напомните ему, что я мог бы исполнить ту же роль (Фабрицио), которую играл в Версале, и что скоро мне придется повторить ее во время представления в Шартре.

Заранее благодарен вам и выражаю искреннюю признательность.

Сад.

10 плювиоза 6 года Республики, Версаль».

Маркизу удалось довести до постановки в театре Фавара «Опасного человека, или Совратителя», который входил в произведение «Хитрость любви». Пьеса провалилась в 1792 году. Другая пьеса, «Школа ревнивцев, или Будуар», была принята тем же театром, но в дальнейшем отклонена. Не были поставлены и «Азелис, или Наказанная кокетка» и «Капризник, или Неровный человек», отданные де Садом в театр на улице Бонди и театр Лувуа. Он так же напрасно отдавал «Жанну Лэсне, или Осаду Бове» в «Театр Франсе», который в конце концов отклонил пьесу, так как в ней по-своему трактовался образ Луи XI.

1 октября 1799 года де Сад отправил письмо члену Конвента Гупийо де Монтегю, с которым поддерживал отношения:

«Мой согражданин, прежде всего разрешите выразить огромное огорчение, которое переполнило меня, когда я узнал, что ваше столь любезное посещение Сент-Оуэна произошло в мое отсутствие. После того, как мы разминулись, я передал для вас послание, в котором настоятельно просил в следующий раз обязательно известить меня об очередном посещении.

А теперь позвольте мне сообщить вам следующее.

Вы как член Конвента должны хорошо знать, как важно теперь поддержать дух народа живым и верным словом. Многие считают, что я обладаю самыми подходящими для этого качествами, а именно бойким пером и преданностью Республике. Подтверждение тому — мой философический роман*, который я расцениваю как свой вклад в дело Республики. Вы знаете, как мне было тяжело при старом режиме и как я боюсь возврата к нему. Мое стремление помочь Республике бескорыстно. Я чувствую себя ее скромным, но бесконечно преданным солдатом.

Тем ужаснее слышать мне несправедливые обвинения в свой адрес, будто бы я недоволен нынешним правительством. Ведь это несправедливо — пользуясь плодами моего труда, обвинять меня в предательстве. Вместо того чтобы бежать в какую-нибудь страну, я стараюсь принести как можно больше пользы новому режиму, служа ему с самых тяжелых дней. В чем моя вина? За что ко мне относятся с недоверием?

Как бы то ни было, я полностью предоставляю в служение правительству свое перо и весь свой пыл.

*«Алина и Валькур, или Философический роман».

Пусть никого не смущает моя прошлая принадлежность к дворянству. Меня нельзя упрекнуть в близости к роялистам. Я никогда не разделял их взглядов. Мои поступки опровергают стремление некоторых людей очернить меня в глазах республиканцев. Правительство не должно видеть во мне врага, это буквально убивает меня. Осмелюсь сравнить себя со страдающим любовником, которого обвинила в неверности госпожа, к ногам которой он то и дело припадал.

Итак, после столь отвлеченного вступления предлагаю вам, мой согражданин, на ваше рассмотрение трагедию в пяти актах. Это произведение, способное зажечь патриотическое чувство в сердцах граждан Республики. Именно со сцены театра, как вы убедитесь сами, наиболее пламенно прозвучит призыв ко всем французам уберечь свою родину от тиранов. Именно театр, а не прокламации и статьи в газетах, открывает доступ к сердцам сограждан.

События, разворачивающиеся в моей трагедии, взяты не из сегодняшнего дня, но из истории Франции, что обязательно вызовет интерес французов. Действие происходит во времена правления Луи XI, когда герцог Бургундский решил взять осадой город Бове. Жанна Лэсне во главе женщин города организует сопротивление и благодаря своему мужеству срывает планы захватчика. Храбрые героини пьесы не могут не вызвать всплеск патриотизма у зрителей. Пусть вас не смущает, что события происходят на фоне правления такого жестокого правителя, каким был Луи XI. Патриотизм всегда оставался высшей добродетелью французов независимо от того, кто правил страной.

Вот в чем суть моего произведения. Я горжусь им. Оно принесет большую пользу в настоящий момент благодаря патриотическому духу, обращению к истории нашей страны и талантливому изображению.

Вот что за произведение, мой согражданин, я отдаю на ваш суд. Если по прочтении его вы решите, что оно заслуживает постановки, я буду с трепетом просить вас отдать распоряжение в «Театр Франсе», чтобы ее приняли и включили в репертуар для скорейшего воспроизведения. Такое содействие повлияет на служащих театра и поможет мне избежать волокиты.

Извините за столь длинное письмо. Я надеюсь, что упомянутые в нем детали не будут неприятны вам, горячему стороннику Республики и поклоннику искусств.

С огромной признательностью

Сад.

9 вандемьера 8 года».

Должно быть, Гупийо изрядно похлопотал за пьесу маркиза. 30 октября того же года де Сад отправил ему следующее письмо:

«8 брюмера 8 года.

Сад выражает искреннюю признательность гражданину Гупийо и передает ему два прошения: одно для комиссии по спискам, другое для министра юстиции.

Он также с нетерпением ожидает дня, когда гражданин Гупийо даст знать ему о чтении пьесы «Осада Бове». Он выражает пожелание самолично читать трагедию и просит гражданина Гупийо присутствовать при этом, чтобы вынести от лица правительства мнение о ней.

Содействие будет очень полезно, так как в противном случае постановка затянется и произведение потеряет актуальность.

Выражаю признательность. *Сад*».

Как мы убедились, маркиз де Сад не только писал пьесы, но и появлялся на сцене в одной из них во время представления в Версале. Должно быть, ему удалось сыграть ту же роль в Шартре. Он был талантливым артистом, особенно ему удавались роли любовников. Его игра отличалась неподдельным чувством и была пронизана благородством. Известно, что маркиз брал уроки у Моле. У него в доме, когда он жил с Жюстиной на улице По-де-Фер-Сең-Сюльпис, иногда устраивались домашние спектакли. Его страсть к театру, талант автора и артиста оказали ему неоценимую службу, скрасив однообразие затворничества в Шарантоне.

Заканчивая это эссе об одном из удивительнейших людей своего времени, нам хотелось бы произнести фразу, с которой маркиз де Сад со спокойной гордостью обращался к своим читателям:

«Я пишу для тех, кто способен меня услышать, для них чтение моих произведений не представляет никакой опасности».

G.A.

Каждый, кто рискует переводить маркиза де Сада, сталкивается с неординарными проблемами. Как донести до читателя прелесть и обаяние этого «самого смрадного грешника» (здесь, видимо, уместна характеристика, данная Ахматовой своему учителю, основоположнику «кларизма» Михаилу Кузмину), как не потревожить художественного (порой это синоним — «невоспитанного») вкуса читателя — отечественного в особенности, как своим переводом не отодвинуть открытие де Сада еще на неопределенное время, испугав — разом — издателей и читателей?..

В дискуссиях последних лет выявились и смертельно столкнулись две точки зрения на художественный перевод — два способа перевода: перевод-соперничество и академический перевод. Сторонники первого приводили убедительнейший во все времена и у всех народов довод: академический перевод создается специалистами для специалистов. Оппоненты не менее резонно сопротивлялись: при переводе-соперничестве вместе с водой выплескивается и ребенок.

В нашем случае — с произведениями маркиза де Сада — эта проблема осложнилась тем, что дискуссии в основном велись на материалах поэтического перевода. Маркиз не рифмовал. Маркиз мыслил и жил в иных категориях поэтической субстанции. Но тем не менее академический перевод произведений маркиза де Сада может только отбить охоту читать его далее. А может быть, и вообще — читать. Это ли задача переводчика? Это ли задача автора? Как поступать?

Мы решились на эксперимент (если это позволительно назвать «экспериментом»): мы попытались создать п о д о б и е, максимально приближенное к созданию маркиза де Сада. Если хотите, это будет именоваться «художественным приближением». Тогда и пересказы Маршака и Габбе сказок Перро — тоже пресловутое «художественное приближение». Тогда и... Впрочем, не будем утопать в примерах и возводить из них частокол для защиты от нападков сторонников «академического» перевода.

Итак, мы решились на создание п о д о б и я, более того, мы решились создать подобие, которое бы устроило самого автора, живи он в наши дни и сиди не в Бастилии, а в Крестах либо в Бутырках. Отсюда — выражения, освященные русской разговорной традицией или русским фольклором. Отсюда сленг «перверсивной ши-зуки». Отсюда — результат и критерий: читабельность того, что получилось.

Жюль Ренар замечал в «Дневнике»: «Только Бальзак имел право писать так плохо». Перефразируем: только маркиз де Сад имел право писать так смело (откровенно, раскованно, раскрепощенно, развратно — нужное подчеркнуть!). Поэтому, может быть, только он и имеет право на тот вид перевода, который был избран нами. Ну а в качестве памятки нашим гипотетическим критикам: не следует падать в обморок, стремясь разметаться приятным для глаз читателей образом, и затем — собрав себя — уличить нас в том или ином отходе от канонического текста. Ежели мы бы преподнесли к а н о н и ч е с к и й текст, — обмороков было бы не меньше (как, впрочем, и обвинений — и маркиза и переводчиков).

И пусть оправданием — и творениям маркиза, и скромным воссоздателям его на северном языке скифов — будет формула фернейского остроумца: «В те времена государствами правила преимущественно поэзия». Одного из камергеров гусиного пера «тех времен» мы вам и представляем.

ФИЛОСОФИЯ В БУДУАРЕ,
ИЛИ
ИММОРАЛЬНЫЕ НАСТАВНИКИ

Диалоги,
предназначенные для воспитания
молодых девиц

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, развратники всех, что ни на есть, возрастов и какого хотите пола, — лишь вам одним посвящает автор свою книгу. Пусть ваши желания стимулируют идеи, подпитывающие ваши души! Что из того, что блюстители нравственности всех мастей призывают вас отречься от ваших пороков?! Похоть — рыболовный крючок, на который ловит Природа человека, если тот попадает в поле ее зренья.

Развратницы, вот вам пример в лице мадам де Сен-Анж! Посылайте подальше всех, кто мешает исполнению правил Любви!

И вы, юные создания, на которых навешали тяжкие цепи морали! Возьмите за образец Евгению и наплюйте на нотации идиотов, данных вам Природой в родители!

О, мои милые служители порока, вы, кто ходите в рабах своей похоти, для кого все конституции — желания, — пусть ваш Долмансэ осеняет ваши поступки своим неувядшим примером! Заблудившись в безнравственных садах порока, почаще вспоминайте его наставления и уроки! Доведение до бесчисленности цветов палитры чувств подвигает бедное существо, по ошибке названное человеком и также по ошибке занесенное на нашу планету, взлелеять розы на безжизненном кустарнике Судьбы!

Этой книге суждено быть
прочитанной всеми дочерьми —
по приказу своих матерей!

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мадам де Сен - Ан ж. Добрый день, любезный брат! Так где же твой Долмансэ?

Кавалер де Мирвел. Его следует ждать к четырем пополудни. Обед будет подан в семь. А там и поговорим...

Мадам де Сен - Ан ж. Мне немного неловко за свое желание познакомиться с твоим другом. Напрасно ты потекаешь всем моим прихотям. Но с каждым моим желанием быть рассудительнее голова моя наполняется все большим вздором и взбалмошностью. В мои двадцать шесть лет пора образумиться, обратиться к вере, а я все нахожусь в порочном круге. Если бы ты на миг представил себе, как и е мысли посещают меня, что бы мне хотелось сотворить?! Сперва я думала, что, отдавая предпочтение женщинам, я нашла выход из положения и перестала липнуть к вам, мужчинам. Увы, те бредовые мысли, от которых я хотела убежать, с новой энергией полезли в мои мозги. И вдруг меня осенило: а нужно ли сковывать цепями свои порочные страсти? Не проще ли отдаться им и плыть по течению! Я поняла, что мне мило все на земле, я хочу любить всех, отдаваться всем во всех положениях — мыслимых и немыслимых. Поэтому не удивляйся, что мне захотелось познакомиться с твоим удивительным другом Долмансэ. Ведь ты же сам говорил мне, что он за всю жизнь не овладевал женщинами так, как это принято делать в свете. Верный своим содомским вкусам, он изменяет мужчинам лишь тогда, когда женщины представляют ему для соития привычный для него вход. Не стать ли мне тем Ганимедом, который унесен был Юпитером на небеса и между обязанностями виночерпия выполнял приятные для тела и души роли? Мне запала в голову мысль — отдаться твоему Долмансэ в соответствии с его привычками, стать объектом его развратного внимания. Не буду скрывать, раньше я трахалась с тобою от делать нечего, то есть из вежливости. Мои слуги, отдирая меня в постели, знали, что им будет за это заплачено. Нынешние чувства питают не вежливость и похотливое бешенство матки.

Я хочу наслаждений! Интуиция подсказывает мне, что все, что было прежде, отличается от того, чему меня научит твой Долмансэ, — как небо и земля. Я хочу узнать досконально эти различия. Будь любезен, расскажи поподробнее мне о своем друге. Мы с ним как-то виделись мимолетно, в толпе...

Кавалер де Мирвел. Долмансэ уже тридцать шесть лет, дорогая сестра. Он высокого роста. На его красивом лице горят умом глаза. Впрочем, кое-кто склонен видеть в правильных чертах его лица бессердечность и жестокость. Он обладатель прекрасных зубов. Нельзя не отметить определенную женскую статью в его фигуре и женские жесты, идущие от многолетнего подражания женщинам. Но не это делает погоду: тонкое обхождение, бархатный голос, многочисленные дарования от Природы — и все это уживается в нем с жилкой философа!

Мадам де Сен-Анж. Он верующий?

Кавалер де Мирвел. Упаси тебя бог! Таких атеистов не видел свет. Это предел человеческого падения, скопище скверн и мерзостей — полная деградация личности!

Мадам де Сен-Анж. Это радует и вселяет надежду. Я заранее уверена, что полюблю его с первого взгляда. Что же он любит?

Кавалер де Мирвел. Ты прекрасно наслышана о его пристрастиях. Все, что изобретено в библейском Содоме, дорого его сердцу. Его выбор грешит односторонностью: любит только мужчин. Если и разбазаривает себя на женщин, то при этом оговаривает условие: они обязаны махнуть с ним своим полом. При нашей встрече я рассказал ему о тебе и не скрыл твоих порывов. Он принял твои условия и ответил согласием. Но в свою очередь он просил передать, что если ты вздумаешь предложить ему то, чего он сторонится по принципиальным соображениям, он немедленно покинет твой дом. «Пусть то, что я сделаю с вашей сестрой, — молвил он, — будет при всей своей бессмысленности некоторым исключением, грязью которого можно испачкать себя в отдельных случаях... Да и то — приняв предупредительные меры...»

Мадам де Сен-Анж. «Испачкаться грязью... Предупредительные меры...» Как прекрасна речь людей подобного сорта! Говоря по совести, у нас, женщин, тоже в ходу такие термины

и, как и у мужчин, они говорят о нежелании изменять своей вере. Но ты, милый мой, ничего не рассказываешь о ваших взаимоотношениях с Долмансэ. Он тебя выебал? Неужели ты в свои двадцать лет да еще с такой изумительной фигурой не соблазнил мужчину с содомским вкусом?

К а в а л е р д е М и р в е л. Мне бы не хотелось распространяться о деталях, хотя я не собираюсь хранить их в тайне: ты достаточно умна, чтобы порицать меня за подобные шалости. По существу вопроса: мне нравятся женщины, и я готов изменить своему вкусу, если просьба исходит от человека, приятного во всех отношениях. Мне непонятна гордыня, возведенная в правила, которым предписывают подчиняться молодым людям и согласно которым следует отвечать на предложения такого рода не иначе, как ударом палки. Или мы сами не являемся хозяевами своих желаний? Можно выразить сострадание людям, обладающим нестереотипными пристрастиями, но никем не предписано оскорблять их. Тем самым оскорбляется сама Природа. Разве может человек, появившийся на свет с кривыми ногами, выпрямить свои конечности? Или тот, кому вы пришлось по вкусу, кто отдает вам свое сердце, наносит вам свое оскорбление? Напротив, он выражает вам свое восхищение вами, вашей красотой. Неужели следует отвечать на это восхищение бранью? Так поступают только недалекие люди. Человек истинного ума рассуждает иначе. Но планета населена дураками. И они задают тон: стоит пригласить их к любви, к утехам плоти — они почитают себя оскорбленными. В немалой степени здесь виноваты женщины: они-то и испортили дураков, ревнуя их к тем, кто пытается заменить их в постели. А наши дурни, заморочив себе и окружающим головы о дон-кихотстве, начинают бесцеремонно обращаться со всеми, кто, не уподобясь им, сохранил свою независимость от женских чар.

М а д а м д е С е н - А н ж. Я позволяю тебе поцеловать меня. Твоими суждениями ты доказал наше родство. И все-таки не уходи от ответа... Расскажи мне поподробнее о ваших... шалостях с Долмансэ...

К а в а л е р д е М и р в е л. Кто-то из моих приятелей поведал Долмансэ об уникальности моего хобота, который, как тебе из-

вестно, отличается от средних размеров в лучшую сторону. Долмансэ обратился к маркизу де V с просьбой позвать меня на милый ужин. За ужином присутствующие попросили меня продемонстрировать свое оружие. Поначалу я думал, что меня окружают любопытные. Но сомнения рассеялись после того, как мне была представлена изумительная задница. Ее демонстрация сопровождалась просьбой об удовлетворении желания. Несмотря на мои предупреждения Долмансэ о том, что исполнению его желания будут препятствовать некоторые сложности, он был непреклонен: «О, мне не страшно ничто! — говорил он. — И вам не удастся снискать лавры победителя моей жопы!» Впрочем, рядышком находился и наш хозяин, который нашел для нас теплые слова сочувствия, трепал нас за наши обнаженности, целовал их перед процессом совокупления... Я последний раз помахал своим хоботом и предупредил Долмансэ о последствиях: может быть, чем-нибудь смазать мое бревно... «Никогда! — закричал в ответ маркиз V. — Вы сошли с ума: Долмансэ лишится лучшей половины впечатлений. Он ждет от вас самых решительных действий — и, если вы раздерете его на куски, будет только счастлив!» — «Что ж, я готов, господа», — молвил я в ответ и прыгнул с края обрыва в бездну. Не полагай, дорогая сестра, что я испытывал сложности с погружением в Долмансэ! Отнюдь не трудно было проделать все, что он требовал. Мой корень скрылся до основания в его заднице. Тому были свидетели. А наш друг словно бы и не чувствовал моего проникновения в свои глубины. Неожиданно я почувствовал, как мне стало передаваться то удовольствие, которое получал Долмансэ, дрожь его тела, ласковая речь... Радость моя была такова, что я кончил сверх положенного. Но едва я вынул своего работягу из глубин Долмансэ, тот обратил ко мне свое прекрасное и лучившееся счастьем лицо. «Кавалер, вы действуете на меня возбуждающе. — Долмансэ показал мне свой член довольно внушительных размеров, нестандартной длины и не самый маленький в диаметре. На лице было состояние возбуждения. — Не согласитесь ли вы теперь стать для меня на время любовницей, как это делал минутами ранее я для вас? — молвил он. — Прошу вас не отказывать мне в этой невинной просьбе. Мне хочется полу-

чить от тебя все виды удовольствия, которые можно получить от мужчины...»

Я был верен своему кредо — и согласился выполнить некоторые женские функции. В свою очередь, наш хозяин скинул штаны и умолял меня не забывать о своем мужском достоинстве, как это я делал ранее с Долмансэ. Мне ничего не оставалось, как проделать с ним ту же операцию, что и с его другом, а Долмансэ, в свою очередь, на каждый мой удар маркизу отвечал мне своим ударом. После того, как он кончил в мою задницу, я проделал то же самое с жопой маркиза V.

М а д а м д е С е н - А н ж. Наверное, это очень приятно — находиться в таком положении? Я слышала от других, что эта поза восхитительна!

К а в а л е р д е М и р в е л. Позиция чудесная, но я, говоря по совести, не стал бы отдавать ей предпочтение перед обычным траханьем с женщинами.

М а д а м д е С е н - А н ж. Милый мой, твое поведение требует награды. Я решила отдать на усмотрение твоего задора участь бедной девушки, сумевшей, как это ни странно, сохранить свою невинность.

К а в а л е р д е М и р в е л. Неужели ты пригласила сюда женщину?!

М а д а м д е С е н - А н ж. Не думай ничего плохого: весь вопрос заключается в воспитании молодой девочки; мы были представлены друг другу осенью в одном монастыре. Мой супруг в то время пребывал на целебных водах. Мы находились под строгим контролем многих любопытных глаз. Так что нас связывало только обещание, данное друг другу, встретиться при первом случае. О, желание увидеть этого ребенка переполняло меня! Я вынуждена было познакомиться с ее семьей. Отец — развратник из развратников — попал под мое обаяние... Но суть в том, что вот-вот моя девочка должна появиться в моем доме. Мы будем вместе целых два дня... И эти дни будут посвящены исключительно ее воспитанию. Я хотела бы с помощью твоего друга Долмансэ обучить ее всей страстной и сладкой науке разврата; ее душа должна возгореться от искры наших речей, напиться нашими идеями; я надеюсь, что за теорией последует практика, дабы воспитание было наглядным, и мы должны были убедиться

в плодотворности нашей работы. Отсюда мое предложение тебе: не согласился бы ты вместе со своим другом Долмансэ разделить часть практической деятельности: тебе предназначены плоды Венеры, а твоему другу — урожай с лугов Содома. Себе я оставляю оба удовольствия сразу — пить напиток любовной страсти и обучать нашего ребенка азам разврата... Так что же, любезный брат, ты одобряешь мой план?

К а в а л е р д е М и р в е л. Такое могло родиться только в твоём мозгу. План гениален, любезная сестра, и в случае его оптимального выполнения он может дать изумительные плоды. Со своей стороны обязуюсь сделать все, что от меня потребуется. Боже, у меня перед глазами пробегают картины нашего обучения. Конечно, ты получишь наибольшее удовольствие от претворения задуманного тобою, и воспитание девочки даст тебе новый импульс к жизни. Ведь для тебя не может быть большего счастья, чем искоренить в ее сердце все зачатки добродетели, нравственности, морали и религии.

М а д а м д е С е н - А н ж. Уж я постараюсь выполнить свой план на все сто и развеять в прах те насквозь лживые основы нравственности, которые успели привить к ее юному сердцу. Думаю, за два урока она станет не меньшей развратницей... аферисткой, словом, стервой, чем я сама. На тебя же я возлагаю обязанность посвятить Долмансэ в наши планы, дабы он был готов к их исполнению. Соединив наши опыты и усилия, мы сможем достичь задуманного весьма быстро.

К а в а л е р д е М и р в е л. Лучшего напарника нельзя найти! Атеизм, безнравственность, жестокосердие, аморальность — мой друг соткан из этих нитей; о, он является профессиональным совратителем, искуснейшим развратником. Твоей юной подруге следует положиться на него во всем, забыть все прошлые уроки — и дело будет сделано!

М а д а м д е С е н - А н ж. Ее способности дают основания для надежды. Результаты наших трудов не заставят себя ждать.

К а в а л е р д е М и р в е л. Однако меня удивляет, отчего ты, милая сестра, не опасаясь родителей своей ученицы? Ведь в таком возрасте возможно поделиться с родными всем, чему тебя научили посторонние.

Мадам де Сен-Анж. Не бойся, дорогой! Я закрутила голову
ее отцу... Много ли ему надо? Он без ума от меня. Я не отказала
ему в самом святом для мужика, и он посмотрит на все сквозь
пальцы. К тому же я не посвящала его в свои планы.

Кавалер де Мирвел. Как омерзительны твои планы!

Мадам де Сен-Анж. А что ты еще хочешь?

Кавалер де Мирвел. Я бы попросил тебя описать мне свою
ученицу.

Мадам де Сен-Анж. Ее зовут Евгения. Ее отец — один из
влиятельнейших сборщиков налогов — носит фамилию Мисти-
валь. Ему не больше тридцати шести лет, а его жене — матери
нашей крошки — года тридцать два. Самой Евгении — пятна-
дцать. Ее отец настолько развратен, насколько богомольна его
жена. Описывать прелести моей красотки — бесполезно. Ори-
гинал упоительнее искусственной копии. Поверь на слово, ни
ты, ни я еще не видели более прелестного существа.

Кавалер де Мирвел. Я не требую от тебя панорамного полотна,
но этюд ты могла бы показать ценителю такого рода живописи.
В конце концов, именно мне предстоит быть одним из воспита-
телей нашей малютки.

Мадам де Сен-Анж. У нее густые волосы естественной
штенки. Своей длиной они достигают ее ягодиц; невероятная
белизна тела; нос не портит легкая горбинка, глаза — пламя в
ночи. Кто избежит их обаяния и плена — несчастнейший чело-
век. О, на какие бедовые поступки толкают эти глаза! Над ними
изумительные брови... припухлые полудетские веки... неболь-
шой ротик с чудесными зубками... И все — девственное, юное,
непосредственное... А как изящно посажена молоденькая голо-
вка! А с какой утонченностью наша пташка поворачивает эту
головку! ...Дитя, она выглядит несколько старше своих лет. Ска-
жем, года на два. Ее талия даст немало очков вперед талиям
богинь. Ее горлышко очаровательно. А ее милые груди сводят с
ума... Они едва умещаются в ладонь, мягкие, свежие, нежные...
Сколько раз они сводили меня с ума, когда Евгения позволяла
мне целовать их! Ведь она не могла оставаться равнодушной к
моим ласкам и приходила от них в немалый экстаз... Я видела
это по ее глазам... Могу ли я это забыть? Никогда даже на

Олимпе не было подобной красавицы... Впрочем, я слышу ее шаги. Друг мой, покинь комнату — через сад. Не следует встречаться с крошкой раньше времени. Но для уроков приходи вовремя!

Кавалер де Мирвел. Ты свела меня с ума своим рассказом. И уж подавно убедила в своей правоте. Неужели я должен уйти сейчас, когда нахожусь в таком возбужденном состоянии?! Молю: один поцелуй... Только он дарует мне покой.

(Мадам де Сен-Анж дарит брату поцелуй, который приходится на некоторое время в его кюлотах. Кавалер де Мирвел стремглав выходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мадам де Сен-Анж. Милая Евгения, я счастлива видеть тебя; как ждала я этой встречи... впрочем, ты можешь прочитать это в моей душе, которая открыта для тебя настуже.

Евгения. Ах, милая, я думала, что разлука будет длиться вечность; как я хотела заключить тебя в свои объятия; судьба переменчива: всего накануне отъезда родительница намеревалась запретить мне поездку к тебе; мол, в мои годы девушка не должна появляться в свете и на улицах одна. Впрочем, отец спас положение. Его грубость дала свои плоды: мама согласилась на мой отъезд на два дня к тебе. Но, увы, потом я уеду от тебя опять.

Мадам де Сен-Анж. Дорогая, у коней времени быстрый бег. Хватит ли мне этих мгновений, чтобы сказать тебе обо всем, что я чувствую?.. К тому же мне хотелось поведать тебе, маленькой девочке, о некоторых тайнах Венеры. Для них два дня — проклятое прокрустово ложе!

Евгения. Что же делать? Мне так хочется быть с тобой всегда и научиться всему-всему... И уехать после получения бакалавра всех утех Венеры!

Мадам де Сен-Анж. К делу, дорогая! Работы на два дня припасено немало! Всего не переделать. К тому же нам есть о чем поговорить. Может быть, сперва подкрепимся, чем бог послал? Занятия в классах Венеры кончаются не со звонком...

Евгения. Не до завтрака! Из всех желаний и хотений — во мне говорит только одно: внимать твоим словам.

Мадам де Сен - Анж. Пусть мой будуар будет нам классной комнатой. Спальные покои — кафедра Венеры. Никто не будет беспокоить нас во время урока. Даже слуги. Впрочем, нашими слугами будут Амуры.

(Держа друг друга в объятиях, они уходят в будуар.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

(Действие происходит в изящном будуаре.)

Евгения (увидевшая в изумлении постороннего мужчину).
Господи, откуда здесь этот человек?

Мадам де Сен - Анж (которая удивлена не менее своей гостьей).
Мосье, как вы здесь оказались? Вам было назначено часами позже.

Долмансэ. Желание видеть вас, мадам, прищипывает время; ваш братец сообщил мне, что вы собираетесь стать наставницей этой девушки, и справедливо пришел к выводу, что мое присутствие будет вполне уместным и оправданным. Конечно же, классная комната должна быть расположена в будуаре, куда ваш братец меня и провел. Нам с ним и в голову не приходило, что вы можете разгневаться. На время преподавания теории он решил поотсутствовать, а к практическим занятиям придет.

Мадам де Сен - Анж. Вообще-то получается комедия...

Евгения. ...Но я не хочу быть занятой в ней на роли дурочки. Дорогая, все это пахнет хорошей подготовленностью актеров... Но я люблю, чтобы в таких вопросах режиссер советовался с актерами. Во всяком случае, со мной! Жаль, конечно, что все, что мы с вами наметили, пропадет прахом...

Мадам де Сен - Анж. Дорогая Евгения, поверь, это дело рук моего брата; но не пугайся. Господин Долмансэ известен в обществе с самой лучшей стороны. Этот воспитанный, тонкий и склонный к философии человек будет нам в помощь; он нем как рыба, и на его поддержку всегда можно положиться. Поверьте ему, как мне! Очень важно иметь в приятелях человека, воспи-

танного светом, обладающего талантом воспитать тебя для света, приобщить к удовольствиям, которые мы разделим на троих. Е в г е н и я (покрываясь краской стеснительности). И все-таки я смущена...

Д о л м а н с э. Бросьте, дорогая малышка, освободитесь от сковывающего вас цемента робости... Стеснительность — отработанная заповедь; красота, особенно ваша, позволит нам о ней забыть.

Е в г е н и я. И все-таки благопристойность...

Д о л м а н с э. О чем вы говорите?! На эту заповедь велит наплевать сама Природа, как на все, что противоречит ей.

(Долмансэ заключает девушку в объятия и покрывает ее лицо поцелуями.)

Е в г е н и я (пытается защититься). Я прошу вас прекратить, сударь... Вы позволяете себе слишком много!

М а д а м д е С е н - А н ж. Дитя мое, отдадимся воле случая, этот человек стоит большего, чем игра в добродетель; между прочим, я сама знакома с ним не больше тебя; однако бестрепетно вручаю ему себя и все свои ценности. Суди сама! (Целует Долмансэ глубоким затяжным поцелуем.) Бери пример с меня!

Е в г е н и я. Ах! Мне тоже хочется этого; такому примеру нельзя не подражать. (Бросается в объятия Долмансэ; тот порывисто целует девушку, проскальзывая своим языком в ее юный ротик.)

Д о л м а н с э. Боже, что за обаятельное дитя, что за нежный цветок!

М а д а м д е С е н - А н ж (покрывая Евгению поцелуями). Милочка, я своего не упущу!

(Долмансэ заключает в объятиях обеих. Время быстро бежит за поцелуями.)

Д о л м а н с э. Вот это увертюра к опере! Какое упоение! Не кажется ли вам, мои дорогие, что здесь слишком жарко? Давайте разденемся!

М а д а м д е С е н - А н ж. Закутаемся в газ! Он сделает все наши сокровища близкими и недоступными для порыва страсти.

Е в г е н и я. Вы толкаете меня на предосудительные поступки, сударыня!

М а д а м д е С е н - А н ж (снимая с девушки одежду). Ах, бросьте! Все выглядит слишком забавно, моя любовь!

Евгения. Но все это стоит в стороне от благопристойности. Боже, каким поцелуем ты меня одарила!

Мадам де Сен - Анж. С твоей грудью можно сравнить только цветок, освободившийся от бутона.

Долмансэ (внимательно смотрит на обнаженные прелести Евгении). Если бы на этом цветке заканчивался ассортимент!

Мадам де Сен - Анж. Что вы хотите этим сказать?

Долмансэ. Клянусь, только то, что сказал!

(Он легкими ласковыми движениями хочет повернуть Евгению к себе спиной.)

Евгения. Никогда... Мосье, не надо...

Мадам де Сен - Анж. Милейший Долмансэ... Пожалуй, не стоит раньше времени видеть то, что обладает такой большой властью над вами. Это помешает вам спокойно вести свой урок, в котором мы испытываем необходимость. Приступайте к лекции, а лавры, которых вы домогаетесь, достанутся вам позже.

Долмансэ. Вы меня убедили. Впрочем, мне требуется ваша помощь, мадам, дабы уроки разврата были более убедительными.

Мадам де Сен - Анж. Я не против... Видите, я уже вся разделась. Можете использовать меня в качестве наглядного пособия.

Долмансэ. М-да, у вас чудесное тело! Венера...

Евгения. Ты прекрасна! Мне хочется дотронуться до тебя и поцеловать.

(Не противится этому желанию.)

Долмансэ. На первый раз хватит. Милая девочка, превратите вашу страсть во внимание.

Евгения. Слушаюсь, учитель... Но она такая милая, такая кругленькая, вся пышет свежестью... Она чудесна, сударь!

Долмансэ. Не буду спорить. Хотя, на мой взгляд, вы ей ничем не уступаете... Так вот, прошу вашего внимания. Если я не добьюсь его, я прибегну к наказанию.

Мадам де Сен - Анж. Мой друг, вверяю девочку вашему попечительству, и в случае надобности можете прибегнуть к воспитательным средствам...

Долмансэ. Я не хотел бы останавливаться на нотациях.

Евгения. Ах, вы хотите меня испугать?.. Что это за методы воспитания?

Долмансэ (целуя девушку в самые губы). Ну это разные шлепки за провинности... А вот эта кругленькая задница будет держать ответ за все шалости головки!

(Долмансэ легонько ударяет девушку по заду.)

Мадам де Сен-Анж. Во мне, мосье, вы найдете сторонника своего метода воспитания, хотя кое с чем я не согласна. Пора начать урок! Вступление к нему слишком затянулось. Из обрывочных вступлений рубашку воспитания не сошьешь!

Долмансэ. (Проводя урок, поочередно дотрагивается до всех частей ландшафта тела мадам де Сен-Анж.) Итак, начнем. Видимо, мне не стоит говорить вам, дорогой ребенок, об этих пышных предметах, похожих на полушария глобуса: и вам и мне с детства известно, что их называют «перси» или «титьки»; в любви это необходимый компонент. Их и только их видит любовник, когда исторгает из себя страсть, материлизовавшуюся в божественную влагу; их и только их нежит руками, стискивает взволнованными пальцами; порой он становится артиллерийским офицером и располагает между этими холмами Венеры свой орудийный ствол, который женщина сжимает, и после нескольких холостых выстрелов пушка стреляет боевым зарядом... Впрочем, благодаря чуду любви боевой снаряд превращается во врачующий чудодейственный бальзам, исцеляющий раны всех любителей порока. Между прочим, сударыня, пришло время перейти к описанию собственно пушки с ее орудийным стволом.

Мадам де Сен-Анж. Да, пора приступить к вопросам артиллерии.

Долмансэ. Значит, мне придется прилечь поудобнее, а вы устроитесь подле ствола и сами объясните физические законы, благодаря которым происходит стрельба.

(Господин Долмансэ располагается в вольной позе, а мадам де Сен-Анж пристраивается рядышком.)

Мадам де Сен-Анж. Мое дорогое дитя, сей предмет именуется скипетром Венеры, он необходимая принадлежность всех любовных утех. Как правило, его называют половой член, и ни одна часть нашего тела не может посетовать на его равнодушие к себе:

всюду он как дома! Следуя, повинуюсь воле своего обладателя, он обычно торит дорожку сюда (дотрагивается до передней дырочки девушки)... Это его путь, освященный традицией и временем. Она принята на вооружение многими, но дарует не самое высшее наслаждение; отыскивая дорогу к храму, любовник в порыве страсти набредает еще на один алтарь Любви, куда стремится возложить свои дары (показывая Евгении между своими ягодицами норку); оставим этот вопрос на потом — он требует неоднократного возвращения к нему, поскольку данное удовольствие — самое приятное из дарованных человеку... Какая дорога ведет к храму? Эта — ко рту. Эта — к подмышкам, эта — к груди... От обилия алтарей разбегаются глаза. И все они ждут приношения; но независимо от выбора алтаря, в результате нескольких телодвижений происходит исторжение божественной жидкости; мгновение это пронзает тело ни с чем не сравнимым трепетом и становится самым запоминающимся мигот жизни.

Евгения. Ах, если бы хоть одним глазком увидеть это мгновение!

Мадам де Сен-Анж. Для этого рука производит известные тебе из курса физики возвратно-поступательные движения: вот наш воздушный шарик надувается с каждым движением моей руки... Для удобства общения служители порока обозначают эти действия глаголом «дрочить».

Евгения. Радость моя, а можно мне подрочить этот воздушный шарик?

Долмансэ. Сударыня, это становится невыносимым. Разрешите ей это сделать. Право же, от ее целомудрия эрекция получает новую подпитку.

Мадам де Сен-Анж. Не спешите, мой друг, заканчивать урок. Ваша влага затопит пыл лекции, и ее влияние на ученицу будет тем самым уменьшено.

Евгения (трогая боевые ядра гаубицы Долмансэ). Дорогая подруга, почему ты мешаешь мне вести себя так, как я того хочу?... Что это за мячики? Чему они служат?

Мадам де Сен-Анж. В медицине это называется яичками. В этих амфорах хранится драгоценная влага — та божественная жидкость, о которой я тебе уже говорила. Ее исторжение в сосуд, которым Природа наделила женщину, позволяет человечеству

иметь потомство. Впрочем, милая, это из области биологии. А лекция посвящена разврату. Каждая дочь Евы, если она изящна и прекрасна, должна раствориться в эротике. Работать на воспроизводство человечества не ее задача. Поэтому оставим медикам судить о законах и приемах воспроизводства особей и обратим взоры к удовольствиям порока. У них иные цели и методы.

Е в г е н и я. Дорогая, я с трудом держу в руках артиллерию господина Долмансэ. По-моему, зайдя в тыл всякой женщины и стремясь в целях маскировки проникнуть в ее пещерку, он должен доставлять невероятную боль.

М а д а м д е С е н - А н ж. По логике — да. В какую бы пещеру женщины ни проникало это орудие — сзади ли, спереди, — женщине будет больно, если, конечно, она не имеет опыта в боевых действиях с артиллерией. Боль сопровождает счастье — в этом закон, установленный самой Природой. Только научившись преодолевать боль, принимаешь к роднику удовольствия. Причем артиллерийские баталии в тылу доставляют боевым расчетам больше наслаждения, чем бои на передней линии фронта. Между прочим, тыловые боевые действия препятствуют беременности... Не буду растекаться мыслью по древу теории, проводя сравнительный анализ этих удовольствий; наш педагог, милый ребенок, проведет вскоре этот анализ более успешно, чем я, и на практике убедит тебя, что именно это удовольствие имеет приоритет перед остальными. Право, тебе будет трудно не согласиться с его неопровержимыми доводами!

Д о л м а н с э. Сеанс демонстрации слишком затянулся. Все это кончится тем, чем должно кончиться, и моя артиллерия, лишенная боеприпасов, вряд ли сможет служить наглядным пособием нашей лекции.

Е в г е н и я. Как, вы полагаете, что, один раз выстрелив, ваша пушка не сможет более принимать участия в боевых действиях? Ах, как мне хочется посмотреть на нее после выстрела! Какое это упоение — слышать свист снарядов, проносящихся вблизи тебя!

М а д а м д е С е н - А н ж. Прошу вас держать себя в руках. Вы хотите сперва получить лавровый венок, а лишь затем пробежать марафон. Завоевывайте свой приз!

Долмансэ. В таком случае прошу вас побаловаться с нашей малюткой у меня на глазах.

Мадам де Сен - Ан ж. Если вы настаиваете, я не буду возражать; благо дело, такой поворот нашей лекции поможет усвояемости учебного материала. Об удовольствии, которое я получу, не упоминаю... Любимая, лягте поудобнее на это ложе.

Евгения. Ах, как много здесь зеркал!

Мадам де Сен - Ан ж. Они дают возможность любовникам удесятерять свои удовольствия созерцанием самих себя. Каждая ложбинка тела, каждая впадинка и извилинка получает свое отображение. В результате двое любовников оказываются окруженными сотнями своих подобий, занимающихся любовью, повторяя каждый их жест, каждую новую позу, каждый всплеск тела... Разве это не питательная среда для разврата?

Евгения. Такое мог выдумать только гений!

Мадам де Сен - Ан ж. Может быть, вы снимете с малютки остатки одежды?

Долмансэ. С превеликим удовольствием. Хотел бы я видеть, кто откажется от такого занятия: вот-вот из газа покажутся изящные выпуклости девичьего тела, словно Венера из пены. (Долмансэ помогает ей раздеться, причем взгляд его прикован прежде всего к ее ягодицам.) Боже, наконец-то я увидел эти свеженькие булочки, предмет моих желаний!.. Как они мягки, юны, изящны! Хвала пекарю, выпекающему такие изделия!

Мадам де Сен - Ан ж. Ваши уши видны из-под колпака: что ни слово, то — верность старым пристрастиям! Плут, умерьте пыл!

Долмансэ. Но ведь это ответ на вопрос: какие тропы ведут к храму! Где вы найдете более божественный алтарь Любви? Дитя мое... юное мое дитя, я хочу осыпать поцелуями твой алтарь. (Долмансэ иступленно целует девушку в ягодицы, гладит руками.)

Мадам де Сен - Ан ж. Вы заходите далеко, господин учитель. Правами обладаю только я. Впрочем, в качестве награды вам может перепасть какая-то часть, если только ваши уроки дадут свои плоды. Так что возьмите всю свою волю в кулак и не сердите меня.

Долмансэ. Я понимаю вашу ревность... Позвольте мне воздать

должное и вашей выпечке, сударыня. (Долмансэ ласкает ягодицы мадам де Сен-Анж сквозь газ.) О, как прекрасна ваша задница! В науке, которой я занимаюсь, распространен метод сравнительного анализа. Разрешите мне сравнить ваши выпечки... Вот они лежат рядом, прижались друг к дружке: словно Ганимед возле своей богини. (Не удержавшись, Долмансэ целует поочередно то одну, то другую задницу своих собеседниц.) Если бы вы обнялись с вашей воспитанницей, то зрелище ваших ягодич было бы еще божественнее. Боже!

Мадам де Сен-Анж. Вы просто ненасытны! Но я не могу вам отказать в необходимом!

(Обе женщины образуют клубок разгоряченных желанием тел — на уровне глаз Долмансэ.)

Долмансэ. Такое нечасто увидишь! Но где искрометная игра страстей? Где колыхание волн разврата?... Выше стропила, плотники! Больше огня!

Евгения. Милая, отчего мне так приятно с тобою? Почему вы забыли про теорию и не знакомите меня с терминологией изучаемых предметов? Как называется то действие, в котором мы с вами принимаем участие?

Мадам де Сен-Анж. Дитя мое, медики именуют это мастурбацией... то есть умением приносить самому себе удовольствие... Давай теперь доставим удовольствие глазам господина учителя и переменим позу; взгляни на мою пещерку спереди... Это алтарь Венеры. Давай посмотрим, что там внутри. Вот этот карниз над храмом, поросший волосами, — лобок. А вот это жало змейки медики именуют клитором. Здесь штаб-квартира всех женских чувств и желаний. Чтобы взять в плен эту штаб-квартиру, не нужно никакой группы захвата! Достаточно пощекотать и — все! Наступает такое безграничное удовольствие, что женщина забывает самое себя. Не веришь? Тогда принимайся за дело! О, что у тебя за пальчики! По-моему, ты всю свою небольшую жизнь только этим и занималась. Перестань, глупышка! Перестань! На помощь! Долмансэ, что вы стоите как пень? Я сойду с ума от этой девчонки и ее пальчиков! На помощь!

Долмансэ. А еще хотели заменить меня в роли учителя! Ладно, придерживайтесь моего совета: делайте теперь то, что делала с

вами наша малышка. Вот так — раз-два, раз-два — пальчик-зайчик, прыг-скок! И располагайтесь так, чтобы обе булочки Эжени оказались в моих дрожащих от нетерпения руках. Дитя мое, распахните объятия наслаждению любви; придите от язычества к единобожию: поклоняйтесь богу Любви! Только ему следует приносить на алтарь жертвы. Только наслаждение должно быть путеводной звездой девушки, вступающей в плавание по морю Жизни!

Е в г е н и я. Что может быть приятнее этого?! Я потеряла голову. Все вокруг кружится. Я не владею ни речью, ни руками, ни сердцем... В голове хмель...

Д о л м а н с э. По-моему, наша малышка приходит к закономерному результату всякой эротической шалости! О, как она это делает! Ее задняя пещерка того и гляди откусит мне палец, словно голодный волчонок. Может быть, бросить юному хищнику еще кусочек?

(Долмансэ поднимается и пытается бросить в заднюю пещерку кусок мяса, делясь с близким существом самым дорогим, что у него есть.)

М а д а м д е С е н - А н ж. Милейший! Как вы нетерпеливы! Не забывайте, что мы занимаемся воспитательным процессом ребенка!.. Другое дело, что этот процесс доставляет удовольствие и учителям. Но это побочный продукт воспитания...

Д о л м а н с э. Вы меня снова возвращаете с небес на землю... Милая Эжени: теперь ты видишь, что после длительного раздражения из семенников женщины вырывается фонтан радости, приводящий в неопишуемый восторг и саму женщину, и всех вокруг нее. Когда я получу разрешение от твоей старшей подруги, я продемонстрирую тебе, как того же добиваются от мужчин.

М а д а м д е С е н - А н ж. Внимание, новый раунд! Милая девочка, сейчас мы изучим еще один способ достижения вершины удовольствия. Для этого ножки раздвигаются... Сударь, вы хотели осыпать поцелуями белые булочки! Я позволю вам даже рассмотреть повнимательнее, не слишком ли они срослись при выпечке? Я же одновременно буду дразнить языком змейку, засевшую в передней пещерке и показывающую мне в ответ свой язык. В такой экстремальной ситуации девушка неминуемо

придет к концу затем, чтобы снова прийти к нему же. Думаю, так может повториться три или четыре раза подряд. Боже, дитя, как мил у тебя лобок! Как можно не отдать дань признательности и любви этим выющимся волосам? А вот и твоя змейка высунула свой язычок! Он еще не оформился в своем развитии, но уже почувствовал вкус к жизни! Боже, ты в самом деле еще девственна! Наши два языка в твоих пещерках уже на полпути друг к другу. Целуя тебя, мы с господином Долмансэ придем к поцелую друг с другом.

Е в г е н и я. Любимая! Где взять слова, чтобы рассказать об этом удовольствии?! Выбрать из двух языков тот, что ввергает меня в большее блаженство, — неразрешимая задача.

Д о л м а н с э (обращаясь к мадам де Сен-Анж). Поскольку мое орудие расположилось невдалеке от ваших пальчиков, не согласитесь ли вы погладить его взад-вперед, пока я занят невинной попкой нашей детки? Кстати, вы отлыниваете от работы, смею заметить: постарайтесь проникать своим язычком поглубже в переднюю пещерку. А то вы слишком увлеклись поцелуйчиками со змейкой, живущей в этой пещерке; ваши языки уже не расстаются друг с другом! Глубже, глубже продвигайте свой язычок, сударыня, вглубь! Постарайтесь достать до матки и вызвать прилив спермы.

Е в г е н и я (в состоянии полнейшей отключки). Нет... я так больше не могу! Это выше моих сил! Прощай, жизнь!

(Исторгает фонтан восторга под непосредственным вниманием своих учителей.)

М а д а м д е С е н - А н ж. Дорогая детка, как ты себя чувствуешь?

Е в г е н и я. Вы меня доконали своим воспитанием. Я умерла, чтобы снова возродиться... Между прочим, что за выражение вы употребляли, пока я находилась между небом и землей?

М а д а м д е С е н - А н ж. Матка — это кувшинчик внутри тебя. Мужчина наливает в него свое вино, а женщина — свое. Смешавшись, эти вина дают в результате коктейль, из которого в дальнейшем получаются мальчики и девочки.

Е в г е н и я. Если следовать логике, то значение слова «сперма» я могу понять сама. Но так ли необходимо винам смешиваться в коктейль?

Мадам де Сен - Ан ж. В этом, дорогая, залог успеха! Некоторые ученые пытаются доказать, что возникновение нового существа происходит только благодаря вину из мужского кувшинчика. Но любому здравомыслящему существу ясно, что без нашего вина никаких результатов не было бы. Впрочем, наше вино работает не на равных в создании коктейля. Главную нагрузку несет мужское вино. Если верить медикам, наше вино — мелочь, не влияющая на результат. Некоторые философы, взяв этот тезис медиков на вооружение, пытаются доказать постулат: ребенок, созданный благодаря вину отца, не обязан делить свои чувства между ним и матерью. В этом есть рациональное зерно. Даже мое женское самолюбие не препятствует мне соглашаться с этим доводом.

Евгения. Я могу полагаться только на логику души. А она говорит мне, что твои слова верны, милая! Я, например, всю свою любовь отдаю своему отцу, не делясь ею с матерью. Напротив, иногда мне кажется, что я отношусь к матери с отвращением.

Долмансэ. Нашла чему удивляться! Все мы пребывали в подобном состоянии. Кончина моего отца до сих пор отдается болью в моем сердце. Когда же умерла моя мать, я был вне себя от счастья... Ибо, кроме презрения, ничего к ней не испытывал. Эжени, деточка моя, слушайте голос Природы: ее принципы незыблемы и священны! Наши отцы дали нам все: мы созданы из их дыхания, их страсти, их спермы, их слез и крови. Наши матери, напротив, не дали нам ничего! Они только дали напрокат свой сосуд, в котором смешивался коктейль. Да и то сделали по принуждению. Вот и положите на одну чашу весов чувства отца, жаждавшего нашего рождения, а на другую — чувства матери, уступающей силе.

Мадам де Сен - Ан ж. Зачем искать доказательство того, что обнаруживает себя невооруженным глазом? Твоя мать, дитя мое, не сравнится ни с одной матерью на Земле! Боже, как она мерзка, недалеко, глупа, гневлива... Тартюф в юбке! Бьюсь об заклад, в ее непорочной жизни нет ни одного пятнышка!.. Благопристойные женщины достойны только одного — жалости. Мы еще вернемся к этой теме позже.

Долмансэ. Как педагог, мадам, должен вам заметить: отношения

должника с кредитором зиждятся на честном исполнении своих обязательств. Наша девочка должна вам возратить с лихвой то удовольствие, которое вы ей одолжили: пусть теперь она своим язычком подразнит змейку, живущую в вашей передней пещерке!

М а д а м д е С е н - А н ж. Другая бы возражала, а я — нет! Если это послужит воспитательному процессу, я согласна. А вы, видимо, не имели бы ничего против созерцать мои тылы?

Д о л м а н с э. Добавлю, отнюдь не с целью нападения на них, а только из метафизического удовольствия. Причем обязуюсь, как приличествует долг вежливости, вести себя с подобающим уважением.

М а д а м д е С е н - А н ж (предоставляя ему возможность содействовать задуманное). Вам нельзя отказать. Так и быть, приступайте к своим метафизическим созерцаниям...

Д о л м а н с э. Недурная ситуация... С моей помощью вы можете почувствовать себя в шкуре нашей птички. Кстати, моя милая птичка, вам предоставляется возможность сделать с сударыней то, что она минутами раньше сделала с вами! Где ваш язычок? Быстрее, быстрее проникайте им в пещерку к подруге! Мне же остается — обладание вашими попками. Старшую попку я буду целовать, выражая тем самым уважение ее возрасту. А младшую можно гладить... Господи, как мы переплелись! Как Лаокоон с его змеями!

М а д а м д е С е н - А н ж. О маленькая шлюшка! Ты доведешь меня до умопомрачения. Сударь, позвольте мне подержать ваше оружие: когда оно в моих руках, мне становится спокойнее — особенно если в это время я прихожу к закономерному концу. Я была бы не против, если бы и ваше оружие пришло вместе со мною к этому концу и залило мой жар своими слезами радости. Работайте, работайте — ручками, язычком!..О, какое счастье блядствовать и истекать истомой!.. Но что это? По-моему, конец! Сдаюсь. Ваша взяла, друзья мои! Неужели в жизни есть что-либо такое, что может сравниться с этим наслаждением?

Е в г е н и я. Я счастлива, что могла хоть малостью быть полезной тебе. Но из твоей речи одно слово опять мне непонятно: что значит «блядствовать»?

Мадам де Сен - Ан ж. Это то занятие, коим занимаются «бляди». Бляди, в свою очередь, — это женщины, отдавшие себя пороку мужской половины человечества, сделавшие себя как бы козлами, точнее, козами отпущения мужского сладострастия и похоти. И хотя свет и мораль обливают их презрением, богиня Любви витает над ними и осеняет их, вынужденных трудиться в поте лица на ложах похоти. Они очень органично вписались в общественные структуры (во всяком случае — более органично, чем некоторые поборники морали и нравственности!) и, поставив задачи общества и государства во главу угла, прилагают все силы к их решению, порой сознательно идя на потерю элементарного уважения к себе. Какое придворное звание сравнится с этим? Где еще можно найти столь прилежных к умозрительному размышлению людей? Правда, не всем легко удастся заполучить эту привилегию. Я уже немало лет работаю на этой благодатной ниве и, не хвастаясь, скажу, что достигла определенных успехов. Во всяком случае, когда во время шалостей с мужчинами я слышу от них обращение «блядь» — для меня это высшая оценка моего труда!

Е в г е н и я. Ты во всем права! Когда и мне доведется услышать это пленительное слово в свой адрес, я буду искренне рада. А как, моя высокоумная подруга, это служение обществу уживается с нравственностью, исповедуемой тем же обществом? Добродетель так ранима...

Д о л м а н с э. Вы носитесь с нравственностью, мой дорогой ребенок, как с писаной торбой! Перестаньте обращать взоры к фальшивому богу. Внимайте свету истинных звезд. Можно полученное наслаждение променять служению морали? Нравственность — тот самый зыбкий фантом... Она требует от нас ханжеского противления желаниям тела; мыслима ли борьба с теми бурями, которые бушуют внутри нас? Зачем это нужно? Естество не может рубить сук, на котором оно сидит. Не будем же, моя девочка, осквернять свой слух речами светских дам, связавших свою внутреннюю блядскость смиренно-приказными рубашками благопристойности. Право, все целомудренные порывы не стоят одного орудийного выстрела из артиллерии, которую всякий мужчина носит между ног.

Евгения. А ты, моя старшая наперсница, ты тоже согласна с господином учителем? И у тебя в жизни есть доказательства его теории?

Мадам де Сен-Анж. Любовь моя, он прав на все сто! Когда-то меня штурмовали полтора десятка мужчин, шедших на мою не такую уж неприступную крепость со штыками наперевес. За одни сутки мной овладели — спереди и сзади — почти девяносто раз. Такие сражения не снились Помпею.

Евгения. Говори, говори... Что еще необычного было в твоей жизни?

Мадам де Сен-Анж. Я была в публичном доме.

Евгения. А что это такое?

Мадам де Сен-Анж. Еще их называют домами терпимости, борделями и т. д. В них за деньги любой представитель сильного пола может выбрать по вкусу женщину или девушку, которая по мановению его ресниц сделает все, что он захочет.

Евгения. О, и ты тоже делала все, что хотели мужчины?

Мадам де Сен-Анж. Натурально, моя милочка. У меня была целая рабочая неделя. Я никогда не простаивала без дела, идя навстречу прихоти самых порочных посетителей. Словно римские патрицианки, я могла лечь под любого мужчину в общественном месте... на улице... на сквере... Заработанными деньгами я выгодно распоряжалась: они шли на организацию лотереи.

Евгения. Я думаю, ты не останавливалась на этом.

Мадам де Сен-Анж. Долмансэ, прошу вас продолжить урок.

Долмансэ. Если подходить к вопросу по-философски, то всякого рода святотатство, как-то: осквернение святых изображений, креста и т. д. — стоит обычного разгрома античной скульптуры. Все эти мелочи не стоят драгоценного внимания. Иное дело — богохульство. Предвижу вопрос: коли нет Бога, зачем оскорблять его имя? Отвечаю: всякого рода ругательства даруют опьянение и неизъяснимое удовольствие. В свою очередь богохульство стимулирует порывы фантазии. Поэтому ругательства должны быть в окружении выразительных слов; они должны производить на окружающих действие шоковой терапии. В этом весь вкус — устраивать скандал. Трудно найти подобные наслаждения духовного порядка. Дитя мое, попытайтесь это сде-

лать, и вы увидите, каким будет результат. Если же вы останетесь наедине со своими однолетками, пребывающими во мраке заблуждений, не бойтесь быть развратной, обнажаться перед сверстницами и в свою очередь задирайте им юбки. Демонстрируйте все укромные уголки своего тела и требуйте того же от них взамен. Сворачивайте их со всем пылом юности, не бойтесь употреблять бранные выражения; если они по возрасту моложе вас, ввергайте их в порок своим примером или действиями — на ваш вкус. Не бойтесь быть слишком вольными с мужчинами; не скрывайте своего атеизма и бессовестности. Если они позволяют себе вести себя с вами свободно, отвечайте им тем же. Разрешайте им лапать все части своего тела и сами трогайте их за все. Занимайтесь с ними мастурбацией, смелее показывайте им задницу... Если вас угораздит обзавестись мужем, выбирайте в любовники слугу или наберите за плату несколько молодых самцов. Тогда ваша репутация будет безупречной, а вы сможете делать все, что пожелаете.

Бросим взгляд на жестокосердие женщин. Вот ангольская королева Зенгу: все ее любовники подвергались смерти после соития с нею. Нередко она велела воинам драться друг с другом и отдавалась победителю. А чего стоит ее приказ залить известью женщин, которые забеременели раньше тридцати лет?!

А вот жена китайского императора: ей доставляло удовольствие следить за казнью преступников. Ежели таких не было, по ее приказу убивали невольников, а конвульсии ее жертв служили метрономом, по которому она сверяла ритм своего соития с супругом. Ее фантазии в изобретении новых мучений не знали границ: так, в бронзовую колонну помещался несчастный, которому суждено было сгореть в этой раскаленной трубе.

Теперь о супруге византийского императора Юстиниана Теодоре: ей доставляло удовольствие наблюдать за процессом оскопления. Мессалина же занималась мастурбацией, пока на ее глазах насильно доводили до полусмерти той же мастурбацией мужчин.

Краснокожие аборигенши Америки любили сажать на концы елдаков своих мужей всякого рода насекомых; эта операция

якобы увеличивала размеры фаллосов; можно представить, какие муки терпели несчастные.

А сколько смертей на счету ведьм Лавуазьен и Лабренвиль? Женское бессердечие стало притчей во языцех Истории. Вот почему я всей душой поддерживаю тех женщин, которые обращают свое сердце к особому способу общения с любовниками и секут их во имя получения удовольствия. Поклонниц (как и поклонников) подобных приемов уже немало на свете, но распространенным занятием это покамест не стало. А жаль. Это могло бы выпустить пар из парового котла, и женская жестокость проявлялась бы в пределах соития, не выплескиваясь в общественную жизнь.

Впрочем, я не исключаю и другие способы, утихомиривающие страсти женщин, но они все-таки небезопасны. Я бы не советовал нашей крошке брать их на вооружение... Но что я вижу? Что с тобою, прелестное дитя? Мадам, соблаговолите взглянуть на нашу ученицу!

Е в г е н и я (занимаясь мастурбацией). Господи... Твою мать! Эти уроки меня достали...

Д о л м а н с э. Разве мы разрешим этой бздунешке кончить без нас?

М а д а м д е С е н - А н ж. Мне нравится ваша забота о молодежи!

Право, наша обязанность — помочь ребенку. (Заключает девушку в объятия.) Милочка ты моя, ты делаешь успехи в учении. У тебя таланты к блядству.

Д о л м а н с э. Я бы посоветовал вам, сударыня, обратить внимание на переднюю пещерку. А мне оставьте милый пердильничек с этой незаметной дырочкой! Верно говорят: шире жопы не пернешь! Я стану хлопать попку — и девушка придет к закономерному окончанию процесса не один раз... Как показывает мой опыт в математике.

Е в г е н и я (теряя голову). О, я жду ваши поджопнички! Я такая ненаеба...

Д о л м а н с э. На правах учителя хочу заметить: ситуация подсказывает мне еще одно веселенькое дельце. В таком положении, милые мои, вы могли бы оказать услугу и моему шершавому: например, поочередно запечатлеть на нем поцелуи. Мой шалун

любит ласки. Я же сумел бы продолжить свои педагогические занятия с нашей воспитанницей.

Евгения. Дорогая, можно мне первой поцеловать этого щекотуна? (Получив разрешение от старшей подруги, воплощает задуманное в жизнь.)

Долмансэ. Эжени, дорогая, я не ожидал от тебя таких способностей! Ты можешь и рыбку съесть, как говорится в народе. Кстати, ты знаешь, что должна делать, если мой шершавый от радости расплачется?

Мадам де Сен-Анж. Не засирайте мозги ребенку! Она всем нам утрет еще нос! Конечно, она сделает минет с проглотом! Хотя не могу не вспомнить и другую народную присказку: лопнула манда — пропали денежки... Все может быть. Не забывайте, что ребенок прикоснулся к распутству первый раз в жизни...

Долмансэ. Такого рода проступок нуждается в суровом наказании. Боюсь, что обстоятельства заставят меня прибегнуть к нему... Но боже, что со мною?! Мой хобот рассмеялся! Дитя, выпей эту благотворную влагу, мать твою за ногу! А вы, сударыня, обратите внимание на мою задницу! Она уже заскучала от подобного равнодушия! У вас есть возможность сравнить жопу с пальцем: засовывайте, засовывайте глубже руку в нее! Вот так! Отлично. Боже, какое блаженство! Дитя мое, мои сосуды пусты, экая пьянчужка!

Евгения. Вы не имеете основания на меня сердиться! Я все делала, как предписывали ваши уроки.

Долмансэ. Ну-ну, не оправдывайся, маленькая тихобздунья! Ты все делала прекрасно... Сударыня, а какова обстановка в тылах?

Мадам де Сен-Анж. О, ребенок показал себя с лучшей стороны: можно менять пеленки! Здесь сплошное наводнение!.. Но что это? Кто-то стучит в дверь... Неужели мой выблядок кузен?

Евгения. Какая подлость по отношению ко мне!

Долмансэ. Дитя, будьте спокойны! Вас не дадут в обиду. Нам не помешает еще один ассистент на уроке.

Мадам де Сен-Анж. Особенно с уникальной женилкой! Эжени, твои сомнения рассеются в ближайшие же минуты... Успокойся! Сударь, входите смелее. Можешь повеселиться вместе с нами; наш ребенок боится тебя.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кавалер де Мирвел. Милая, не принимайте меня за какого-нибудь мудошлепа. Все окружающие могут дать поручительство моей скромности и умению хранить тайны.

Долмансэ. Мне жаль времени, которое мы тратим на соблюдение этикета. Друг мой, я хочу ввести вас в курс дела: мы с вашей кузиной решили преподать этому юному существу урок распутства. В конце концов, в ее года девушка должна знать чуть более того, что дает ей мать и домашний учитель. Теорию наша милая Эжени уже усвоила. А вот практика — ноль целых хрен десятых. Если бы вы согласились помочь нашему благородному занятию, мы были бы вам весьма признательны. Мы испытываем необходимость в кончающем корешке... Могли бы вы оказать нам услугу в этом вопросе?

Кавалер де Мирвел. Вы обижаете меня самой мыслью, что я могу отказаться от участия в столь ответственном процессе воспитания молодого поколения. Эжени столь мила и изящна, что отказаться от предложения — значит совершить непростительную глупость. К тому же ее передок, буфера, задница столь лакомы, что, боюсь, я приду к финишу первым из всех вас.

Мадам де Сен-Анж. Друг мой, мы и не думали, что вы хотите на чужом хрене в рай въехать. Я рада, что мы не ошиблись в своем выборе настоящего выебона. Впрочем, не слишком ли мы заговорились?..

Евгения. Меня обижает ваш разговор. И вообще, не слишком ли много себе позволяет ваш кузен? Его развязное поведение говорит, что он видит во мне...

Кавалер де Мирвел. Всего-навсего прелестную птичку! Самую изящную целочку, которую я в своей жизни встречал. (Осыпает девушку судорожными поцелуями, и его руки пробегают по всему ее прейскуранту.) Ах, здесь на славу поработал миниа-тюрист! Все так изящно, таких малюсеньких размеров! А в дырочки не войдет и булабочка, боюсь об заклад!

Долмансэ. Все бы вам болтать о дырочках, мой друг! Вы знаете, что я сторонник дела, а не словесной тряхомудии. Итак, приступаем к нашему практикуму. Его педагогическая задача —

довести до сведения Эжени весь процесс суходручки, или — рукоблудия. Поскольку она не согласится быть в стороне от происходящего и захочет принять в нем активное участие, мы подвинемся ближе друг к другу, и, на правах руководителя, я позволю себе распределить обязанности: вам, сударыня, предстоит онанировать юную подругу. На мою долю выпадет проделывать то же самое с нашим гостем. Наукой установлено, что для подобных занятий полезна однополюсная сексуальность: мужчина лучше делает другому мужчине, а женщина — своей напарнице. В конце концов, каждый из вас знает, что он любит больше всего. А это значит, что ему ведомы вкусы собратьев и подруг по полу.

(Участники располагаются согласно распоряжениям.)

М а д а м д е С е н - А н ж. По-моему, мы слишком сократили дистанцию. Не увеличить ли нам фокусное расстояние?

Д о л м а н с э (уже приступив к делу). Вы не правы. Дистанция выбрана в соответствии с поставленной задачей. А задача такова: брандспойт вашего кузена в момент его работы должен окатить нашу девочку с ног до головы. Все ее выпуклости и вогнутости, горящие в пламени порока, будут потушены. Поскольку брандспойт будет находиться в моих умелых руках, я постараюсь сбить пламя со всего горящего объекта. Вы же, в свою очередь, должны подвергнуть Эжени жуткой мастурбации, чтобы на ее эрогенных местах не осталось ни одного квадратного миллиметра, обойденного вашим вниманием. Дитя, отбросьте все тормоза! Долой стеснительность, которую мы почему-то приписываем Природе! Ничего подобного она нам не приписывала! Зачем было ей, Природе, рождать нас на свет голышом? Захоти она приучить нас к стыду, она бы пустила нас в мир уже с прикрытыми частями тела. Но ведь этого нет! Стало быть, Природе было неуютно обижать наше зрение фиговыми листьями, которые ханжи преобразовали в одежды. В самом детстве, когда мы ничего не ведаем о приличиях, выработанных обществом, мы не стыдимся показывать друг другу свои укромные уголки. Ведь младенцы не знают, что стыдливость служит не столько преодолению порока, сколько стимулированию страсти. А взять обычаи других широт! На некоторых южных островах

женщины с виду благопристойно одеты. Но моргни — и, как обычная парижская проблядушка, она скидывает платье и накладки, чтобы предоставить возможность каждому отодрать ее.

Мадам де Сен-Анж. Ах, Долмансэ, вы умница: засираете нам мозги теорией и байками, а сами не переставая работаете пальцами! Я наблюдаю за вами краем глаза и вижу, как вы восхищены задницей моего кузена, что, впрочем, не мешает вам мастурбировать его брандспойт! Дитя мое, нам не следует отставать от мужчин! Иначе мы сойдем с ума.

Евгения. Какой большой щекотун у вашего кузена! С такой тяжестью, видимо, не легко ходить. Неужели у всех мужчин орудия такого устрашающего размера?

Долмансэ. Было бы отлично, если бы вы, дитя, были правы. Но Природа распорядилась по-своему. Мой корешок несколько поменьше, как видите. Гигантский хобот, сверля первый раз девушку, причинит ей невероятную боль.

Евгения (входя в экстаз от манипуляций г-жи де Сен-Анж).
Удовольствие выше боли!

Долмансэ. Железная логика. К тому же греки учили, что боли нет, есть только наше представление о боли. Следует ли девушкам бежать от того, что направлено исключительно на их удовольствие?! Сама Природа повелевает погружаться в пучину наслаждения, которая, словно целебный бальзам, снимает все болевые ощущения. Некоторые блядушки, будучи моложе вас, отличаются такой злобучестью, что впускают в себя хреновины устрашающих размеров. Терпение награждает их невероятным удовольствием. Напрасно некоторые медики предупреждают: ломать целочки следует легонькой пипкой. Говна-пирога! Нет, таким занятием должен заниматься только истинный половой гигант! Лишь настоящий сперматозавр снесет все замки и препятствия на пути к наслаждению...

Мадам де Сен-Анж. Если мне позволят вставить словечко, я добавлю. Всякая девица должна пользоваться тем, что ей предоставила Природа: передок совсем не исключает использование задка. Девушка взаимнообразно помогает бздунишке, находящемуся спереди, и елдаку, расположившемуся сзади. Взаимное окончание неминуемо приводит и к оргазму самой девушки.

Нет, горе тем девицам, кто путает обходительность и бздительность.

Долмансэ (за разговором он продолжает свое занятие, и шевалье уже близок к окончанию действия). Ваш сюжет отличается неприязательностью. Я бы усложнил его незамысловатостью тем, что добавил два-три, а то и четыре елдака. Один хобот девушка может осыпать поцелуями взасос, да и каждой рукой держать по одному.

Мадам де Сен-Анж. Если развивать вашу плодотворную идею, то нельзя забывать и о подмышках, и о прическе... Везде, где только можно (и не можно!), должен быть щекотун! Девушка должна быть окружена частоколом палок, ощущать их запахи, чувствовать их, осязать. И когда все они одновременно выстрелят в нее, она проделывает то же самое и становится перламутровой богиней Распутства! Милый Долмансэ, право, в этих ситуациях я бы вам не уступила по фантазии и ее исполнению.

Евгения (находится вне себя от манипуляций пальчиков ее подружки, подобно де Мирвелу, которого мастурбирует Долмансэ). О, как бы я хотела, чтобы меня отжарило много-много мужчин! Милая, как ты меня раздражила! Я вся пылаю! А какой великолепный хобот у твоего кузена! Кажется, он полон жизненной силы, энергии, света! Ведь в самом деле он словно испускает свет!

Долмансэ. Он испускает не только свет, и ты, дорогое дитя, скоро в этом убедишься.

Кавалер де Мирвел. Кузина... дитя мое... Неужели вы не видите, что сейчас мой вулкан начнет действовать?! Где ваши буфера... ножки... ягодицы... живот... Давайте сольем наши лавы вместе! Вот моя уже пошла...

(Его друг берет руководство в свои руки и, как было обещано, тушит пламя страсти в обеих женщинах брандспойтом.)

Евгения. Боже, я становлюсь перламутровой богиней! Я, словно Венера, рождаюсь из пены! Ваша лава сбила огонь даже с моих глаз и губ!

Мадам де Сен-Анж. Радость моя, если этой лавой, пока она не остыла, намазать язычок твоей змейки в передней пещерке, змейка быстрее испустит яд.

Евгения. Так намажь! За чем стало дело? Божественно... Я готова принадлежать любому из вас.

Мадам де Сен - Анж. Зачем же любому? Любой — а точнее, только мне! Дай я поцелую тебя, моя милая тихобздуня! Как сладок твой язычок... Как упоительно и томно твое дыхание! Бляха-муха! Мой вулкан тоже заработал! Кончаюсь... Ах, кузен, помоги мне закончить процесс мастурбации...

Долмансэ. Дружок, вы бы помогли кузине!

Кавалер де Мирвел. Я бы с большим удовольствием засунул ей свое орудие в гнездышко! У меня все стоит да стоит.

Долмансэ. А кто вам мешает это делать? Только в таком случае повернитесь ко мне своей задницей, чтобы я мог вас в свою очередь отодрать. А детка возьмет это нехитрое приспособление и засунет мне его в мою грешную дырку.

Евгения (беря нехитрое оружие, изобретенное цивилизацией для своей и чужой пользы). Как прикажете, сударь! Я ничему не противлюсь. Вы мне доказали, что удовольствие — тот слон, на котором стоит мир. Я правильно следую вашим указаниям?

(Засовывает в задницу Долмансэ инструмент — плód человеческого разума.)

Долмансэ. «Правильно» — не то слово! Ты начинаешь превосходить своего учителя! По-моему, в тебе живет мужик! Во всяком случае, я получаю удовольствие от твоих действий как от мужчины!.. Обратите внимание, мы все слиты воедино! Не к такому ли единению все века стремилось человечество?!

Мадам де Сен - Анж. Пощади, кузен! Ты меня так натянул, что я вот-вот умру! Что может быть прелестнее и сладостнее, чем ощущать твое орудие в себе!

Долмансэ. Мать-перемать! О мой друг, твоя задница создана для того, чтобы доставлять удовольствие человечеству в лице его отдельных представителей... Нет, я больше не могу... Сейчас придет мой конец! Ах... Все кончено! Никогда не испытывал ничего приятнее. Друг мой, твой вулкан выбросил лаву?

Кавалер де Мирвел. А то нет! Вся головка в пемзе!

Долмансэ. Увы, судьба не благоволит ко мне! Почему у меня нет твоей пемзы в заднице?! Почему?

Мадам де Сен - Ан ж. По-моему, следует объявить большую перемену.

Долмансэ (наградив девушку поцелуем). Лапочка, вы трахнули меня на пять с плюсом!

Евгения. Я старалась. Ведь экзаменатором был мой учитель.

Долмансэ. Пороку благоприятствуют всякого рода нарушения границ отведенного для просто секса. Все, что происходит сверх нормы, и доставляет самый кайф.

Мадам де Сен - Ан ж. Я учредила денежный приз для того, кто доставит мне неизведанное наслаждение и научит пороку, которого я еще никогда не испытала.

Долмансэ (дело покамест ограничивается беседой, ибо все устали). Я бы попытался претендовать на ваш приз. Но условия конкурса так же примитивны, как и то наслаждение, которое минутами раньше накатило на вас. Право, предоставлять всю жизнь свою переднюю дырку под корешок — скучнейшее занятие! Куда приятнее въехать в рай на жопе! Отведав хоть раз этого блюда, вы будете хранить ему верность всю жизнь.

Мадам де Сен - Ан ж. Увы, мы консервативны во вкусах. Впрочем, я допускаю, что в жизни бывают такие моменты, когда хочется быть отодранной во всех измерениях, дабы ощутить в себе трепещущее орудие страсти. Здесь вы правы: когда тебя жарят в задницу, ты забываешь все другие виды удовольствия. Ручаюсь словом и своим опытом. Более того, переход от тыловых упражнений снова к играм в передней пещерке будет происходить с трудом. Новое ощущение не идет ни в какое сравнение со старым!

Кавалер де Мирвел. Я бы не стал так решительно утверждать этот постулат. Не скажу, что я ретроград. И все-таки я бы выбрал дорогу именно к тому алтарю, который указан Природой каждой женщине для любви! Может быть, это дело вкуса! Как знать?

Долмансэ. В ваших словах, мой друг, есть своя логика. И все-таки Природа слишком явственно обозначила дорогу к храму, расположенному сзади. К другим храмам она разрешает держать путь. К этому храму — велит идти! А вот и другие аргументы: если бы Природа исключала задницы из нашего эротического рациона, разве стала бы она проворачивать в нас

сзади дыры, соответствующие размерам мужских орудий? Нет, нет, вы не правы, мой друг! И ваши рассуждения отдают схоластикой. Впрочем, мы снова погружаемся в теоретизирование. А наступило время практики. Дорогая, моменты извержения лавы вулканом вы освоили. Теперь пора идти дальше...

Мадам де Сен - Анж. Мне кажется, вы оба устали. Для практики нужен еще один елдак.

Долмансэ. Да, какой-нибудь шершавый нам бы не помешал. Наш испытательный стенд нуждается в новой аппаратуре, способной к опытам.

Мадам де Сен - Анж. Есть у меня на примете один парень.

Долмансэ. Уж не садовник ли это, которого я заметил по пути? Что же, ваш выбор делает честь вашему вкусу: возраст, на мой взгляд, лет восемнадцать... Стать крепкая... А свои грядки он обрабатывает так, как изголодавшийся муж — жену.

Мадам де Сен - Анж. Вот-вот, именно Огюстена я и хотела пригласить для продолжения наших опытов. Шершавый у него довольно большой, если не сказать огромный! Да и в диаметре будет великоват!

Долмансэ. О, это просто титан! Можно только догадываться, как он извергает из себя лаву!..

Мадам де Сен - Анж. Пока вы догадываетесь, я велю его позвать.

СЦЕНА ПЯТАЯ

(Мадам де Сен-Анж впускает в комнаты слугу.)

Мадам де Сен - Анж. Позвольте представить вам, друзья мои, слугу. Нам представляется возможность неплохо позабавиться с ним. Эй ты, подойди поближе, не укушу! Боже, как он глуп! Сколько ни пытаюсь опустошить ненаебу, — так и не получается!

Огюстен. Гы, ну вы и загнете, мадам! Нешто я отказывал вам в чем-нибудь! Сами знаете, гы...

Долмансэ (хохочет изо всех сил). Какая прелесть! Его наивности нет цены. Впрочем, его наив идет нога в ногу с его неиспользованностью. Друг мой, взгляни на эту веранду с нераспустив-

шимися бутонами. Вы — садовник. Вам и карты в руки! (Подводит слугу к Евгении.)

О г ю с т е н. Лакомый кусочек, скажу я вам. А они предназначены для меня?

Д о л м а н с э. Ты сомневаешься? (Обращается к девушке.) Смелее, дитя мое!

Е в г е н и я. Я вся краснею.

Д о л м а н с э. Преодолейте все, что вам внушалось ханжами воспитателями. Мы повинемся Природе: она повелела нам делать то, что мы делаем. А как это называется — пустяки! Не робейте, милая. Начинайте заниматься блядством с этим молодым жеребцом. Тем самым вы возлагаете на алтарь Природы лучшую жертву, которой является соращение юношей девицы. Блядство — это лучшее служение Природе для каждой женщины. Ведь они созданы ею только для полноценной взъебки. Сопротивление этому предназначению должно караться смертной казнью... Перестаньте волноваться, а то наш теленок напрасно хреном груши околачивает. Хватит ему простаивать без дела. Давайте снимем с него штаны... обнажим ноги... Затем задерем рубашку на грудь и осмотрим хобот и задницу... Гм, задница, по-моему, лучше хобота. Теперь смелее хватайтесь за хобот и не бойтесь, если с течением времени его размеры несколько увеличатся. Другой рукой пройдитесь по бедрам, ляжкам, пальчик может как бы случайно проникнуть в задницу. Смотрите, как это делается. (Долмансэ показывает Евгении, как все следует проделывать, чтобы были соблюдены условия учительского задания.) Головку следует открыть до конца, и во время мастурбации не надо ее закрывать, пусть смотрит в мир широко открытыми глазами! Уздечка, как положено во время езды, должна быть предельно натянутой. Вот так! Что же ты, Евгения, стоишь без дела? Обрати внимание на грудь юноши. Или опусти свой взор на его ляжки. Они стоят того, поверь!

О г ю с т е н. Так я могу поцеловаться с этой девушкой, наконец?

М а д а м д е С е н - А н ж. Конечно, увалень. Ведь ты же лижешься со мною, когда залезаешь ко мне в постель.

О г ю с т е н. Жопа-помидор! Какой юный ротик! Словно стоишь посреди розовой клумбы! (Трогает свой шершавый, который

поднял голову.) Смотрите, что сделала эта девушка с моим инструментом!

Е в г е н и я. Господи, почему он так быстро растет?

Д о л м а н с э. Природа велит ему так поступать. А вам Природа повелевает сейчас вести себя более раскованно и живо... Давай-те-ка я еще раз покажу, как это делается. (Мастурбирует Огюстена что есть мочи.) Сила должна сочетаться с лаской. И постарайтесь, чтобы головка оставалась открытой: ей нужен широкий взгляд на мир! О, вот теперь вы видите елдак Огюстена во всей красе! Интересно было бы измерить, превосходит ли он своей толщиной штуку у кавалера?

Е в г е н и я. И вы в этом сомневаетесь?.. Вы же видите: я не могу обхватить его рукой.

Д о л м а н с э (измеряя). Ваша правда: тринадцать в длину, восемь слишком в окружности. Таких экземпляров мне еще не доводилось видеть. Поздравляю вас, мадам. Часто ли используете этот аппарат?

М а д а м д е С е н - А н ж. Каждую ночь, если провожу ее в этом доме.

Д о л м а н с э. Надеюсь, вы не забываете и про задницу?

М а д а м д е С е н - А н ж. Конечно, и даже чаще, чем в передок.

Д о л м а н с э. Я завидую вашей энергии. Вряд ли я смог бы такое выдержать...

М а д а м д е С е н - А н ж. Перестаньте притворяться, Долмансэ! Этот хобот легко войдет в вашу задницу — может быть, даже легче, чем в мою.

Д о л м а н с э. Мне остается только надеяться на это. Если, конечно, Огюстен согласится мне в этом помочь. Евгения, вернемся к нашим урокам: наш жеребец вот-вот вступит в сезон снеготаянья. Советую вам подготовиться. Внимательно впивайтесь взглядом в головку этого щекотуна; когда увидите, что она набухла, стала неимоверно красной, вложите в свои движения всю энергию, на какую вы только способны. Пусть ваши пальчики не забывают, что у жеребца есть задница, и не минуют ее своим приятным обхождением. Постарайтесь отжаться без остатка Огюстену. Прильните к его рту и сосите его губы. Все ваши

лакомые кусочки должны устремиться навстречу его рукам. О, лава извергается, детка! Радуйтесь, вы наверху блаженства!

О г ю с т е н. Ой, ой-ой! Я сейчас откину копыта!.. Не могу терпеть!.. Скорее, скорее действуйте пальцами... Ядрена вошь!..

Д о л м а н с э. Дитя мое, учащайте ритм своих действий! Не надо его жалеть... О, какое извержение вулкана! Сколько в нем было лавы! Как высоко она взмывала в небо! Господи, он залил все вокруг... Сударыня, скажите правду, вы с ним баловались нынешней ночью?

М а д а м д е С е н - А н ж. Еще как! Он меня так отодрал — в десять палок ровным счетом!

К а в а л е р д е М и р в е л. Смотрите, наша Эжени с макушки до пят в сперме этого разбойника.

Е в г е н и я. Я была бы не прочь утонуть в ней, захлебнуться... (Повернувшись к своему учителю.) Я все правильно делала?

Д о л м а н с э. Конечно, можно было и лучше. Но для первого раза неплохо. Правда, у вас были некоторые упущения.

М а д а м д е С е н - А н ж. Долмансэ, не забывайте, что ребенок первый раз ступил на стезю порока. Дайте срок — и Эжени утрет всем нам нос. Пока же следует поощрить ребенка за послушание и способности, обнаруженные во время занятия. К тому же пора переходить к следующей главе: сейчас вы, сударь, засунете в мою задницу свое орудие. Я буду отдаваться кузену: он воспользуется мною спереди, а наш ребенок поможет вам ввести в мой анус свой хобот и будет иметь возможность наблюдать всю операцию, которую затем ей придется испытать самой, но уже в объятиях Огюстена.

Д о л м а н с э. Благодарю вас за любезное предложение. В свою очередь я бы хотел внести небольшую поправку: пока я буду использовать ваш анус, а ваш кузен — брать приступом ваш передок, пусть наш Огюстен вонзит свое орудие в меня сзади. Не беда, что его хобот поник. Я его заставлю воспрянуть духом и поднять голову в два счета!

М а д а м д е С е н - А н ж. Вашей фантазии нет границ. По-моему, предложенная композиция отличается вкусом и замысловатостью. Я получу удовольствие, а наша ученица вместо одного урока — два сразу.

Долмансэ (приблизившись к Огюстену). Иди-ка ко мне, глупыш! Сейчас я верну тебя к жизни... Ну подари мне свой поцелуй! Ах, ты весь еще в слезах счастья! А я уже прошу от тебя новых слез. **Кавалер де Мирвел**. Кузина, прошу вас подойти поближе ко мне. Я улягусь на кушетку. Ты ляжешь на меня сверху и разведешь пошире обе половинки своей задницы... Пора приступить к делу!

Долмансэ. Не торопитесь, мой милый! Сперва я хотел бы откатать твою кузину! К тому же моя система воспитания предполагает верность принципам, на которых она зиждется. Дитя мое, я займусь орудием вашего сперматозавра, а вы постарайтесь, чтобы мое собственное орудие в это время было на взводе... Для этого и нужно-то всего касаться своей попкой его кончика. (Эжени выполняет просьбу своего учителя.)

Евгения. Я все правильно делаю?

Долмансэ. Меня смущает некоторая вялость вашего поведения. Приложите больше усилий! Сильнее обхватите мой хобот. Рукоблудие будет соперничать своей приятностью с собственно процессом совокупления лишь тогда, когда кулак, участвующий в нем, станет соперничать своей дырочкой со всеми дырочками тела... Итак, приступайте, приступайте! Пошире распахните свои юные ягодички! Мой хоботок должен прикасаться к вашей розовой раковине... А вы, кавалер, перестаньте околачивать хреном груши! Приступайте смело к своей кузине и раскройте глаза на прелесть мастурбации... Не успеете вы доказать ей преимущество этого занятия, как мы готовы приступить к построению общей композиции. Ну вот, у нашего зверя орудие уже на взводе! Теперь, сударыня, приготовьте свою задницу для моих упражнений по фехтованию. Эжени, смелее возьмите мою рапиру и воткните ее сзади в свою старшую подругу. Пока она будет корчиться в предсмертных муках, хватай вторую рапиру — этого бандита — и смело втыкай ее в меня! В этих двух ударах больше сладости, нежели боли!

Мадам де Сен-Анж. Милый Долмансэ, долго еще будет моя задница пребывать в ожидании вашего орудия? Я устала ждать.

Долмансэ. Блаженны ждущие... Но позвольте мне немного постоять на пороге этого заветного храма. Я хочу прикоснуться

божественным экстазом — и лишь потом очутиться внутри святилища. Один поцелуй! Еще один... Ах! А теперь держись, плутовка! Ты хотела быть пронзенной! Ты получишь то, что хотела. Ну как, ты ощущаешь проникновение моего разбойника в свой дом?

Мадам де Сен-Анж. О, это грабеж со взломом! Пускай твой разбойник проходит по всем комнатам и осмотрит все, что плохо лежит! Грабить — так грабить!

Долмансэ. Какая у вас прелестная задница. Если бы я был Зевсом, я бы предпочел ее — засранной жопе Ганимеда... Итак, дитя мое, покрепче бери в ручку орудие этого изверга и приставляй его к моему святилищу.

Евгения. Слушаюсь, господин учитель. Я покрепче обхвачу его рукой и поднесу ко входу... (Обращаясь к Огюстену.) Дружок, рассмотри внимательно место, где тебе дозволено высверлить дырку.

Огюстен. Фиг ли! Такая колдоебина! В нее можно всему провалиться и два дня искать выхода на свет божий. Кстати, не могу не заметить, сударыня, что пребывание в ней кажется мне более удобным... что ли, нежели в вашей норке! Можно получить от вас поцелуй для того, чтобы сверло работало шибче?..

Евгения (даря ему поцелуй). Ну теперь доволен! Мне тоже приятно тебя целовать: в тебе есть сила и грубость! Только не забывай о слесарных работах! Вперед! Вот видишь, головка сверла уже вгрызается в материал. Думаю, скоро и все сверло вступит в работу.

Долмансэ. О, скорее бы, черт возьми! Дубина стоеросовая, не медли! Только вперед! Не бойся, если материал треснет по швам! Вся моя задница — к твоим услугам! Вся, вся... Боже, сколько в тебе энергии! И какие размеры! Такие габариты мне еще не встречались на жизненном пути... Дитя мое, сколько сверла не вошло?

Евгения. О, совсем малость!

Долмансэ. Значит, основная часть приступила к работе! Это хорошо! Но как сладко и мучительно! Просто нельзя терпеть! (Обращается к кавалеру.) Мой друг, ты готов?

Кавалер де Мирвел. Если не верите, возьмите сами в руки!

Д о л м а н с э. Крепкое орудие! Ну что же, друзья мои, пора вам приступать к сладкой работе, нечего простаивать без дела.

(Медленно вводит орудие в лоно кузины.)

М а д а м д е С е н - А н ж. Наконец-то это произошло! Какое счастье — меня сверлят и спереди и сзади. Кайф! Чудо! Все мое существо бляди ликует! Неужели на земле есть представительницы слабого пола, которым неведомо это наслаждение? Вперед, вперед, друзья мои! Кузен, Долмансэ, вам предоставилась возможность скрестить шпаги. Дитя, я хочу навсегда запечатлеться в памяти твоих очей — такой развратной. Вот тебе пример для подражания! Порок — и только порок! Учись пить разврат по глотку, как хорошее вино! Это блюдо следует есть не спеша. Как прекрасна жизнь, когда из всех цепей ее сковывает лишь одна: разврат — соvrащение — кровосмешение — гомосексуализм... Мой бог — дьявол! Только ему — мои молитвы, мои поклоны! Только он может даровать мне новые радости — новые виды разврата...

Д о л м а н с э. Порочное животное! Твое блядство оказывает злобучее влияние на меня, мой хобот, мою сперму... Вот-вот она выплеснется через край, доведенная до кипения жаром твоих ляжек и твоих ягодич. Вот-вот... Между прочим, дитя мое, Эжени, ты забываешь о своих прямых обязанностях! Вспомни о том, кто за моей спиной! Он нуждается во внимании. Обними его, пощекоти ягодич, влей желание в его члены... Ведь тебе стоит только приблизиться к этому зверю, чтобы он обрел второе дыхание и его орудие воспрянуло духом. Вот теперь я чувствую — толчки стали упорнее. Прости меня, девочка! Я понимаю, что должен был бы, как воспитанный человек, отдать тебе права на это орудие... Но что поделаться, что поделаться?.. Ах, шевалье, почему ты не подождал меня! Пока я занимался словоизвержением, ты пришел к семяизвержению. Но тебе не долго придется ждать! Я вот-вот тебя догоню! Давайте придем к закономерному окончанию нашего процесса все вместе, друзья мои! К этому нас обязывает сама жизнь!

М а д а м д е С е н - А н ж. Какая взъебка! Я не буду участвовать в коллективном окончании. Мне дорога моя индивидуальность! Все, кончаю! Впрочем, я оставлю вам возможность залить меня

своей лавой. Я хочу, чтобы все мои низменности и равнины, холмики и взгорья подверглись наводнению. Елки-палки, какой мудеж получился у нас! Я теряю голову от удовольствия! Девочка моя, подари мне поцелуй, замешанный в сперме!

(Вся честная компания пребывает в состоянии, когда опоздавшим остались от хуя ушки.)

Д о л м а н с э. Гм, гм... Такого я еще не испытывал. Мой увалень наполнил меня до краев, как, впрочем, и я вас, сударыня! Не правда ли?

М а д а м д е С е н - А н ж. О, я добиралась до берега вплавь!

Е в г е н и я. Мне не повезло. Я прошла всю дорогу посуху. Милая, если бы хоть один твой грешок перебежал ко мне! Ах! Но меню, которое вы мне сегодня предложили, мои уважаемые учителя, просто превосходное! От него должно прибавляться здоровье, увеличиваться румянец, а все органы становиться крепкими, работающими.

М а д а м д е С е н - А н ж (улыбается). Милая моя девочка.

Д о л м а н с э. Какая наивность, какая искренность! И все-таки в воспитательных целях я должен вас пожурить.

(Дает Эжени несколько незлобивых шлепков по ягодичкам.)

М а д а м д е С е н - А н ж. Дорогой кузен, надеюсь, вы поняли, что программа-максимум на ближайшее время у вас перед глазами: эта девственница ждет тебя. Более того, она вся принадлежит только тебе! Какова целочка, а?

Е в г е н и я. Разве надо обязательно проникать в меня через передок? Мне будет больно. Давайте только сзади! Ведь показал же нам господин Долмансэ все прелести беседы с задними мыслями!

М а д а м д е С е н - А н ж. Видите, дитя настолько невинна, что молит вас о том одолжении, в котором вам всегда отказывают другие бляди! Оцените, друзья мои!

Е в г е н и я. Но что мне поделать с моим воспитанием? Меня мучает чувство стыда... Мне говорили, что когда мужчина делает это с мужчиной — это грех. А вы, господин Долмансэ, занимались только что этим со слугой... Неужели и здесь вы найдете аргументированное объяснение?

Д о л м а н с э. Дитя мое, оно лежит на поверхности: порок не является тем исчадием Ада, в котором пытаются нас убеждать

моралисты и ханжи всех времен. Более того, порок дарован нам той же Природой, что обучила нас добродетелям. Самые хитроумные выдумки развратного сознания, порочной мысли, сметающие нравственные устои цивилизованного общества, — все они находят свое зеркальное отражение в окружающей нас действительности. Зачем же питаться сладенькими сказочками Библии, занудливыми графоманскими творениями недалекого иудея со съехавшей после Вавилонского пленения крышей?! Конечно, если вы хотите, вы охотно поверите в то, что и Содом и Гоморра (а ведь были даже не города — деревушки!) подверглись наказанию неба. Так ведь умный человек всегда докопается до истинного положения вещей! А оно заключается в том, что, в силу своего расположения в радиусе действия какого-то вулкана, они погибли во время его извержения. Тоже мне, небесный промысел! Невежи, поверив в то, что для них более приемлемо (и ложно!), стали, в свою очередь, бороться со всеми романтиками, исповедующими нежные фантазии тела и повинующимися трепету кожи, — бросать их в пламя!

Е в г е н и я. Послушаешь вас — так и в самом деле решишь, что несчастных романтиков понапрасну сжигали...

Долмансэ. Так оно и есть, дитя!.. Взгляните на нашего романтика. Ах, его тело не имеет ничего общего (за исключением положенного!) с теми, кто встал в ряды осуждающих. Его ягоды свежие, натуральные пуховые подушечки, никакой мох не покрывает их. А дорога, ведущая в храм удовольствий, так чиста, так трепетна, так восприимчива ко всякого рода раздражителям, что не уступает в этом женской, а то и даст ей несколько очков вперед. Поведение нашего романтика безупречно: нежность, предупредительность, стройность мысли и стройность тела... Все недостатки и все достоинства женщин соткали этот ковер с изумительным рисунком. Разве можно не примириться с той женственностью, которую они лукаво отобрали у самих женщин? Разве не к лицу им женские слабости, женские одержимости, в конце концов — женская внешность? Если уж Природа не держит зла на их пристрастие подражать женщинам во всем, почему мы должны идти дальше нее? Нужно беречь эту породу мужской особи, ибо она в корне отличается своими задачами и мето-

дами их решения от основной мужской популяции: романтиков Природа изобрела, дабы земля избежала перенаселения. Не секрет, что у большинства мужчин вся цель жизни — в традиционном удовольствии с женщинами, что ведет к рождаемости, пропорциональной количеству удовольствия... Так что, дитя мое, следует смириться с установлениями Природы. К тому же философская установка идет рука об руку с личным удовольствием: боже, как это прекрасно, когда гигантское орудие вторгается в твою задницу, погружается до основания своего, возвращается на исходные позиции — и вновь вонзается по лобок! Нет, это удовольствие, дарованное самим небом! Оно не для простых смертных! Это удовольствие гениев. Это удовольствие художников. Это удовольствие мыслителей. Может быть, и боги наложили лапу на право исключительного владения этим удовольствием, но мы обожествили наши части тела, позволяющие достичь этого наслаждения, — и потому речь не о богах...

Е в г е н и я (трепеща от взволнованного монолога Долмансэ). Теперь я окончательно убедилась в вашей правоте! Умоляю, войдите в мой храм сзади! Я хочу, чтобы вы принесли на мой алтарь свою жертву. Только не говорите «нет»! Я не вынесу этого. И вообще, приближаюсь к окончанию урока...

(Мадам де Сен-Анж ловит ее в свои объятия, покрывает поцелуями и передает, как победную эстафету, Долмансэ.)

М а д а м д е С е н - А н ж. Ну что, сударь, добились своего?! Посмотрю я теперь на вас, как вы будете отвергать предложение этого невинного существа! Неужели эти прекрасные ягодички не соблазнят ваше сердце развратника? Они скучают, они вот-вот заснут. Они позевывают и трут глазенки... А вы стоите пень пнем.

Д о л м а н с э. Есть одно щекотливое препятствие, милое мое дитя. Вы прекрасны, но я не могу погасить маяк, который только что зажег... Все ваши достоинства, увы, уравнивает один недостаток: вы принадлежите к роду женщин... Это не для меня. Я бы распределил роли таким образом: вашим алтарем на задворках храма займется наш друг шевалье. Его кузина проникнет в задницу родственника посредством некоторого инструмента, который уже бывал в работе нашего общества. Это не помеша-

ет ей предложить ягодицы для услуг слуги. А тот, как воспитанный человек, не сможет не предложить мне свои ягодицы для тех же услуг. Кстати, его задница слишком долго пребывает в бездействии. Пора бы мне возвратить Огюстену все, что я получил от него авансом.

Е в г е н и я. Мне ничего не остается, как согласиться на ваше предложение. Я ценю ту изящную форму, в которую вы облекли свой отказ, не лишив его искренности и откровенности.

Д о л м а н с э. Дорогая, искренность и откровенность — единственное, что у нас осталось после того, как мы все раздали любимым. Они позволяют нам исповедовать наши принципы и въезжать на чужой жопе в рай. В этом — наша честь и честность.

М а д а м д е С е н - А н ж. А вот я всегда думала, что если кавалер привык нападать на ближнего сзади, то о его честности говорить не приходится.

Д о л м а н с э. Не буду вас разубеждать, сударыня. В бочке меда всегда отыщется место для ложки дегтя. Наша честность не исключает присутствия доли лжи, милого лукавства... Но кто докажет мне, что лукавство противопоказано нашему обществу? Напротив, поскольку мы имеем дело с теми, кто всеми правдами и неправдами скрывает от нас свои недостатки и пристрастия, кто демонстрирует нам несуществующие достоинства, — было бы опрометчиво с нашей стороны говорить с ними на языке искренности и честности. Они бы получили слишком много козырей в игре с нами. Какой выход? Разумеется, только прибегать к лукавству! Вот вам еще один наглядный пример: я являю собою весьма безнравственного человека. Но спросите всех моих знакомцев обоего пола обо мне. И вы услышите только самые приятные для слуха и сердца отзывы. Это не меняет того факта, что на земле не существует ни одной заповеди, которую я бы не нарушил, и нет ни одного нарушения правил, законов, норм, которое я бы не совершил!

М а д а м д е С е н - А н ж. Вы хотите сказать, что при известных обстоятельствах готовы пойти на преступление?

Д о л м а н с э. Этим мне тоже приходилось заниматься.

М а д а м д е С е н - А н ж. Теперь я вижу, что вы мне напоминаете того висельника, который сказал пришедшему к нему перед

казнью священнику: «Не стоит углубляться в тонкости. Кроме «мокрого дела», я совершил все преступления, известные человечеству».

Д о л м а н с э. Я бы мог повторить эти слова с полным основанием. Разве что «мокрое дело» также вошло бы в мой послужной список.

М а д а м д е С е н - А н ж. Я думала, что ваши занятия ограничиваются развратом...

Д о л м а н с э. Отнюдь нет. С такой бешеной кровью, как у меня, с таким буйным нравом нельзя себе ни в чем отказывать!

М а д а м д е С е н - А н ж. Хватит разговоров! Продолжим наши поебончики! Меня утомляют ваши разговоры, Долмансэ! Я подозреваю, что именно ваш воспрянувший духом хобот стимулирует вас вести такие страшные беседы. А мы, олухи, принимаем фантазии ненаебы за обобщающее теоретизирование развратников всех времен и народов.

(Участники создают композицию по рисунку Долмансэ.)

Д о л м а н с э. Не спешите, шевалье! Я хочу помочь вам ввести ваше оружие в задницу нашей девочки. Только сперва мне хотелось бы спросить разрешение у нее: очень хочется высечь ее драгоценные ягодички, чтобы задать жару на весь сеанс!

(С разрешения Евгении отшлепывает ее.)

Е в г е н и я. Какие мелочи, мой учитель! А признайтесь, вам все это нужно для удовлетворения своего низменного желания? Ведь не для моего же блага вы хлещете мою попку?

Д о л м а н с э (по-прежнему занимаясь своим делом). Не учи отца ебаться, плутовка! Когда-нибудь вы поймете всю силу этой вступительной увертюры! А покамест поверьте на слово и терпите!

Е в г е н и я. Ах, как больно! Вся моя задница горит огнем!

М а д а м д е С е н - А н ж. Дорогая, мужчинам нельзя давать спуска, иначе они нам на голову сядут. Я отдам ему твой долг.

(Мадам де Сен-Анж порет Долмансэ.)

Д о л м а н с э. Какая прелесть! Не правда ли, сударыня, в этом есть некоторая приятственность. Дитя, простите и поймите: я высекаю вас с той силой, с какой хотел бы сам быть высеченным. И в этом тоже установка Природы... Теперь позвольте мне внести легкие исправления в первоначальную композицию: сударыня,

дозвольте Эжени обхватить ножками вашу талию... Вспомните, как матери носят своих детей на закорках! В результате я получу сразу две задницы и стану пороть их разом. Кавалер и слуга будут то же самое проделывать с моей задницей — да секите покрепче! Никакой пощады!

Мадам де Сен - Анж. Я хочу вас попросить, Долмансэ, чтобы вы не выделяли во время порки никого из нас с Эжени: секите на равных! Боюсь, вы будете порой снисходительны к нашему ребенку! Напоминаю вам о социальной справедливости!

Евгения. Но у меня может потечь кровь... Вот она уже показалась...

Мадам де Сен - Анж. О, в сливки бросили клубнику. Не бойся, любовь моя! Через тернии — к звездам... То есть я хотела сказать: через муки — к удовольствиям!

Евгения. У меня нет сил терпеть.

(Долмансэ вынужден прервать воспитательную порку. Он осматривает плоды своих рук, но вскоре вновь приступает к делу.)

Долмансэ. Еще пять-шесть десятков ударов... Точнее, пять-шесть десятков на каждую. Ну, что, проблядушки! Догадываюсь, с каким смаком будете вы после такой порки натягиваться! (Композиция лишается стройности и гармонии и распадается на составные части.)

Мадам де Сен - Анж (внимательно разглядывая задницу девушки). Несчастливая моя, твоя попка орошена кровью! Неужели твой мучитель не осыплет поцелуями результаты своей злобучести?

Долмансэ (занимаясь мастурбацией). Отчего же? С удовольствием это сделаю. Замечу, что мои лобзанья могли бы быть и пламенней, если бы кровь пламенела с большей силой на заднице девочки!

Евгения. Изверг!

Долмансэ. Не буду спорить!

Кавалер де Мирвел. Долмансэ делает честь искреннее признание.

Долмансэ. Весьма признателен, сударь. Впрочем, вам пора приступить к осаде тыла девочки.

Кавалер де Мирвел. Попрошу вас поддержать ее во время

этой процедуры. А я — уж не сомневайтесь — попаду в цель с трех ударов.

Евгения. Боже, у вас оружие будет потолще, чем у Долмансэ. Вы меня разорвете! Умоляю, перестаньте!

Кавалер де Мирвел. Вы требуете невозможного. Неужели вам не стыдно перед учителем — вашим и моим? Покажу ему, чему мы научились.

Долмансэ. Ваше оружие уже в нашей крошке! Волосы лобка приникли с трогательной незащитностью к ягодичкам... Сударня, обратите внимание на кузена. А вы, Огюстен, приступайте к осаде госпожи. Мне же остается только отвечать вам тем же! По-моему, снова составила неплохая и дружная компания. Только, предупреждаю вас, друзья мои, нам следует следить за тем, чтобы всем прийти к развязке одновременно.

Мадам де Сен-Анж. Друзья, обратите внимание, наша юная подруга не находит себе места.

Евгения. Нашли чем попрекнуть! Я теряю сознание от удовольствия... Сперва выпороли... Затем воткнули это оружие шевалье... К тому же шевалье еще умудряется мастурбировать меня... Я не могу больше терпеть! Это выше моих сил.

Мадам де Сен-Анж. Однако и я кончаю.

Долмансэ. Не торопитесь, не торопитесь! Стоит вам потерпеть минуту-две, как я догоню вас и присоединюсь к вашему финалу.

Кавалер де Мирвел. Увы, поезд ушел! На моей реке начался ледоход, и маленькая Эжени это чувствует лучше всех вас... О, какое блаженство!

Долмансэ. И все-таки я вас догнал — хоть на финише, но догнал!

Огюстен. И я, сударь, как велит мне мой долг, не мог отстать от вашей милости!

Мадам де Сен-Анж. Непередаваемое впечатление! Вся моя задница — в следах извержения вулкана... Помпея!

Кавалер де Мирвел. Ванная, дорогие мои, кажется, уже наготове! Не желаете ли погрузить в нее свои тела?

Мадам де Сен-Анж. Вот еще! Ни за что на свете не отдам это удовольствие! Чувствовать лаву, стекающую по твоим ягодичкам в тебя... Такое нельзя променять ни на что!

Евгения. Меня одолевает еще один вопрос... Учитель, разрешите

мои сомнения: можно ли женщине соглашаться на подобное предложение? Все-таки этот вид любви так необычен...

М а д а м д е С е н - А н ж. Женщина обязана отвечать на такое предложение согласием! Более того, она вправе не просить, а требовать, чтобы во время любовного мероприятия ей даровали именно такой способ соития! Но если ее отношения с мужчиной омрачены зависимостью от него или корыстью, если в них нет благословенного альтруизма, — женщина должна довести мужчину до белого каления: он должен на коленях просить ее о подобной услуге. Хотела бы я посмотреть на такого любовника, который откажется от такого удовольствия! Женщина, наделенная умом и смекалкой, может ввергнуть его в такое умопомрачение, что он отдаст ей последнюю рубашку с себя, а о кошельке уж и не говорю... Главное, она должна следить за развитием событий и отдаться в кульминационный момент ситуации.

Д о л м а н с э. Радость моя, Эжени, ты все еще считаешь наш разврат преступлением? Или в твоём сердце поселилась умиротворенность приобщения к истине?

Е в г е н и я. Да хоть это и преступление, — наслаждение оправдывает все издержки аморализма! Учитель, вы убедили меня: нельзя верить своим глазам! Следует верить только своему опыту! И вообще, с этого дня в моем реестре преступлений число их значительно поубавится.

Д о л м а н с э. Я бы, продолжая твои рассуждения, пошел еще дальше: на свете нет преступлений вообще! У каждой тени есть свой свет, создающий эту тень. У медали всегда имеется две стороны.

Е в г е н и я. Разве кто-то подвергает эту истину сомнению?

Д о л м а н с э. Женщины, девушки, целки и прошмандовки! Не избегайте наслаждения! Принадлежите постели все свое свободное время! Отдавайтесь — лежа и встояка... Но бегите, бегите от самого чувства любви! Бюффон пришел к выводу, что только собственно физиология является настоящим носителем светлого начала жизни. Предпочитайте игру глубоким чувствам! К чертям слезы, сентиментальные письма, кокетливые взмахи ресниц и остальную чушь собачью! Верно служите двадцать первому

пальцу, не забывая регулярно менять его. Пусть все корешки, хоботы, щекотуны, шершавые перебивают у вас в гостях! Не давайте себя угнетать одному любовнику! Любовь приковывает человека к другому человеку, мешает изведать остальные наслаждения жизни. Она губительна для удовольствия. Женщины, вы должны раздавать свои цветы всем, кто захочет вдохнуть их аромат! Ваше призвание — блядство, а не верность одному елдаку! Ваш лозунг — «Удовольствие»! Ваш путь усыпан розами. Милая моя Эжени, задайте вопрос своей старшей подруге, что бы она сделала с любовником после того, как он подарил ей небесное наслаждение? Только спрашивайте потише, дабы не услышал разбойник Огюстен. Пусть она ответит вам на вопрос: если у нее похитят этого жеребца, который вызвал своим оружием слезы радости и благодарности, будет ли она пытаться вернуть его или же найдет себе другого — с бóльшим оружием? Я знаю, она ответит вам второе! А когда и нового жеребца у нее уведут в другое стойло, она найдет третьего... Ежели третьего не украдут, она убьет его сама через месяц-два, чтобы найти нового — для нового удовольствия!

М а д а м д е С е н - А н ж. Дитя мое, господин Долмансэ читает душу женщины. Более того — ему ведомы тайны сердец всех женщин на земле.

Д о л м а н с э. А теперь, милая Эжени, ответьте мне: вы все еще верите в то, что в человеке есть что-то святое? И вообще, что мешает вам любить нас и уважать так, как любите и уважаете вы своих родных и близких?

Е в г е н и я. Я всем сердцем буду верна вашим урокам. Они так магнетически притягательны, что рассудок навряд ли сможет их отвергнуть.

М а д а м д е С е н - А н ж. Это подарок Природы, милое дитя! Твое примирение с наставлениями господина Долмансэ доказывает правоту Природы. Ты и сама рождена Природой, ты дышишь еще теплом ее лона. Разве могут быть развратными твои мысли и чувства?

Е в г е н и я. Однако почему ваши взгляды и убеждения, рожденные, по вашему мнению, самой Природой, приходят в противоречие с законами человеческого общества?

Долмансэ. Законы, мое дитя, пишутся для общества людей. Интересы личности они совсем не учитывают. Индивидуальный интерес — враг интереса общественного. То, что пригодно для общества (во имя государственных интересов!), противно личности. Если один раз закон и защитит права личности от несправедливости, то все остальное время он служит угнетению человека, мешает его существованию на земле. Мыслящее существо терпеливо сносит все законы, ибо понимает: ядовитые змеи, жалящие нас, полезны нам именно своим ядом. Человек должен уметь, словно змей на своем пути, обходить законы... И ничего страшного с ним не произойдет. Так что, дитя, когда порочная страсть овладеет вами, не бегите от ее пламени! Напротив, отдайтесь ей со всей страстностью своей души! А мы только поможем вам в этом!

Евгения. Я чувствую, как такая страсть свила гнездо в моей душе.
Мадам де Сен - Анж. Что это за страсть, моя девочка? Признавайся!

Евгения. Но для осуществления замысла нужен человек.
Мадам де Сен - Анж. Его пол?

Евгения. Женский!

Долмансэ. Мы можем быть довольны своей питомицей. Она на глазах делает успехи.

Евгения (в иступлении). Дайте мне жертву! Жертву! Я хочу сама проделать эксперимент!

Мадам де Сен - Анж. Интересно, что ты задумала?

Евгения. О, я хотела бы сделать ее самым несчастным существом на земле! Боже, я не могу терпеть!

Долмансэ. Ну и воображение у нашей крошки! Иди ко мне, я поцелую тебя, мое счастье! (Обнимает Евгению.) По-моему, наша малышка научилась **к о н ч а т ь** головой. Нет, я просто обязан трахнуть ее еще раз сзади!

Евгения. А что я буду с этого иметь?

Долмансэ. Все, что пожелаешь! Чтоб я сдох!

Евгения. О, ты настоящий товарищ! Вот тебе моя задница! Владей ею!

Долмансэ. Не торопись, крошка. Наше удовольствие должно быть более приятным. (Дает указания, которые все исполняют.)

Ты, Огюстен, приляг на краешек постели; наша малышка ляжет на тебя; я пристроюсь к ней сзади и, в свою очередь, буду дразнить змейку в ее передней пещерке головкой хобота Огюстена. Огюстен, прошу тебя не заканчивать процесс раньше положенного времени. Наш кавалер, который слушает меня и мастурбирует втихую сам себя, расположится на плечах Евгении и подставит свои ягодицы моим поцелуям. Я же постараюсь мастурбировать его снизу. Итак, получится, что, засунув свой хобот в задницу Евгении, я буду иметь по елдаку в каждой руке... Мадам же пристроит себе годмище и введет его в меня.

М а д а м д е С е н - А н ж. Я боюсь вас изуродовать этой огромной орудинной.

Д о л м а н с э. Оставьте сомнения, сударыня! Вонзайте эту штуку смелее, черт побери! То-то будет славная взъебка! Мне удастся проникнуть в тылы нашей Эжени лишь в том случае, если эта штукенция — изобретение цивилизованного человечества — проникнет в мои тылы! Ну что, она уже т а м? Я чувствую, что т а м... Какая прелесть! Дитя мое! Советую приготовиться. Я проникну в твои тылы без всяких артподготовок и буду действовать согласно правилам войны. Японский городской! Какая чудесная задница у нашей малышки!

Е в г е н и я. Учитель, вы разнесете меня на клочки... Может быть, следует провести предварительную подготовку?..

Д о л м а н с э. Моя педагогическая метода исключает это! Зачем терять добрую половину удовольствия, растрачивая его на всяческие преамбулы и прелюдии? Дитя мое, помни о том, что твое унижение и рабство с его беспрекословным повиновением — на первой стадии процесса — обязательно перейдет в иное качество на второй стадии: ты станешь рабовладелицей и сама начнешь требовать беспрекословного подчинения! Но за разговором я упустил, а мое орудие уже стало проникать в тебя...

Е в г е н и я. О, вы решили доконать меня!..

Д о л м а н с э. Полегче на поворотах, моя радость! По-моему, я достиг предела...

Е в г е н и я. Раз так, я отдаюсь на милость победителя... Право, какое наслаждение охватывает меня!..

Д о л м а н с э. Однако щекотун Огюстена делает молчком свое дело:

он не упускает из виду язычок нашей невинной прелестницы... (Обращается к кавалеру де Мирвелу.) Мой друг, подставьте свои ягодички... Не правда ли, я мастурбировал вас на пять с плюсом?! Только не смотрите на меня как на профессиональную блядь! Ну и что из того, что я блядь?! Мне нравится быть блядью, мать-перемать! Пусть всякий, кто хочет, всегда сможет меня отбарабанить, откатать, отхарить, отвалить, отодрать... Малышка, пошевелись немного! Ледоход на моей реке вот-вот тронется и затопит твои низины... (Ледоход не заставил себя ждать. Долмансэ без сил распростерся на коврах.) Сударыня, ваш утлый челнок захлестнули волны — и спереди и сзади. Мой совет вам: обратитесь к мастурбации нашей малышки! Ей сейчас это будет в самый кайф!

Е в г е н и я (унимая дрожь в теле). Я бы не отказалась от подобного занятия! Пожалуйста, сударыня, сделайте то, что велит наш учитель! Я почувствовала вкус разврата.

Д о л м а н с э (обращаясь к кавалеру). Поскольку вашей женилке поручено сломать целочку Эжени, вы можете подготавливаться к этому счастливому занятию. Для начала присоединяйтесь к своей кухне и вдвоем доведите мастурбацию малышки до эпизода. Сами же уступите мне свою задницу, я, в свою очередь, уступлю свою — нашему Огюстену. Мне не жалко!

(Присутствующие размещаются согласно новому сценарию.)

К а в а л е р д е М и р в е л. Я принял верную позицию?

Д о л м а н с э. Вознесите свои ягодички более к небесам... Теперь все нормально. Приступаем!

К а в а л е р д е М и р в е л. Я ни в чем не могу вам отказать, мой друг. К тому же на свете нет ничего более приятного, чем это занятие: ласкать юную девушку...

(Осыпает Евгению поцелуями, мастурбировать ее, оказывая тем самым помощь кухне, занимающейся тем же.)

Д о л м а н с э. Сказать по правде, общение с шевалье доставляет мне большее удовольствие, чем — извините меня — с Эжени! Право, задница мужчины отличается в лучшую сторону от задницы девицы... (Обращается к Огюстену.) Что же ты стоишь пень пнем? Заходи сзади и приступай к делу! Я жду!

О г ю с т е н. Хотя я и стою пень пнем, но у меня не стоит... Эта

девушка выжала меня всего... К тому же ее задница, право, отличается от вашей в лучшую сторону. Ваши ягодицы меня не шибко-то возбуждают... Начинаешь понимать пословицу «быть в глубокой жопе»!

Д о л м а н с э. Боже, твоими устами говорит Природа. Не печалься! Все молятся своим богам. Твоя честность — дань правоте законов Природы, не больше, мудошлеп! Вот пооколачиваешь с мое хуем груши, тогда и поговорим. Нужен опыт, чтобы понять, что задница не идет ни в какое сравнение с передком!.. Малышка, прошу не отвлекаться от нашего урока. Ты слишком ушла в себя и свои мысли. Не буду оспаривать твою правоту. Но настоятельно рекомендовал бы тебе помастурбировать орудие кавалера... Ведь он старается для тебя, детка!

Е в г е н и я. Спешу и падаю, учитель! Как это прекрасно! Но что я чувствую?! У меня подходит! Сейчас мой вулкан проснется! О... Я теряю силы! Боже!!..

Д о л м а н с э. Непростительное безрассудство! Оно свойственно неопытной юности. Я же не хочу отдавать свою пылающую лаву вашей попке! Вы сделали свое дело — довели ее до кипения. И теперь я с большим удовольствием отдам ее вашей старшей подруге! В этом свой кайф: начинать в одном доме, а кончать дело — в другом. Кавалер, вы готовы к проведению нашей акции? По-моему, пора приступить к Эжени, а то ее целочка высохнет, как листик в гербарии.

Е в г е н и я. Господи, спаси меня от этого... Я не вынесу таких размеров... Учитель, может быть, вы собственноручно сделаете эту процедуру... Все-таки у вас параметры поаккуратнее.

Д о л м а н с э. Увы, дитя мое! Я за все годы жизни ни разу не впихивал орудие в передок. Зачем же мне изменять моим принципам?! Нет, пальма первенства принадлежит нашему другу шевалье. Пусть он воспользуется предоставившейся ему возможностью вкусить первым этот плод юности.

М а д а м д е С е н - А н ж. Я нахожусь в недоумении, милый Долмансэ. Вы отвергаете девственницу! Этот невинный цветок, символ чистоты и непорочности!.. Наша малышка обладает наипрекраснейшим передком в Париже! Ваши принципы губят вас, сударь! Нельзя пренебрегать диалектикой.

Д о л м а н с э. Молчите, шалашовка! Если я такой мастодонт, на ваш взгляд, то что бы вы сказали о моих единомышленниках: ни один из них никогда не согласился бы воткнуть вам в задницу свое орудие! А я не обошел вниманием ваш пердильничек и всегда готов это делать! Не нужно обвинять меня в ортодоксальности, я не стою такого отношения.

М а д а м д е С е н - А н ж. Вы меня убедили своим красноречием. Но я хочу попросить вас, кузен, поосторожнее проделывать операцию по ломке целочки Эжени... Вы же видите, какие микроскопические размеры у нашей крошки... Ума не приложу, как вы сможете сделать свое дело?

Е в г е н и я. О, я отдам концы от этого шершавого! И все-таки что-то требует, чтобы я смело ступала на стезю разьетки! Шевалье, включайте свое сверло! Я вся в боевой готовности!

К а в а л е р д е М и р в е л (сжимая свой штык наперевес). Бляха-муха! От меня не уйдешь. Теперь мы постараемся, чтобы мой елдак уместился в ножнах... Кузина! Друг мой! Возьми пташку за ее нежные ножки... Не будем измерять мою работу ее издержками! Главное — результат! Цель оправдывает средства. Надо сделать все для того, чтобы щекотун проник в девочку! Мы не можем поступаться принципами!

Е в г е н и я. Поосторожнее, сударь! У меня нет сил даже сопротивляться. (Девушка кричит благим матом, обливаясь слезами.) Помогите! Дорогая, почему ты не помогаешь мне! (Эжени пытается сопротивляться.) Послушайте, перестаньте! Мне больно! Прекратите этот урок! Помогите!

К а в а л е р д е М и р в е л. Бздунишка! Престань вопить, а то получишь поджопник! Повторяю: мой щекотун должен обязательно проникнуть в твои дебри.

Е в г е н и я. Выблядок!

Д о л м а н с э. Дитя мое, неужели ты не понимаешь, что при эрекции нами управляет только одно чувство?

К а в а л е р д е М и р в е л. Покрепче держите малышку. Наконец-то! Кажется, я проник! А то все — смехуечки да хаханьки! Крепкая целочка у нашей девочки оказалась! Ишь, потекла кровь...

Е в г е н и я. Ну вы и долбоеб, мой друг! Натянула глаз на жопу! Что же вы стоите! Продолжайте свое черное дело! Можете раскром-

сать меня теперь... Все по фигу! О, сладость поцелуя жертвы с палачом!.. Учитель, в самом деле, когда щекотун оказывается внутри тебя, совсем не больно... Какое пленительное ощущение! Не понимаю, почему юные девушки боятся такой прелюдии? Мгновение боли — за которым вечность наслаждения! Работайте, работайте, сударь! У меня подходит... Ваш бальзам должен смазать раны, которые вы же мне и нанесли. Ну вот, на смену боли приходит удовольствие. Наконец-то...

(Сценарий подходит к естественному концу: кавалер де Мирвел производит извержение своего вулкана; Долмансэ занимается его задницей; мадам де Сен-Анж уделяет внимание передку Евгении.)

Д о л м а н с э. Думается, теперь, когда ворота настежь, — можно в них пустить и нашего жеребка Огюстена.

Е в г е н и я. Вы с ума сошли! Он убьет меня своим хоботом... К тому же я вся в крови...

М а д а м д е С е н - А н ж. Ангел мой, не ссы кипятком! Все будет в порядке! Учитель все обдумал за нас. Терпи, душа моя, терпи!

О г ю с т е н. Бляха-муха! Я не прочь. Мой елдак всегда к услугам!

К а в а л е р д е М и р в е л (взявшись за оглоблю Огюстена). М-да, Эжени, вот это эстафетная палочка! Достойный соперник моему щекотуну.

Е в г е н и я. Это какой-то дурдом! Вы словно сговорились довести меня до смерти...

О г ю с т е н (подвалившись под бочок девушке). Вы сгущаете краски! Это занятие не грозит смертью, напротив, оно возрождает к жизни...

Д о л м а н с э. Позвольте мне внести определенные коррективы в нашу новую композицию: покуда Огюстен будет трахать девушку, я введу свое орудие в вашу задницу, мадам! Но вам следует разместиться таким образом, чтобы во время процесса я мог отхлестать попку Эжени. А меня, в свою очередь, в это время выхлещет по заднице наш друг шевалье.

(Все повинуются режиссерским указаниям Долмансэ.)

Е в г е н и я. Боже, этот блядун принял меня за кобылу! Где твоя ла́ска, жопник хренов? Поосторожнее обращайся с девушкой, а

не втыкай так молниеносно! Черт побери, учитель, вы так меня хлещете по заднице, что я пылаю и спереди и сзади!

Д о л м а н с э (сечет девушку с размаху). Так было задумано, малышка! Отцы-деды использовали это приемы, и ничего — не умерла! К тому же ты, бздунишка, от таких манипуляций раньше времени придешь к пику удовольствия. Сударыня, я бы посоветовал вам своими нежными пальчиками поласковее мастурбировать девочку: ваша нежность должна компенсировать жестокость, которую мы вынуждены причинять нашей птичке... Но я чувствую, что первым приду к финишу... Виной вы, сударыня: ваша задница пленительна! И вообще я чувствую себя членом вашей семьи: спереди сестра — сзади брат!

М а д а м д е С е н - А н ж. О, как приятно быть выдранной вами. Я никогда еще не получала такого наслаждения.

К а в а л е р д е М и р в е л. Мой друг, я предлагаю сделать легкую перестановку, которая пойдет только на пользу нашей композиции и уж подавно приведет ее к новой гармонии: ваш елдак перепрыгнет из задницы моей кузины в задницу Эжени — гопля! Я пристроюсь к ягодицам кузины. А она, в свою очередь, похлещет ваши ягодицы — долг платежом красен!

Д о л м а н с э. Ничего не имею против... Гоп-ля! С этим номером можно выступать в труппе городских циркачей на площади!

Е в г е н и я. Приплыли! И я снова попала как кур в ошип! Теперь я знаю, что удовольствие, помноженное на удовольствие, дает ни с чем не сравнимое удовольствие! Боже, я вся затоплена вашими двумя Везувиями! Сколько лавы во мне! Учитель, этот жеребец так подмял меня под себя, что его хобот дошел аж до глотки! О, сейчас я присовокуплю свою лаву к вашей... О!.. (Композиция рассредотачивается.) Моя дорогая, я все правильно делала? Теперь из меня может получиться блядь? Ах, какое ощущение в теле! Я словно выпила черт-те сколько вина! Я готова идти на улицу и отдаваться первым встречным.

Д о л м а н с э. Наша малышка неотразима.

Е в г е н и я. Негодяй, вы посмели не исполнить мою идущую от самого сердца просьбу!

Д о л м а н с э. Бросьте, не стоит обижаться на меня и обижать меня этим. Я не мог поступиться принципами.

Е в г е н и я. Так и быть, я вас прощаю. Мне ли не уважать теперь принципы, которые делают людей такими, какой стала я?! Я и сама должна их теперь зарубить на носу, поскольку буду стремиться жить по новым правилам. Может быть, мы сделаем передышку и поговорим? Долмансэ, почему вы не продолжаете свой урок? Разве стоит пренебрегать теорией? Скажите мне что-нибудь, что бы развеяло мои сомнения и подарило надежду.

Мадам де Сен - Ан ж. Она права. Практика без теории мертва — и наоборот. Если мы хотим добиться успехов в нашем воспитании малышки, мы должны совмещать и то и другое.

Е в г е н и я. Сейчас меня волнует вопрос, в каком соотношении находятся нравственность и государство? И вообще, может ли мораль оказывать воздействие на общество?

Д о л м а н с э. Вот кстати: я сегодня приобрел возле Дворца Равенства некую книжонку. Может быть, она сможет ответить на ваши вопросы? Издана вроде бы недавно.

Мадам де Сен - Ан ж. Весьма неопределенное название: «Французы, еще один шаг — и вы станете настоящими гражданами Республики!» Может быть, кавалер соблаговолит почитать нам это произведение?

Д о л м а н с э. Мне кажется, эта книжка поможет Евгении разобраться в мучающих ее вопросах.

Е в г е н и я. Я тоже так думаю.

Мадам де Сен - Ан ж. Огюстен, ты можешь удалиться. Тебе это чтение пойдет во вред. Впрочем, не уходи слишком далеко. Ты можешь быть еще нужен нам.

К а в а л е р д е М и р в е л. Внимание, приступаю к чтению.

«Сейчас я поделюсь с вами грандиозными идеями. Над ними стоит поразмышлять. Что-то из них вам не понравится, но какие-то обязательно придутся по вкусу и останутся в памяти. Как борец за прогресс, я в любом случае останусь доволен результатами усвоенного. Мне ли не знать, как медленно проникает истина в человеческие головы? Великая цель — всеобщее благоденствие — еще слишком далека. Вы думаете, мы сможем ее достигнуть, если нам представят новые законы? Ничего подобного! Что мы будем делать с законами без своей религии? Нам нужно преклоняться перед новым

божеством — таким, какое подходило бы гражданину-республиканцу. Мы живем в таком веке, когда всеочевидно: религия должна опираться на мораль, а не мораль — на религию. Нужна новая религия, которая основывалась бы на прогрессивных нравах как неизбежное и полезное следствие. Религия, которая могла бы вознести воспитание душ до высоты своего бесценного идола — Свободы.

Но в таком случае ответьте мне: как может зарождающееся здоровое и свободное поколение мириться с прежним господством христианства? Нет, соотечественники мои, это недопустимо! Если французы и дальше согласятся прятаться в сумерках христианской морали, их ожидают, во-первых, тирания, деспотизм священников и все прежние грехи и, во-вторых, узость мышления, слабость духа, при которых никогда нельзя стать настоящими республиканцами. Не забывайте, что эта ужаснейшая религия всегда была превосходным оружием в руках тиранов, ее главный догмат — утверждение: «Кесарю кесарево». Но мы уже свергли кесаря и не должны уже больше ему ничего. Французы, не верьте тому, что отрекшиеся от убеждений священники и их сообщники станут по-другому смотреть на мир. Они неисправимы в своем грехе. Десяток лет — и священники с помощью своей веры, даже если они станут бедняками и примут присягу на верность республике, — снова приобретут влияние над народом. И вновь начнется приучение народа к повиновению, как то потребно будет новым кесарям, поскольку власть всегда приходила на помощь религии. Следствием этого будет разрушение здания Республики, которое лишится своего фундамента.

Я обращаюсь к тем, кто держит оружие в руках: срубите дерево лживой веры; нельзя ограничиваться срезыванием ветвей! Результатом должно стать полное вырывание этого растения с корнями — это лишит его возможности плодоносить во вред людям.

И еще: будьте всегда уверены в том, что наша система, которая зиждется на свободе и равенстве, будет противоречить принципам служителей религии. Вряд ли найдется хоть один такой служитель, который бы искренне исповедовал свободу и равенство и не хотел их стереть в порошок, если судьба вновь предоставит ему власть над умами людей. Найдется ли хоть один из священников, кто не захочет вернуть отнятые у него власть, авторитет, имущество. Ведь свое настоящее состояние он сравнивает с прошлым — не в пользу пер-

вого. А люди слабые духом, трусливые всегда найдутся, чтобы добровольно пойти в рабство к владыке с выбритым затылком.

Так почему вы решили, что все несчастья, происходившие раньше, не могут повториться? Или попы сейчас не находятся в таком же подвешенном состоянии, в каком они пребывали во времена апостольской церкви? Деяния их хорошо известны. Что же позволило им достигнуть положительных результатов? Не те ли преимущества, которые даровала им вера? Таким образом, если сейчас будет полностью запрещена вера, которую проповедуют служители церкви, то эти самые служители все равно достигнут нужных им результатов с помощью средств, испытанных раньше. Следует уничтожить опасность, которая является первопричиной.

Мы видим, что предрассудки нынче становятся прахом: люди все меньше верят в абсурд католической веры, храмы закрыты, кумиры повержены, брак стал явлением гражданской жизни. Некоторые священники присягнули и служат Республике, хотя есть среди них и такие, которые покидают своих верующих.

Европа пытается сорвать повязку со своих глаз. Мгновение — и она будет сорвана!

Надо спешить, иначе Рим, который стремится предотвратить эту инициативу, сможет сохранить себе какое-то число сторонников. Немедленно вступайте в борьбу! Пусть крона древа Свободы осенит своей тенью камни разрушенной кафедры святого Петра.

Напомню, Европа ожидает от Франции освобождения и от скипетров, и от кадила. Нельзя освободиться от монархии, не сбросив цепи религии. Ибо цепи царей и священников тесно связаны между собой. Сохранив в целости узы церкви, вы сохраняете и цепи монархии.

Ни один республиканец не должен склонять голову пред обманщиками. У гражданина республики есть только одни боги — смелость и свобода. Будем помнить, что Римская империя исчезла в тот самый момент, когда началась проповедь христианства. Поэтому и Францию можно считать погибшей, пока на ее земле сохраняется христианская религия.

Нужно ли христианство республике? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует бросить взгляд на все догмы и таинства, обряды и мораль этой религии. Не верьте в то, что я могу позволить господ-

ствовать над собою человеку, которого видел склоненным перед идиотом, священником Христа! Никогда! Каждый христианин по причине своих потребностей будет склоняться в душе ко всем жестокостям прежних порядков. Если он верит религиозным глупостям (а нам известно, насколько они мерзки), то он не может быть учителем и создавать законы. Он то, что он есть: раб предрассудков и суеверий.

Чтобы поверить мне, взгляните на тех, кто остался верен абсурдной вере наших дедов и отцов. Среди них вы увидите врагов республики, весь синклит монархистов и аристократов. Раб коронованных бандитов склоняет голову перед лживыми принципами, поскольку эти идолы созданы исключительно в расчете на его низменную душу. Способный склоняться перед монархом склонит голову и перед Богом. Французы, мои сограждане, неужели вы будете валяться пред троном? Лучше тысячу раз умереть, чем снова оказаться в неволе!

Если же вы решите выбрать какую-либо веру, то лучше всего избрать объектом подражания древних римлян, у которых почитались подвиги и страсти, рождающие героев. Эти кумиры возвышали душу, наделяли ее огнем; они привносили в нее добродетели кумиров, избранных для поклонения.

К примеру, тот, кто поклонялся Венере, стремился к мудрости, смелость вселялась в сердце поклонявшегося Марсу. Все великие боги были полны энергии, и в души их поклонников вселялось их пламя. Люди стремились стать, по крайней мере, такими же великими, как взятые ими за образец герои.

Видим ли мы это у ложных кумиров христианства? Что дает нам эта вера? Неужели лжец из Назарета сумел привить кому-либо свои сумасбродные идеи? Или его мать Мария, почитающаяся девой, может привить вам добродетели?

Найдите мне среди синклита святых, которыми полон христианский рай, хотя бы один образец величия, смелости, добродетели! Нет, эта глупая вера не способна рождать великие идеи!

* Если кто-либо решится исследовать христианскую веру, то он увидит, что ее невежество является следствием невежества иудеев, а частично — следствием издержек вероисповедания язычников. Ранние христиане, судя по всему, включали в свою веру только современные им пороки, а не усваивали все выработанное народами древности в течение многих веков.

Даже в Риме множество орнаментов и украшений дворцов папы сделаны по образцам язычества. Видимо, до последних дней существования мира язычество будет питать таланты гениев.

Справедливости ради отмечу, что теизм* также не дает поводов для вдохновения. Никакие абсурдные идеи, якобы вселяющие в душу гражданина силы, питающие республиканские добродетели, не смогут заставить человека претворять в жизнь эти добродетели.

Видимо, поэтому только атеизм является сегодня единственным мировоззрением мыслящих существ.

Просвещенность позволяет признать нам, что материи присуще внутреннее движение. Этот двигатель, благодаря которому материя испытывает движение, на сегодняшний день не что иное, как призрак. По логике вещей, если сущность всего в движении, то зачем нужен двигатель?

Мы стали осознавать, что первые законодатели изобрели Бога исключительно для закабаления наших душ. Они присвоили себе право высказываться от имени того, кто дает всему движение, и при этом, естественно, заставляли Бога произносить только то, что могло питать их законы, обращающие людей в рабство.

Ликург, Нума, Моисей, Иисус Христос, Магомет и другие великие деспоты, будучи одновременно и великими лжецами, сумели слить свое честолюбие с божественными выдумками. Видя, как легко одурачить народ, они повадились обращаться за советами к богам — правда, лишь в тех случаях, когда ответы истолковывались в пользу шарлатанов.

Лживый Бог, которого пытались нам навязать, и все сопряженные с его существованием таинства, сегодня подвержены презрению.

Эти игрушки теперь перестали развлекать мыслящих людей. Уничтожение религиозной веры должно теперь войти в принципиальный обиход всех народов Европы. Довольно ограничиваться низвержением скипетра. Следует развеять в прах и кумира! От суеверия до монархизма один шаг**. Есть ли кто-нибудь, сомнева-

*Теизм — религиозное мировоззрение, исходящее из понимания бога как абсолютной личности, пребывающей вне мира, свободно создавшей его и действующей в нем. (Примеч. ред.)

**Если бросить взгляд на всемирную историю, то можно увидеть, что власть монархов постоянно сохранялась. Если же народам и удавалось сбрасывать правителей, то суеверия заставляли их на место сброшенного повелителя возводить другого. Так цари поддерживали веру, которая, в свою очередь, поддерживала их, освящая их власть...

ющийся в этом? Когда-то подобное положение вещей считалось необходимым. Ведь первейшей заботой монархов являлось укрепление господствующей веры — опоры трона. Теперь трон пал, с ним покончено, не нужно бояться уничтожать то, что было его опорой!

Граждане, религия несовместима со свободой мысли! Свободный гражданин никогда не будет преклонять колени перед кумирами христианства, его никогда не увлекут догмы, таинства, обряды и мораль этой веры. Вам нужно сделать еще одно усилие, чтобы окончательно избавиться от всех суеверий, ибо даже одно сохранившееся из них способно возродить уничтоженные. Не жалеете источник или колыбель суеверий: именно они возродят их!

Неужели после всего сказанного следует верить в полезность веры? Не лучше ли дать нам справедливые законы, а уж без веры мы как-нибудь обойдемся! Хотя замечу, что кое-кто продолжает уверять нас, что народу необходима какая-нибудь религия. Не будем спорить! Нам остается ждать от вас той веры, которая придется по вкусу свободомыслящим гражданам. Возвратите нам языческих кумиров!

Мы примемся с прилежностью преклонять колени пред Палладой, Гераклом и Юпитером, но мы не хотим верить в изобретенного Творца всего сущего, которому присуще внутреннее движение испокон. Мы не хотим иметь дело с Богом всемогущественным, который, впрочем, никогда не мог добиться осуществления своей воли. Нам не нужно всеблагое существо, рождающее недовольство. Зачем нам тот, кто обожает порядок, но сам правит в полнейшем хаосе? Словом, нам не нужен Бог, который противоречит Природе и рождает путаницу, под влиянием которого человек вынужден совершать омерзительные поступки. Такой Бог рождает негодование в нас, и мы оставляем его в полном забвении, из которого, впрочем, Робеспьер пытался совсем недавно его извлечь*.

Граждане, вместо омерзительного призрака мы должны восстановить тех кумиров, которые в прошлом сделали Рим владыкой мира!

* Странники любой веры единодушно превозносят мудрость и величие, которые присущи Богу. Но, внимательно приглядевшись к поступкам его, мы видим бессовестность, слабость, тупость. Говорят, что Бог сотворил этот мир для себя, но почему-то все его попытки добиться почта остались безуспешными. Бог, создавший нас для поклонения себе, не может этого добиться от нас. Не правда ли?

А с христианскими идолами следует поступить так, как вы поступили с регалиями королевской власти.

Постаменты, некогда служившие для статуй тиранам, станут подножиями статуй великих людей. Не будем бояться, что атеизм может быть превратно понят в деревнях. Ведь крестьяне уже сами поняли необходимость уничтожения католической веры, мешающей утверждению идеалов Свободы. Именно крестьяне смотрели без малейшего страха на разрушение алтарей, изгнание священнослужителей. Они первыми смогут отказаться от мнимого Бога.

Повторяю, статуи Марса, Венеры, Свободы должны быть воздвигнуты в крестьянских поселениях, чтобы поселяне справляли вокруг них свои празднества. Отличившийся перед Родиной сможет на таком празднике получить венок.

Возле рощ влюбленные станут возносить молитвы Венере, Гименею, Амуру, украшающему вершину сельского храма. Грации увенчают постоянство и любовь венком. Не только любовь станет причиной награды. Ответной любви удостоятся те, кто проявит героизм, таланты, человечность, великодушие, гражданственность... Именно эти дары положит любовник к ногам возлюбленной. И они заменят знатность и богатство, привлекавшие раньше безмозглую спесь.

Почитание богов позволит проявиться добродетелям, тогда как прежняя вера рождала преступления.

Вера, соединясь со свободой, оживит, усилит, воспламенит свободу. Замечу, что теизм станет по своей сути и природе самым отъявленным врагом нашей свободе!

Да и стоит ли он, этот теизм, хоть одной капли крови, пролитой в Византии при разрушении языческих идов? Ведь произошедший там переворот был подготовлен глупостью народа-раба и произошел беспрепятственно. Неужели дело философии станет для нее тяжелее дела деспотизма?

Что же мы видим? Священники продолжают держать народ коленоупреклоненным перед своим выдуманным Богом. Следует удалить их — и пелена с глаз упадет сама собой. Народ сможет во всем сам разобраться. Освободясь от тирании, он сможет освободиться и от суеверия. Неужели вы опасаетесь, что народ сбросит с себя цепи веры? Глупо!

Неужели вы думаете, что тот, кто не боится карающего меча правосудия, перестанет быть подверженным греху из-за будущих адских мук, над которыми он смеется со дня своего рождения? Ваш теизм не сумел предотвратить еще ни одного злодеяния, хотя способствовал рождению многих преступлений. Если верить в то, что человеческие страсти способны нас ослеплять и образуют вокруг нас облако, скрывающее опасности вокруг нас, — можно ли в таком случае предположить, что те наказания и муки, о которых нас предупреждал Бог, рассеют этот туман? И меч правосудия, занесенный над страстями, не в силах помочь здесь.

Идем дальше: если уже доказано, что идея Бога бесполезна и Бог становится опасен сам по себе — если его идеи принимаются на веру, — то зачем он вообще нужен, этот Бог? Зачем нужно его дальнейшее существование?

Предвижу возражения: мол, мы еще недостаточно созрели, чтобы развивать революцию столь решительно. Но ведь путь, пройденный нами с 1789 года, был намного труднее пути, который предстоит пройти в будущем. Для того чтобы провести в жизнь мои предположения, следует подготовить общественное мнение, что будет выглядеть весьма незначительным по сравнению с нашей агитационной работой, проведенной со времени уничтожения Бастилии.

Наш народ, сумевший сбросить бессовестного монарха с вершины власти к подножию гильотины, победивший в столь малое время предрассудки, сорвавший с себя множество цепей, думается, найдет силы пожертвовать призраком во имя процветания республики. К тому же этот призрак еще более иллюзорен, чем призрак монархии.

Граждане, пора нанести первые удары по религии. Остальное доделает народный разум и просвещение. Это дело должно стать основной вашей заботой. Просвещением же послужит естественная нравственность, которая находилась в запущении во времена властвования религиозного образования.

Вместо глупостей, рождающих богов и утомляющих детские души, следует учить молодежь началам человеческого общежития. На место молитв должны стать общественные обязанности. Дети должны научиться нежно любить добродетели, которые ранее не упоминались и которых достаточно вполне для личного счастья.

Пусть ученики почувствуют, что счастье заключается в том, чтобы вести других к такому же счастью, которого мы желаем себе. Только не вздумайте основанием для этих истин снова взять христианство, как это делалось раньше. Как только ученики увидят нерсальность этих оснований, они опрокинут все здание и станут злодеями, поскольку, по их мнению, отвергнутая вера запрещала злодейство.

Пусть ученики почувствуют сами необходимость добродетели, от которой зависит и их счастье.

Пусть ими управляет закон эгоизма, который окажется самым действенным законом.

И еще: избегайте того, чтобы какая-нибудь христианская сказка или притча проникла в процесс обучения. Мы должны воспитывать свободных людей, а не рабов Бога. Пусть философ откроет молодежи таинства природы и докажет им, что знание о Боге является опасным для людей и не приводило ни к чему хорошему!

Счастье не может быть достигнуто, если причиной непознанного считают вещь еще более непознанную. Лучше наслаждаться красотами природы и чтить ее законы, которые содержат в себе и мудрость и простоту, чем пытаться постичь естество.

Природные постановления запечатлены в сердцах людей. В них же заключены и все ответы о причинности наших поступков.

Если ваши ученики начнут задавать вам вопросы о создателе мира, советую вам рассказать им о природе, которая является символом вечности, неизменности, о природе, не возникающей и не умирающей. Нет никакой пользы в том, что кто-то пытается искать некие несуществующие начала, которые ничего не объясняют и ни к чему не ведут. Поставьте перед учениками вопрос: как можно получить представление о том, что не воздействует на наши органы чувств?

Ведь все наши идеи являют собою представления тех объектов, что воздействуют на органы чувств. Идея же Бога существует вне всякого объекта. Эта идея — все равно что следствие без причины. Не шарлатанство ли это?

Впрочем, можете продолжить вы далее, некоторые ученые считают, что идея Бога является для человека врожденной. Она дается людям еще в материнском чреве. Это тоже ложь. Любое

правило является суждением. Любое суждение есть следствие опыта. Опыт приобретается благодаря органам чувств. Религиозные правила не соотносятся ни с одним предметом и не могут являться врожденными.

Да и можно ли считать понимаемую с трудом вещь самой необходимой? Только сильно напуганный и оттого потерявший разум человек может так судить. Если, запутывая мысли, человеку советуют не слишком полагаться на разум, он начинает испытывать доверие ко всему остальному.

Вы должны объяснить своим ученикам, что страх и невежество — опоры любой веры. Человек становится верующим тогда, когда отсутствует достоверность Бога. И физическая и нравственная темнота влечет за собою страх. Постепенно он становится привычным и превращается в необходимость. Человек начинает считать себя чем-то обделенным, если ему нечего страшиться и он лишен надежды.

Вот здесь и необходима, как никогда, нравственность. Ее утверждение в сердцах ваших учеников должно происходить благодаря наглядным примерам и доказательствам. Ваши ученики должны вырасти гражданами, отцами и супругами, и рабские фантазии никогда не омрачат их души, а страх — не потревожит талант.

В человеческом сердце должен засиять свет настоящего патриотизма. В душах людей утвердится любовь к Отечеству, которая станет единственным господствующим чувством. Никакая другая идея не ослабит эту энергию. Те, кто придут на смену вам, только тогда будут чувствовать себя безопасно, когда начнут продолжать ваше дело и оно сделается законом всего мира.

Если же разрушения здания не произойдет, то снова начнется строительство новых кумиров, и ни вы, ни ваши наследники не свергнут их с пьедесталов.

Религия — колыбель деспотизма. Первым деспотом на земле был первый римский царь Нума. Первый император Рима Август был одновременно и священником. Константин и Хлодвиг были скорее настоятелями монастырей, чем монархами. Гелиогабал был жрецом бога Солнца. Как видим, во все времена деспотизм поддерживал с религией теснейшую связь. Примите на веру, что религия есть основной закон власти монарха, и вам легче будет идти

далее: уничтожать вместе с царской властью — власть священников.

Не хочу быть превратно понятым: я не призываю к убийству или ссылкам священников. Эти методы противны моим принципам. Они достойны злодеев и деспотов. Зачем делать из убиенных и сосланных мучеников в глазах людей?

Служители достойны насмешек. Сарказм Юлиана нанес больше вреда христианству, чем жестокие меры Нерона.

Следует навсегда уничтожить саму идею Бога. Священники должны стать солдатами. Пускай они осваивают это благородное республиканское ремесло!

Если же кто-либо из них решится снова агитировать в пользу Бога и веры, то его должно забросать грязью на всех перекрестках Франции, обречь на глумление, насмешку, посрамление.

Вторичное нарушение установления должно обречь преступника на тюремное заключение. Закон должен разрешить самые крепкие богохульства, открыть путь для самых атеистических произведений, дабы изгладить из сердца все следы, оставленные религией.

Думаю, что в течение полугода мы сможем покончить с религией, и Бог станет достоянием небытия.

Теперь, когда мы доказали никчемность теизма в рамках республиканской государственности, рассмотрим, нужен ли он, собственно, нам, французам? Французы, вы не можете не понимать, что при новом правлении обязательно должны возникнуть новые нравы. Неужели гражданин республики будет поступать в жизни так, как это делал раб деспотии? Неоспоримо то, что множество заблуждений и проступков в республике ничего не значит, хотя во времена правления королей им и придавалось большое значение.

А такие злодеяния, как богохульство или цареубийство, в республике вообще будут считаться мнимыми, ведь не будет признаваться ни государство, ни религия.

Французы, давайте к завоеванным нами свободам совести и печати присовокупим немного — свободу действий, исключив, разумеется, только то, что подрывает государственные формы правления! Тогда мы будем иметь дело с небольшим количеством пре-

ступлений. И вообще, преступным следует считать только то, что вступает в противоречие с законом.

Мы же следуем Природе, которая одинаково прививает нам и порок и добродетельность, исходя из свойств нашей натуры.

Хочу попытаться рассортировать человеческие поступки, которые обычно принято относить к преступным. А также попытаюсь сравнить эти поступки с обязанностями граждан республики.

Классификация человеческих обязанностей обычно была следующей:

1. Обязанности в связи с Верховным Существом, которые накладывались на человека благодаря его простодушию и совестливости.
2. Обязанности по отношению к подобным самому себе.
3. Обязанности по отношению к человеку.

Согласитесь, первый разряд, обязывающий нас чувствовать свою связь с Богом, можно легко не принимать во внимание. Бог не вмешивается в нашу жизнь. Человек потому существует, что не может не существовать в этом мире.

Следствием этого — упразднение разного рода преступлений против религии, то, что именуется нечестивостью, святотатством, богохульством, атеизмом и т. д. Не надо понимать меня так, словно я предлагаю разрешить все вероисповедания. Я стремлюсь к тому, чтобы любая вера стала объектом насмешничества. Собравшихся для молитвы людей следует рассматривать как комедиантов театра.

Если же мы не будем рассматривать любую веру с насмешкой, то народ станет воспринимать ее всерьез и придаст религии значимость. Если же мы будем покровительственно относиться к какой-либо религии, то исчезнет сам принцип равенства и вновь возродится господство аристократии.

Кумиры должно не опрокидывать, а разрушать, и тогда всякого рода мнение о них будет уничтожено. Отсюда — никакие законы, борющиеся с религиозными преступлениями, не должны быть действенными, в ходу. Нельзя карать того, кто согрешил против химеры.

Рассмотрим второй разряд. Христианство предписывает нам не слишком конкретные правила общения с другими людьми. Например, нам предлагается любить ближнего своего как самого себя. Это противоречит законам Природы, которая должна управлять нами!

Любить ближних можно как братьев, как товарищей, дарованных нам Природой. С такими товарищами хорошо жить в республике, где упразднено всякого рода неравенство в человеческом общежитии. Только человеколюбие, братство, благотворительность должны руководить нашими чувствами.

Далее, попытаемся рассмотреть чувство стыда, которое способно увести нас от сложных душевных движений. Если бы это чувство исходило от самой Природы, она навряд ли позволила нам являться на свет голыми. К тому же многие народы, не испорченные цивилизацией, ходят нагишом и не испытывают при этом никакой стыдливости. Обычай одеваться связан с климатическими условиями и женским кокетством. Женщины первыми поняли, что страсть можно вызвать не только естественным образом, но и искусственно стимулировать. Это открытие, естественно, они поставили себе на службу. К тому же это дает возможность скрывать те недостатки, которыми Природа сопровождает рождение наше, равно как и достоинствами.

Как видим, стыд может быть отнесен к результатам испорченности человека, но никак не к его достоинствам!

Те же Ликург и Солон, исходя, видимо, из выводов, подобных нашим, также полагали, что для соблюдения законов республики необходима безнравственность — следствие бесстыдства. Девушки, по их законам, должны были являться в театр исключительно обнаженными*. Примеру их последовали римляне: своим девушкам они также повелели танцевать на празднествах богини Флоры без одежды. Излишне говорить, что подобные обычаи существовали у языческих народов, видевших в этом определенную добродетель.

Есть мнение, что бесстыдство рождает разврат, который, в свою очередь, влечет за собою преступления разного толка. Обратим на них взгляды, начав с проституции.

Сбросив тяжесть религиозных пут, мы близко подошли собственно к природе. Голос природы твердит нам о том, что преступлением является всякое сопротивление естественным влечениям.

* Кое-кто полагает, что тем самым древнегреческие создатели законов сумели подавить в мужчинах страсти, возникающие при взглядах на обнаженную женщину. Более того, следствием было повышение внимания мужчин друг к другу. К тому же одетые мужчины, в свою очередь, стали более притягательными, нежели обнаженные тела девушек. Так безнравственность стала работать на мораль республики!

Сладострастие порождается естественными наклонностями, и стремление заглушить его в себе — по меньшей мере безрассудство. Более того, следует подумать о более оптимальном удовлетворении возникшей страсти.

Поэтому каждый гражданин, решивший отдаться развлечением, должен осознавать свою полную безопасность. Он может и должен отдаваться любому виду страсти со всеми, кто ему по сердцу и кто самим обществом благословлен на разврат. Ибо только разврат является мерилom свободы.

Города должны предоставлять для усад развратников удобные дома, где будут представлены лица любого пола, возраста — на все вкусы. Эти лица не смогут отказаться от желания развратника, ибо вслед за этим последует наказание. Согласитесь, все это укладывается в прокрустово ложе республиканских нравов?!

Ни одна страсть, повторяю, не является выражением наивысшей свободы, чем та, о которой мы говорим!

Пусть все тиранические устремления, которые испокон веков гложут человека, найдут свое воплощение в пространстве сераля, где гражданин в кругу ичогланов и одалисок получит все виды удовольствия, которые он может пожелать. Правительство не будет, таким образом, обеспокоено тираноборством своих граждан, которые получают возможность и способ разрядки энергии.

Конечно, можно поступить и иначе: сковать цепями то, что влечет к себе сладострастников. Мы помним, как этим занимались королевские министры на службе у Сарданапалов*.

Согласитесь, недовольный гражданин начнет испытывать зависть к правителям-деспотам. И люди могут стряхнуть с себя эти цепи, создав другой образ правления (что было произведено, как мы помним, совсем недавно!).

Мудрые греческие законодатели всячески поощряли разврат в Лакедемоне и Афинах, где разрешались все способы распутства. Сократ мог из постели Аспазии переходить в объятия Алкивиада и все равно составлял славу Греции и оставался мудрейшим в философском мире.

*Тот же Сартин шел на все, чтобы Людовик XV мог удовлетворять свои позывы. Несколько раз в неделю он сообщал монарху новости из значных мест столицы. Информационная службы стоила Франции 3 миллиона!

Далее: не кажется ли вам, что женская проституция столь же опасна, как и мужская?! Ведь женщины испытывают те же естественные потребности, что и мужчины, — и здесь природа воздала и тем и другим в равной мере. И почему женщины должны воздерживаться от того, к чему их призывает природа? По своей физической организации и духовной конституции женщины рождаются с расположением к распутству. Как и все животные, они готовы без всякого исключения отдаться любому самцу. Так постановила природа — и ранние человеческие общества следовали ее установкам.

Но следом стали возникать эгоизм, корыстолюбие и любовь, которые внесли в законы природы свои коррективы. Одни получали вместе с женщиной богатство ее семьи, удовлетворяя корыстолюбие и эгоизм. Другие сперва умыкали женщину, а затем уже в силу привычки возникала любовь к ней. Словом, несправедливость сопровождала каждое из указанных чувств.

Никогда бы такого не произошло со свободным чувством. Право мужчины на обладание женщиной несправедливо, как и право обладать рабами. Ни один пол не может владеть другим полом, ни одна общественная группа не может управлять другой общественной группой.

Если женщина будет следовать законам природы, она никогда не станет видеть причину отказа одному мужчине в любви к другому мужчине. Ни один мужчина не должен быть лишен возможности и права обладать любой женщиной. Это вытекает из закона: женщина принадлежит всем мужчинам!

Владение какой-либо формой собственности должно распространяться только на животных и недвижимую форму. Всякие претензии мужчин на исключительное обладание женщиной несправедливы. Если мы по природным установлениям наделены возможностью испытывать половое влечение ко всем женщинам, то мы обладаем и правом быть принятыми ими. И никакой исключительности здесь нет и не может быть! Это право носит временной характер*.

* Да не упрекнут меня в противоречивости! Я отнюдь не хочу доказать, что мы имеем право на принуждение женщину силой вступать в сношения с нами. Ведь я не имею права собственности на ключ, из которого хочу напиться. Но я могу напиться из него и пойти дальше. Так же и с женщиной: я не имею прав собственности на нее, но я имею право наслаждаться ею. И более того — обязан принудить ее к претворению этого права в жизнь.

Мы обязаны установить законы, по которым женщина должна уступать каждому мужчине, который ее захочет, — так, чтобы насилие производилось в соответствии с законом. Кстати, сама природа снабдила мужчину силой для того, чтобы он подчинял женщину своему желанию.

Предвижу, что женщины могут выставить свои аргументы: целомудрие, привязанность к тому или иному мужчине... Увы, это бездоказательно. Как мы уже видели выше, целомудрие — искусственное чувство. Любовь — это своего рода безумство души и не может претендовать на права, не свойственные ей.

Ведь любовь способна удовлетворить только двух людей — любящего и любимую. Поэтому она не обещает счастья обществу. Женщины же должны доставлять счастье всему обществу, а не распределять его согласно своим эгоистическим устремлениям. Все мужчины, повторяю, имеют право на сношение со всеми женщинами!

Закон должен обязать всех женщин заниматься проституцией, даже если они этого не хотят. Закон должен заставить их посещать дома терпимости. И если женщины откажутся подчиняться закону, они должны быть наказаны.

Таким образом, любой мужчина может рассчитывать на то, что он может насладиться любой женщиной или девушкой. Под наблюдением жриц храма Венеры женщина будет предоставлена пожелавшему ее мужчине и исполнит все его прихоти, какими бы странными они ни казались, поскольку ни одна из них не противоречит установлениям природы.

И не стоит ставить возрастные ограничения удовлетворения желаний. Всякий может сорвать с дерева плод — будь он зеленый или спелый. Хотя предвижу возражения: в раннем возрасте действия мужчины могут повредить девушке. Но мне безразлично, что испытывает существо, служащее удовлетворению моей похоти.

Допустив обладание мужчин всеми женщинами, мы должны допустить и обладание женщин всеми мужчинами. Наши законы должны поощрять горячий женский темперамент. Женщины перестанут сопротивляться своим природным склонностям, которые у них развиты значительно сильнее, нежели у мужчин. Женщины, получившие от природы более сильную по сравнению с мужчинами

склонность к пороку, должны предаваться разврату по первому своему побуждению, освобождаясь от всех предрассудков и уз Гименея.

Закон должен предоставить им право свободно отдаваться любому числу мужчин, которых они пожелают. Они должны наслаждаться представителями обоих полов, различными частями тела, какие им придут на ум.

Давайте подумаем о последствиях этого. У детей не будет отцов? Но ведь у всех граждан есть одна мать — родина. И дети, у которых с рождения будет только одна мать, вырастут большими патриотами — ибо все в своей жизни смогут получить только от нее. Все потомство принадлежит государству, и любовь республики распространяется на всех ее детей. Не говоря уже о том, что родители передают своим детям всякого рода предрассудки, которые могут удалить ребенка от общественной жизни. Узы привязанности к родителям делают детей равнодушными к родине, давшей им жизнь, знания, славу...

Обществу будет нанесен ущерб, если дети будут воспитываться в семейном кругу, чьи правила отличаются от интересов родины. Напротив, отделив детей от родителей, общество получит значительные преимущества. Если женщины начнут приносить обществу свои плоды нежной страсти, дети станут воспитанниками родины, как это и должно быть в каждой республике!

Все дома и места, предназначенные для разврата — как женского, так и мужского, будут взяты под контроль государства. Конечно, женщины смогут предаваться в них пороку с противоположным или своим полом — в полном соответствии с желаниями. И самой уважаемой гражданкой общества станет та, которая чаще всех посещает места разврата.

Начиная с юного возраста девушки смогут приобщаться в этих местах, не будучи стесненными ни родительской опекой, ни предрассудками, ни общественной установкой сохранять до заключения брака невинность (это будет окончательно отменено в законах!). Взятая и удовлетворенная, по возвращении в общество такая девушка не будет скрытничать, а, напротив, всем расскажет о своей прогулке, как сейчас она рассказывает о бале или празднике.

Таким образом, слабый пол получит свободу наравне с мужчинами. Нужно ли говорить, что сам вопрос прелюбодеяния будет снят

с повестки дня?! При старом режиме прелюбодеяние было преступлением. Женщине, наделенной от природы горячим темпераментом и чувственностью, более тяжело, чем мужчине, нести цепи Гименея. Новые же законы дадут женщинам возможность без опаски удовлетворять свои страсти. Ведь женщина рождена для того, чтобы нравиться мужчинам, а не принадлежать одному из них.

Возьмем за образец республиканцев Греции, которые (за некоторым исключением) не видели никакого преступления в прелюбодеянии и поощряли женский разврат. Вспомним, что и Томас Мор в своей «Утопии» показал, как полезно для женщин предаваться пороку*.

Татары оказывали наибольшее уважение именно той женщине, которая по своей порочности превосходила остальных. Она носила на груди знаки своего бесстыдства. И напротив, неуважение преследовало тех, кто не мог похвастаться такими знаками. В Перу жен и дочерей отдают проезжим по цене наемной лошади или повозки. На земле немало примеров тому, как разврат не рассматривался в качестве преступления у многих народов. То, что сладострастие стало преступлением, — вина лжецов христианства. Священники, запретив гражданам наслаждения, получили право узнавать о всех потаенных грехах и прощать их. Власть их над женщинами стала неограниченной. Чем они и пользовались на поприще сладострастия.

Опаснее ли прелюбодеяния — кровосмешение? Нет. Оно делает более широкими семейные связи и укрепляет любовь гражданина к родине. Ранние законы природы предписывали нам кровосмешение, к тому же мы и сами чувствуем, что обладание тем, что нам принадлежит, приятнее во сто раз. Многие религии земли поощряли кровосмешение, многие законы поддерживали его. Негры в Рио-Габоне и Кот-д'ю-Пуавр отдают своих жен сыновьям. В государстве Иуды первенец обязан был брать в жены дочь своего отца. Мужчины-чилийцы спят с дочерьми и сестрами, берут в жены и мать свою, и дочь свою. Так что кровосмешение должно стать законом, поощряющим братство. Неужели любовное наслаждение с матерью

*Томас Мор предлагал невестам показываться перед свадьбой обнаженными женихам. Право, это могло бы укрепить брак и сделать его счастливым. Но, увы, по-прежнему идет продажакота в мешке!

ли, сестрой, дочерью может быть сочтено преступлением?! Или преступлением можно считать наслаждение с людьми, наиболее близкими нам в силу установок природы?

Предполагаемое мною общественное владение женщинами поощряет кровосмешение. Излишне говорить и об изнасиловании. Но поскольку его считают тем самым распутством, которое якобы наносит человеку оскорбление, мы принуждены остановиться и на этой теме. Стоит ли доказывать, что насилие наносит ближнему несравненно меньше вреда, чем воровство: при воровстве мы присваиваем чужое, при насилии — портим чужое. К тому же насильник только приближает ту фазу, при которой объект его деяния вступит в брак или сам отдастся любовному чувству.

Но — спросите вы меня, — содомия не тот ли страшный грех, за который человечеством не придумано даже достойного наказания?! Можно только упрекнуть наших предков за то, что они приговаривали к убийству всех, кто был уличен в содомии. Неужели можно лишать жизни того, кто имеет наклонности, отличающиеся от вкусов других людей? Сегодня нам яснее ясного, что вино наших чресел мы наливаем в те сосуды, которые представляются нам наиболее предпочтительными и дарованы нам все той же природой.

Никто не станет считать преступлением переливание семени в ту или иную часть тела, если, конечно, не делить эти части на чистые и нечистые. Стало быть, и преступление состоит только в потере семени. Но является ли это преступлением? Ведь сама природа предоставляет нам возможность испускать сперму во время семяизвержения во сне или при сношениях с беременными женщинами. Неужели природа дозволила бы нам совершать преступление своих законов? Подобные рассуждения могут вовлечь нас в бездну бессмысленного мудрствования.

Мы должны твердо уверовать в то, что наши наклонности и желания никогда не противоречат естественным установкам природы. И нам сразу станет совершенно ясно, что женщиной следует наслаждаться всеми доступными способами, не говоря уже о том, что всевозможные удовольствия с девушками и мальчиками также будут нам казаться приемлемыми в обиходе.

Содомия есть средство нашей физической организации и менее всего зависит от нашего желания. Уже у маленьких детей проявля-

ются подобные хотения, которые затем не оставляют их в течение всей жизни. Порой содомия становится результатом пресыщения человека, но и в этом случае она не вступает в противоречие с природой. Любовь к мужскому полу дарована нам природой и освящается ее авторитетом. Если кому-либо удастся доказать, что содомия острее иных наслаждений и, предаваясь ей, мы получаем более живые удовольствия, если, в таком случае, число последователей этого порока несказанно увеличится в сравнении с числом противников его, то всем станет очевидно, что и в этом видна определенная установка природы.

Оглянитесь! Сколько народов презирало и презирает женщин! Некоторые из них прибегают к услугам слабого пола лишь в тех случаях, когда возникает необходимость продления рода. В республиках содомия была распространена в особых размерах, ибо в них мужчины проживали вместе и не считали этот вид разврата опасностью или предосуждением. Неужели законодатели Греции позволили бы мужеложству распространяться в тех государствах, если бы знали о его порочности и его вреде для общества?! Но они полагали, что мужеложство способствует сохранению духа воинственности в мужчинах. Плутарх рассказывает о фаланге «любящих» и «возлюбленных», охранявшей свободу Древней Греции. Сodomия царила в содружестве воинов, воодушевляя их на ратные дела, — и знаменитые личности древности не чурались этого порока.

Когда была открыта Америка, выяснилось, что большинство ее населения склонно к мужеложству. В Луизиане индейцы, нарядившись в женскую одежду, выставляли на продажу себя и свое тело. Негры Бенгелы содержали мужчин, а гаремы Алжира и по сей день наполнены одними мальчиками. Население Фив любовь к мальчикам возвело в статус закона...

Древний Рим, в котором мужеложство было распространено очень широко, отвел места, в которых мальчики, переодетые в женскую одежду, и девочки, переодетые в мужскую одежду, открыто занимались проституцией. Катулл, Марциал, Тибулл, Гораций, Вергилий — все они писали письма, дышащие неподдельной любовью, мужчинам, как, впрочем, и своим любовницам. В конце концов, Плутарх посоветовал женщинам не вмешиваться в отношения между мужчинами, если речь идет о любовной связи между ними.

Жители Крита похищали мальчиков, обставив кражу непонятными церемониями: похититель предупреждал родителей мальчика о времени похищения. Мальчик оказывал сопротивление лишь в том случае, если предполагаемый любовник был ему не по вкусу. Если же любовник ему нравился, он спокойно следовал за похитителем. Через определенное время похититель отсылал мальчика домой к родителям, поскольку страсть имеет дно, и имя ему — пресыщение. Страбон сообщает, что все публичные дома на Крите были полны одними мальчиками, предлагавшими себя желающим.

Теперь обратимся к перипатетику Ермолаю, доказывавшему, что любовь к мальчикам в Греции, придавая гражданам отвагу и силу, стала причиной изгнания тирании. Именно любовники составили заговор и, будучи разоблаченными, прошли сквозь жесточайшие пытки, не выдав других заговорщиков. Так республика укреплялась, благодаря любовным связям между мужчинами. Напротив, красноречие древних республиканцев направлялось против женщин, которым уделял внимание деспотизм.

Мужеложство находилось в числе пороков, наиболее свойственных воинственным нациям. По мнению Цезаря, галлы с радостью предавались содомии. Узнав о благоприятных последствиях на благо государства содомии, религия освятила однополую любовь своим авторитетом.

Римляне боготворили любовь Зевса к Ганимеду. По словам Секста Эмпирика, персы вменяли в обязанность каждому заниматься мужеложством. Даже всеми презираемые женщины предлагали мужчинам услуги, которые обычно предоставляли им мальчики. Некоторые мужчины попробовали, но вскоре снова занялись прежним развратом, не желая переносить обман.

Магомет в Коране освятил подобное извращение у турок. Впрочем, сами турки считают, что молоденькая девушка может заменить в такого рода деле мальчика, и пропускают женщин через подобное испытание.

Санчес пытался доказать полезность мужеложства для процесса деторождения: мол, ребенок, появившийся после предварительной подготовки, более крепок телосложением.

В результате женщины решили компенсировать свои убытки любовными играми друг с другом... Кстати, греки поддерживали

однополую женскую любовь из чисто государственных интересов. Общась друг с другом, женщины реже общались с мужчинами и не могли наносить урон республике. Об этом мы узнаем у Лукиана, да и история Сафо учит нас многому.

Так что нельзя углядеть никакой опасности в безумствах однополый любви! И пусть женщины уделяют внимание всякого рода монстрам и животным, — все равно в этом нет такого явления, как падение нравов. Напротив, это все весьма полезно для государства. Наши законодатели должны найти в себе благоразумие, мудрость и смелость, чтобы разрушить прежние законы и установления, направленные против тех, чья конституция тела является виной и причиной поведения. Виноваты ли такие люди? Не больше людей, появившихся на свет уродам!

Нам остается исследовать убийство и затем попытаться понять обязанности человека по отношению к самому себе. Убийство является, вне всяких колебаний, самым жестоким явлением, оно отнимает единственную жизнь — то, что получено нами от природы. Потеря эта не восполняется ничем. Но здесь мы имеем дело сразу с несколькими вопросами:

1. Есть ли убийство преступление, если принять во внимание только законы природы?
2. Является ли убийство преступлением под углом общественных законов?
3. Наносит ли убийство вред обществу?
4. Как должна относиться к убийству республиканская форма правления?
5. Должно ли наказывать убийцу — убийством?

Кто-то может посчитать наши рассуждения слишком смелыми, ну так бог с ними! Или у нас нет свободы слова? Я пытаюсь открыть вам те истины, которые давно должны уже были явиться в наш мир.

Итак, является ли убийство преступлением противу природных установлений? Что такое человек? Отличается ли он чем-либо от растений и животных? Разумеется, ничем! Он рождается и размножается, стареет, чахнет, как существующие рядом с ним на поверхности земли растения и животные. Он достигает старости и уходит в небытие, как только установленные природой пределы поставят перед ним этот вопрос.

Так что между человеком и животным мы наблюдаем полное сходство, и разницу здесь невозможно усмотреть даже умному глазу философа. Стало быть, убийство животного приравнивается к убийству человека. К этим двум явлениям мы относимся по-разному лишь потому, что наша гордость не позволяет нам примириться с таким уравниванием. Насколько ценно для природы то или иное ее создание, произведение которых на свет не стоит ей труда? Из чего составляются все появляющиеся на свет существа? Их образуют три стихии, существующие в результате простого разрушения других организмов. Будь эти организмы вечными, природе не удалось бы ничего другого создать на земле! Если мы примем тезис о невозможности вечного существования, то поймем и закон разрушения. Уничтожение приносит природе пользу, ибо стимулирует созидательную ее деятельность, предоставляет ей материал, возникающий вследствие разрушения и служащий для последующего строительства. Стало быть, мы имеем дело не с прекращением существования живого существа, а с изменением материи — закон, с которым согласны все современные философы. Смерть — это изменение формы, переход одного существа в другое — то, что названо Пифагором «метампсихозом».

Исходя из этого, стоит ли говорить далее о преступности убийства? Или преобразование может осуществляться без разрушения? На месте каждого умершего большого животного появляется много мелких — и жизнь их есть результат смерти большого организма.

Предпочитает ли природа одних другим? Полезней и приятней ли ей предмет продолговатый нежели предмет овальный? Так что можно утверждать, что, уничтожая любое творение природы, мы совершаем лишь изменение продолжающей жить формы. Жизнь отмечена неуничтожимостью, и нельзя считать преступлением мнимое уничтожение того или иного создания.

Является ли убийство преступлением в человеческом обществе?

Думаю, следует утверждать обратное. Всякое убийство в обществе людей было и остается инструментом в руках политиков. Рим стал владыкой мира благодаря убийствам. И Франция завоевала свободу благодаря им же. Здесь следует говорить и о потерях в ходе военных событий, и о жертвах мятежей и противников общественного порядка.

Именно политика нуждается в уничтожении людей, что на поверку, как правило, выливается в войну. Что такое война, как не наука разрушения?

Человечество учило и учит убиению друг друга. Люди, убившие больше других людей, устаиваются наград. Но стоит человеку отделаться от противника, руководствуясь частными принципами, — он подвергается наказанию!

Является ли убийство преступлением перед обществом? Будет ли обществу хуже, если в нем будет одним гражданином меньше или больше? Не произойдет ли от этого падение законов, нравов, обычаев?! Неужели смерть одного человека способна повлиять на состояние всего общества? Даже если исчезнет половина всего человечества, неужели оставшаяся часть не поправит положение дел?

Да и сама природа не почувствует никакого урона. Гордыня людей заставляет их думать, что все на земле создано для них и во имя их. Но и после полного уничтожения человеческого рода на земле и в природе все осталось бы на своих местах, не изменился бы ход небесных светил.

Так как же относиться к убийству в государстве? Дикари, наиболее приближенные к природе люди, совершают безнаказанные убийства ежедневно. Лакедемоняне в Спарте охотились на илотов, как у нас во Франции охотятся на куропаток. Самыми свободными государствами считались те, в которых совершалось и совершается наибольшее количество убийств. Например, на Минданао предполагаемого убийцу жалуют особым статусом и украшают тюрбаном. А жители Карагуос устаивают подобным украшением человека, совершившего семь убийств. Жители же Борнео полагают, что убитые ими люди на том свете станут рабами убийц. Испанцы дают обет Святому Иакову Галисийскому — каждый день лишать жизни двенадцать американских индейцев. В Тангуте молодому человеку в некоторые дни года разрешалось убивать всех, кто попадался на пути. Можно ли назвать более кровожадный народ на земле, нежели евреи? Любая страница еврейской истории убеждает в этом.

Мандарины Китая кровавыми резнями приводили народ в ужас. Но попробуйте этот ласковый и женственный народ сделать свободным, как он начнет убивать всех своих прежних убийц — и разница

скажется только в перемене имен жертв. Счастье одних превратится в горе других.

Многие народы поощряют публичные убийства. Они разрешены в Генуе, Венеции, Неаполе, в Албании. На реке Сан-Доминго убийцы пользуются уважением народа и почетом. Более того, укажите человека — и они перережут ему глотку. Накурившись опия, некоторые индейцы выбегают на улицы и убивают всех на своем пути. Англичане увидели подобный обычай в Батавии.

А какой народ дольше всего сохранял свое могущество на земле? Конечно римляне! Бои гладиаторов настолько поддерживали у них смелость, что вся нация стала воинственной и рассматривала убийство как игру. Тысячи жертв наполняли арены цирка, а сидящие в зрительях римские матроны требовали, чтобы побежденные красиво умирали и были изящны в смертельных судорогах.

Мы видим в убийцах людей слабой чувствительности. Лишая человека жизни, он презирает частное и общественное мнение. Тем не менее везде убийца считается способным на храбрые поступки и, следовательно, самым ценным гражданином в республике.

А убийство детей, возведенное в ранг закона?! Многие племена уничтожают детей сразу после их появления на свет. Женщины, живущие в бассейне реки Ориноко, убивают рождающихся девочек, дабы те не достались в жены дикарям, обитающим поблизости. В Трапобане и в королевстве Сопит родители убивают детей, если они рождаются уродами. На Мадагаскаре детей отдают на съедение диким зверям. В Древней Греции всех новорожденных осматривали и всех, не способных стать защитниками родины, уничтожали.

Любой римлянин, не желавший кормить свое потомство, мог отправить его на живодерню (впрочем, это было до переноса столицы в Византию). Кодексы права тех времен наделяли отцов возможностью распоряжаться жизнями членов своей семьи. Аристотель одобрял аборт. В республиках древности с презрением относились к состраданию, которое так распространено среди современных народов. Потомство любили меньше родины. В Китае поутру выставлялись на улицах камышовые корзинки с детьми, их собирали и выбрасывали в канаву. Повивальные бабки могли освободить матерей и раньше от детей, топя тех в чанах с кипящей водой или сбрасывая в реки. В Пекине потомство оставлялось в тростниковых корзинах

на берегу каналов; во время разливов каналы наполнялись водой и корзины уносились прочь — а с ними и тридцать тысяч маленьких китайцев.

В республиках следует придерживаться несколько иных взглядов, чем в монархиях. В условиях тирании богатство исчисляется количеством рабов. В республиках же изобилие людей есть порок. Я не предлагаю перерезывать глотки людям. Речь идет о том, что нельзя дать населению вырасти за рамки, необходимые для благополучного процветания государства. Следует остерегаться быстрого увеличения населения. Ибо революция — следствие излишнего прироста народонаселения.

Поскольку убийства не наносят вреда правительству, родители должны получить право освобождаться от детей, которых они не могут прокормить или которые не смогут в дальнейшем быть полезными родине. Пусть каждый гражданин имеет право и разделяться со своими врагами. В результате этого население будет существовать в определенных рамках и не расширяться настолько, чтобы посягать на правительство.

Перейдем к итогам: следует ли нам карать убийство другим убийством? Отнюдь нет! Пусть с ним разделяются товарищи или семья пострадавшего. Есть ли убийство преступление или нет? Если оно не относится к преступлениям, зачем нужны законы, преследующие его? Если же это преступление, зачем наказывать виновных, прибегая к такому же преступлению?

Каковы же обязанности человека по отношению к самому себе? Философы связывают существование этих обязанностей лишь с чувством получаемого человеком удовольствия или с чувством самосохранения. Посему никаких предписаний здесь не должно быть. Против этих обязанностей человек может погрешить, лишь совершив самоубийство. Не буду рассуждать о том, правы или не правы те, кто сводит самоубийство к преступлению. Сомневающимся отсылаю к письму Руссо. Между прочим, все правительства древности допускали самоубийства, исходя из религиозных или политических соображений. В Афинах даже принято было излагать перед Ареопагом аргументы добровольного ухода из жизни. В Древней Греции к самоубийству относились с терпимостью. Уходящие из

жизни на глазах у публики разыгрывали спектакль. При захвате Рима галлами некоторые сенаторы предпочли смерть...

Таким образом, нам необходимо принять новые законы, которые своей целью имеют укрепление республики...»

Е в г е н и я (обращаясь к Долмансэ). Сколько мудрости в этом трактате! Он настолько соответствует вашим принципам, что может показаться, что именно вы и являетесь его автором.

Д о л м а н с э. Это правда. Хотя кое с чем я не совсем согласен. Я уже сообщил вам некоторые тезисы, о которых упоминается и в трактате. Считайте мои прежние пояснения как бы прелюдией к этому манифесту.

Е в г е н и я. Я почерпнула из него много интересного. Но некоторые положения представляются мне несколько опасными. Вы не находите?

Д о л м а н с э. Самой опасной вещью на свете является жалость и добродетель. Доброта — это проявление человеческой слабости, она ведет людей лишь к раскаянию. Когда-нибудь найдутся люди, которым удастся подсчитать число неудач и промахов, которые сопутствуют аскетам и праведникам. Но мы отвлеклись, мое дитя. Давайте подведем итог прочитанному. Я хочу, чтобы вы усвоили всего один, но фундаментальный совет, который можно почерпнуть из брошюры: никогда не слушайте того, что велит вам ваше сердце; это самый неверный путеводитель в лабиринтах жизни. Я хорошо знаю людей, чтобы заблуждаться насчет их свойств. Их неблагодарность высушила мое сердце, их вероломство погубило те ростки добродетели, которые заложили во мне, как и в вас, в самом детстве. Не повторяйте моих ошибок! Не слушайте своего сердца: стремления его ошибочны потому, что являются порождением неверно сформированных убеждений. Порывы сердца — это мир чувств, а чувства свидетельствуют о слабости духа. Я твердо усвоил правило, которое проверил на себе: когда я тверд и расчетлив, ничто не в состоянии поколебать меня.

Е в г е н и я. Я усвоила ваш совет, учитель! Ничто теперь не заставит меня расчувствоваться или проявить жалость.

Д о л м а н с э. Черт побори! У меня снова приходит аппетит!

Смотрите, как мой шалун поднимает голову! Не пригласить ли нам опять Огюстена? (Огюстен приглашается в комнаты.) Отчего это задница нашего жеребчика не давала мне покоя, спрошу я вас. Все мои мысли были обращены к нему, только к нему. Дружок, продемонстрируй нам свое сокровище и разреши осыпать поцелуями свой алтарь. Право, это новое чудо света! Подойди поближе, мой друг. Огонь, который горит во мне, должен передаться тебе эстафетой. Гм, по-моему, эта задница одна из лучших на земле. Во всяком случае, ее белизна бесспорна! Хорошо, если бы наша девочка лобызала этому жеребцу его штуку. В свою очередь, ее задница не оставит равнодушным кавалера. Ну а вы, сударыня, оседлаете нашего жеребца Огюстена и подставите свою задницу для того, чтобы я осыпал ее поцелуями. Дабы вам не было скучно, вы, как всякая наездница, этим хлыстом будете прохаживаться по своему кузену, что подвигнет его, в свою очередь, на интенсивную работу с нашей воспитанницей. (Создается новая композиция по рисунку Долмансэ.) Отлично, дорогие мои друзья! Лучше быть не может! Как заказчик живописного полотна, я вами доволен донельзя... Боже, какая небольшая задница у нашего жеребца! Впрочем, говорят: в тесноте — да не в обиде?! Вот я устроился в пещерке. Теперь, сударыня, подставляйте-ка мне свои прелести — я буду наслаждаться вашими телесами во время работы. Только так вы сможете оценить ту животную кусачесть, которая живет во мне.

Мадам де Сен-Анж. Я с большой охотой соглашусь на ваше предложение. Хотя ваши укусы не пройдут вам даром: на каждый из них я буду попукивать...

Долмансэ. Какая бздунишка! Испугала целку хреном!.. Не боюсь твоего пердильничка! Твои попукивания — лучший стимул моим действиям. (Принимается кусать мадам де Сен-Анж.) Что же ты молчишь? (Его собеседница выполняет свое слово.) Какая очаровательная бздительность! (Снова хлещет мадам де Сен-Анж. В ответ она обещает обещанным.) Гм, откуда у вас берутся силы, сударыня? Прошу вас поэкономнее расходовать энергию, чтобы ее хватило к окончанию нашего процесса. О, я попытаюсь быть зверем!.. Черт возьми, пора звереть, подходит... (Вовсю царапает, хлещет, вонзается зубами в ягодицы напарницы. В

ответ она расходует энергию.) Тебе нравится это мучение? Подожди, сейчас будет пуще. (Подбирается к самой задней пещерке и впивается в нее зубами.) А у вас что, дети мои?

Евгения (с полным ртом и задницей). О господи, посмотрите, что они сотворили со мной! Я вся полна снеготаяния...

Долмансэ (с участием). Значит, вам будет не жалко поделиться со мной всем, что вам налили в ваши сосуды — особенно я хотел бы попробовать то вино, которое кавалер вам налил в заднюю амфору.

Евгения. О, какой у вас вкус! Я в восторге!

Долмансэ. Чего уж там! Просто я не знаю ничего прекраснее снеготаяния, берущего свое начало в недрах ягодиц... Поневоле будешь гурманом! (Проглатывает содержимое.) Вот так следует действовать, дитя мое! (Попутно лобызает задницу жеребца Огюстена.) Сударыни, я прошу вашего позволения отлучиться нам с этим юношей в смежные комнаты...

Мадам де Сен - Анж. Вы обижаете нас своим недоверием. Неужели нельзя показать нам все свое искусство?

Долмансэ (с загадочностью в голосе). Мне бы этого не хотелось делать в вашем присутствии.

Евгения. Перестаньте интриговать! Я требую объяснений! Учиться — так учиться до конца!

Мадам де Сен - Анж. Мы никуда вас не отпустим до тех пор, пока вы не откроете нам все свои тайны.

Долмансэ. Вы отдаете себе отчет в сказанном? Вы в самом деле желаете узнать все?

Евгения. Черт побери, конечно!

Долмансэ (подталкивая жеребца Огюстена). Я ничего не имею против... Но есть вещи, о которых мне не хотелось бы вам говорить...

Мадам де Сен - Анж. Вот так дела! Неужели на свете есть еще такие пороки, о которых нам не следует знать?!

Кавалер де Мирвел. Дорогая кузина, я расскажу вам обо всем, если вы так этого желаете.

(Наклоняется и шепчет двум подругам.)

Евгения (вся трепеща от омерзения). Как это противно!

Мадам де Сен - Анж. Никогда бы не поверила в такое!

Долмансэ. Поэтому мне и хотелось оставить это в тайне. Как видите, для этого порока следует остаться одному.

Евгения. А взять меня с собой вы не хотите? Все-таки я ваша ученица — и покамест вы будете заняты с вашим жеребцом, я буду вас мастурбировать...

Долмансэ. Увы, дитя мое! То, о чем вам было рассказано, должно задействовать только лиц мужского пола... Прекрасный пол внесет ложку дегтя в нашу бочку меда... Прошу не сердиться на меня. Я скоро снова буду с вами.

(Удаляется, увлекая с собою Огюстена.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Мадам де Сен-Анж. Милый кузен, твой приятель Долмансэ в самом деле оказался большим искусником в порочном ремесле.

Кавалер де Мирвел. Я вас предупреждал об этом.

Евгения. Он — мой учитель. Вряд ли на свете есть еще такой! Я в восторге от него и его теории. Дорогая, давайте видеться все вместе по многу раз в неделю!

Мадам де Сен-Анж. По-моему, стучат в двери... Интересно, кого это принесло? Слугам запрещено кого-либо принимать. Видимо, что-то экстренное... Кузен, не могли бы вы разузнать, в чем дело?

Кавалер де Мирвел. Принесли письмо... Слуги помнят о вашем указании, но событие заставило их нарушить его.

Мадам де Сен-Анж. Почерк вашего отца, мое дитя! Интересно, что ему от меня понадобилось?

Евгения. Боже, как ужасно! Нас накрыли!

Мадам де Сен-Анж. Не будем раньше времени впадать в отчаяние! Сперва познакомимся, что пишет нам ваш батюшка... (Раскрывает письмо и читает его.) «Моя супруга, мадам, осталась верной себе и после отъезда нашей дочери к вам следом отправилась забрать ее в дом. Ей в голову пришли какие-то фантазии, которые, впрочем, представляются мне мелочью, даже если они соответствуют действительности. Днем ранее я попытался проучить свою супругу. Но это не подействовало. Поэтому я даю вам карт-бланш! Действуйте так, как найдете нуж-

ным. Я не буду никуда апеллировать. Я устал от такого сожительства с мегерой. Повторяю, все ваши действия будут оправданы моим несчастным сожительством с этим чудовищем. Имейте в виду, она должны появиться вслед за письмом. Хотел бы просить вас после воспитания дочери отдать мне ее назад. Вы можете воспользоваться первыми радостями ее обучения, но помните о бедном отце, который хочет, чтобы и ему что-нибудь досталось». Дитя мое, как видишь, ничего страшного в письме нет. Твоя мать в самом деле преотвратная женщина!

Евгения. Слабо сказано! Она — мерзкое существо. Но я рада, что отец поручает вам сделать все, что вы найдете нужным. Неужели вы откажетесь от этого — ради меня?!

Мадам де Сен-Анж. Не волнуйся! Все будет хорошо, как ты того хочешь. Мне дороже всего на земле твое прекрасное расположение. Стоит ли жалеть мерзкое существо? Кстати, девочка, ты искала для себя жертву. Вот она — бери и действуй! Само небо посылает нам это испытание!

Евгения. Какая прекрасная будет игра! Я предвкушаю такие свежие ощущения!

Мадам де Сен-Анж. Пора бы сообщить нашему милому Долмансэ о прибытии твоей матушки.

Долмансэ (вернувшись с жеребцом Огюстеном в комнату). У меня хороший слух. Я отношусь к известию очень положительно и испытываю те же предвкушения, что и Евгения. Слово супруга — закон. И мы обязаны его исполнить. Думаю, никто не будет спорить с этим решением?

Евгения (повернувшись к своему учителю). И не останавливаться на исполнении поручения! Необходимо перевыполнить порученный план! Ничто не заставит меня помешать этому! Что бы ни решили вы сделать с ней, найдете во мне одобрение. Учитель, вы должны принять на себя руководство этим спектаклем.

Долмансэ. Думаю, ваша подруга поможет мне в этом приятном и нелегком деле. Вы же будете только исполнять наши предначертания... М-да, ну и мерзкая женщина ваша матушка! Давненько подобные экземпляры не попадались мне в жизни.

Мадам де Сен-Анж. Быдло есть быдло. Кстати, нам следовало бы несколько приодеться, чтобы быть готовыми к ее прибытию.

Долмансэ. Отчего же? Прибегнем к шоковой терапии! Пусть с первых же минут пребывания в гостях она поймет, что происходит с ее дочерью. Хаос будет нашим помощником.

Мадам де Сен-Анж. Судя по шуму и шагам, она приближается. Дитя мое, в бой! Будем биться за свои святыни! О, какие прекрасные мгновения я предвкушаю!..

СЦЕНА СЕДЬМАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

(В комнату с мадам де Сен-Анж, кавалером де Мирвелом, Евгенией, Долмансэ и Огюстеном входит мать Евгении — мадам де Мистивал.)

Мадам де Мистивал. Я прошу у вас извинения, сударыня, за визит без предупреждения. Но обязанности матери побудили меня прийти к вам: моя дочь, как мне сообщили, находится у вас в доме. Девочка еще в том возрасте, когда приличия не позволяют ей ходить одной...

Мадам де Сен-Анж. Послушать вас — так решишь, что ваше чадо попало в дурную компанию. Не ожидала от вас такого дурного тона.

Мадам де Мистивал. Посмотритесь в зеркало, сударыня, и оглядитесь вокруг. Весь ваш вид и вид ваших друзей говорит о том, что я не намного ошиблась, приехав сюда за своей дочерью.

Долмансэ. Мне режут слух ваши выражения, сударыня. Может быть, вы и являетесь подругой хозяйки, но ваши претензии дают все основания велеть слугам выдворить вас из дома.

Мадам де Мистивал. Вы забываетесь! К женщине с моим положением человека света так не обращаются. Мы с вами не знакомы, но весь ваш вид говорит о многом, в том числе и о ваших взглядах на жизнь и мораль. Дочь моя, прошу тебя идти со мной.

Евгения. Матушка, мне очень неприятно вас огорчать, но я не могу доставить вам такого удовольствия и последовать за вами.

Мадам де Мистивал. Я ослышалась? Вы не слушаетесь свою мать?

Долмансэ. Увы, сударыня, налицо бунт! Я бы на вашем месте

этого не потерпел. Может быть, выпороть ребенка? Я готов приказать принести свежие розги.

Евгения. Сударь, они могут оказаться более кстати для моей матери, нежели для меня.

Мадам де Мистивал. Упрямая девчонка!

Долмансэ (медленно подходит к матери Евгении). Отчего вы так нетерпимы к речам своей дочери? Мне претят те слова, которыми вы осыпаете ее. Все присутствующие здесь — друзья Евгении, и они не позволят обижать ее.

Мадам де Мистивал. Вы думаете, что говорите, сударь? Мой ребенок дерзит мне, а я не могу повлиять на него?! В чем же тогда заключаются права матери?

Долмансэ. Мне будет сложно объяснить вам ваши заблуждения, но я попытаюсь. Думали ли вы о своих правах над будущим, еще не родившимся ребенком, когда ваш супруг (а может быть, совсем не он) привнес в ваше влагалище часть своего нектара, собственно и создавшего нашу девочку? Уверен, что вам не до того было! Как же можно сейчас — по истечении времени — требовать от ребенка признательности только за то, что кто-то случайно отодрал вас вслепую? Вы больны, сударыня, заблуждением, общим, впрочем, для многих людей: взаимоотношения родителей и детей очень относительны и зависят от многих обстоятельств. Нет таких законов Природы, которые бы оправдали власть родителей над детьми — и наоборот. Не случайно в одних государствах отцы и матери лишают своих детей жизни, в других — так поступают дети с родителями. Решит Природа эту проблему иначе — не было бы самого вопроса «отцы и дети» и обоюдные симпатии стали бы в самом деле законом для поколений. Дети и их родители испытывали бы друг к другу только любовь. Мы же наблюдаем в обществе неприятие одних другими. Ребенок с самых пеленок ненавидит отца, отец не выносит своего ребенка с момента рождения... О какой власти можно здесь говорить, о каких правах одних над другими? Здесь властвуют иные законы — но они дадены отнюдь не Природой! Предрассудки, ставшие обычаями, случайная привязанность, превратившаяся в привычку... Но Природа здесь не ночевала — простыни не смяты! Обратите свой взор на братьев наших меньших: разве

четвероногие испытывают любовь к своим потомкам? Не они ли подают нам пример, достойный подражания?! Я обращаюсь не только к вам, мадам, мои слова ко всем родителям на свете, особенно к отцам: не обуславливайте свои поступки и поведение ложными обязанностями перед своими детьми! Ничего вы им не обязаны! Не смущайтесь быть равнодушными к своим потомкам. В конце концов, вы случайно отдали часть своего вина чужому бокалу... Но это не накладывает на вас никаких обязательств. Живите лишь для себя одних! Думайте только о себе, любите только себя. В свою очередь, мои слова обращены и к детям: ради бога, порывайте поскорее с обожествлением родительских уз и святости семейных отношений. Ничего — даже благодарности! — не должны испытывать к людям, которые дали вам жизнь. Если они живут для себя, то и вы должны жить только для себя. Если вы будете помогать им в жизни, проявлять участие — вы окажетесь глупцами! Не смейте этого делать! Нет таких установлений в Природе, которые бы принудили вас к этому! Всякий голос крови должен убиваться в зародыше! Долой эти глупые эмоции!

Мадам де Мистивал. Значит, моя любовь к Евгении, заботы о ней, обучение и воспитание — все это псу под хвост?..

Долмансэ. Это факт вашей биографии, сударыня! Вы следовали условностям своего общества, законам страны, где вам выпало жить, в конце концов, это могло диктоваться и обычным самолюбием. Ваша дочь свободна от всех обязательств перед вами. А об обучении и воспитании и говорить не хочу... Мы познакомились с таковым и пришли в ужас. Нам потребовалось немало времени и сил, чтобы избавить девочку от мерзостей вашего воспитания, которое сделало бы ее на всю жизнь несчастной. Нет ни одного из краеугольных камней вашего воспитания, который не оказался бы трухлявым, гнилым, ложным. Ваш Бог оказался глупым второстепенным героем не менее глупого спектакля. Ваша вера — симбиоз лжи и надувательства. Когда вы обучали девочку нравственности и говорили ей о том, что трахаться — величайшее преступление, вы утаивали от нее истину: именно соитие — величайшее наслаждение, слаще которого нет ничего в жизни! Вы засирали мозги бедной Эжени своими нравственны-

ми байками о разврате, пороке: мол, самая несчастная дочь Евы — та, что барахтается в плотской грязи, не бережет свое имя, пренебрегает мнением света... Господи, это вы называете воспитанием? Все законы Природы прошли мимо вашего воспитания. Что вы смогли дать своей дочери? С чем вы отпускаете ее в жизнь? И что вы сможете в таком случае ждать от нее взамен? — спрошу я вас.

Мадам де Мистивал. Я начинаю понимать... Дочь моя, послушай меня! Я даровала тебе жизнь и имею право — не приказывать, нет — просить тебя! Ты попала в лапы порочных фантомов. Клянусь тебе! Милая, немедленно освободись от наслаждения! Давай поедem вместе домой! Умоляю тебя.

(Мадам де Мистивал распростерлась перед дочерью на коленях.)

Долмансэ. До такого сценария даже и я не додумался! Евгения, вам следует в этом месте увлажнить свои глаза...

(Евгения подходит к матери, по-прежнему обнаженная.)

Евгения. Ну уж дудки! Матушка, вот вам моя задница — поцелуйте ее! Большого я для вас сделать не могу... Учитель, зачем вы отталкиваете меня — самую преданную вам ученицу?!

Мадам де Мистивал (отбегая от дочери). Я проклинаю тебя! Ты мне не дочь! Ты — такое же чудовище, как и эти развратники.

Евгения. Напугала жопу хреном! Ваше проклятие делает сцену сентиментальной. Но я по-прежнему стою на своем!

Долмансэ. Сударыня, вы ведете себя вызывающе! Зная о наших чувствах к вашей дочери, вы позволяете себе грубые действия в отношении ее. Неужели вы не можете понять, что она нашла в нашем лице своих друзей, покровителей, защитников. Последний ваш поступок может травмировать душу ребенка. Я вынужден прибегнуть к наказанию, дабы в дальнейшем вам было неповадно так себя вести. Немедленно снимайте с себя всю одежду — и вы получите сполна за свою оплошку.

Мадам де Мистивал. Что вы себе позволяете, сударь? Я должна раздеться?

Долмансэ. Огюстен, тебе придется помочь сударыне в этом предприятии. В постели ты был женщиной, попробуй теперь стать служанкой.

(Огюстен начинает действовать. Мадам де Мистивал яростно сопротивляется.)

Мадам де Мистивал (обращается к мадам де Сен-Анж). Боже, разве так принято обращаться с гостями в приличном доме? Я не буду молчать об этом! Все узнают, что вы себе позволяете!

Мадам де Сен-Анж. Сомневаюсь в этом.

Мадам де Мистивал. Уж не хотите ли вы сказать, что меня могут лишить жизни?

Долмансэ. Все может быть, все может быть...

Мадам де Сен-Анж. Прошу вашего внимания, друзья! Перед тем как вы увидите все прелести нашей гостии, хочу сообщить вам одну новость: наша девочка шепнула мне на ушко, что третьего дня муж мадам де Мистивал с энтузиазмом высек ее, будучи недовольным некоторыми ее поступками. Если верить Евгении, ягодыцы нашей гостии сейчас напоминают восточный бархат.

Долмансэ (разглядывая мадам де Мистивал). В самом деле, это так и есть! Как он исколошматил ее! Причем рисунок — и на животе и на заднице... А какие ягодыцы! М-да, я не удержусь, чтобы не осыпать их поцелуями.

Мадам де Мистивал. Куда я попала? Немедленно уберите свои руки! Я буду кричать!..

Мадам де Сен-Анж (заламывая ей руки). Старая блядь, неужели ты не поняла все еще, что ты — наша жертва? Ты в нашей власти — и мы будем делать все то, что найдем нужным. Твой муж выдал нам тебя с головой! Я не знаю, что ждет тебя впереди. Какой будет твоя казнь — простое ли повешение, или колесование, или милое твоему ханжескому сердцу распятие... Не исключается и сожжение заживо... Все будет решать твоя дочь. Но ты, прошмандовка, будешь страдать! Твоя смерть настигнет тебя только после долгих пыток. Можешь кричать, сколько угодно твоей душе. В этих комнатах и закалывание вола проходит беззвучно для улицы. Твой экипаж отослан домой, слуги — также. Теперь мы будем решать, что с тобой делать, раз уж твой собственный муж дал нам карт-бланш. Жди своей участи, глупая курица!

Долмансэ. Ну что, наша гостья привела в порядок расшатавшиеся нервишки?

Евгения. Только незаурядное воспитание могло привести ее в подобное состояние покоя.

Долмансэ (не упуская возможности похлопать задницу гостьи). Вам повезло, сударыня. Хозяйка этого дома отличается прекрасными манерами... Ее дружбой надо дорожить. Нынче подобная искренность не в чести. Кстати, дитя мое, я хочу сопоставить твою попку с задницей твоей матери. Помоги мне это сделать — стань с нею рядом. (Евгения встает рядом с матерью.) Право, хотя твоя задница, Евгения, и молода, но ягодицы твоей матушки мало чем тебе уступают. Они тоже еще в самом соку. Их следовало бы также употребить к делу. Мой друг, Огюстен, будь добр, обеспечить спокойное состояние мадам де Мистивал.

Мадам де Мистивал. Вы мне наносите оскорбление!

Долмансэ (приступая к делу). Не настолько большое и неприятное, чтобы его не извинить. Причем я так легко проникаю в ваши закрома, что становится яснее ясного: супруг ваш не дурак, частенько пользовался этим способом. А теперь, Евгения, давай попробуем с тобой проделать то же самое... М-да, разница немалая... Итак, разработаем новый сценарий: вы, мои голубушки, крепче беретесь за изобретения человеческой мысли и всовываете в ее лоханки то спереди, то сзади. В нужный момент я, кавалер и наш жеребец Огюстен придем вам на смену и заменим искусственные елдаки натуральными. Последовательность нашего вступления в игру будет такова: начну я, и, как вы понимаете, внимание мое будет отдано заднице нашей гостьи... Советую во время моего опыта не прекращать своих изысканий: бейте, хлещите, кусайте, секите гостью что есть мочи. А ты, мой друг Огюстен, дабы мне было веселее драть нашу старушку, будешь трахать меня. В свою очередь, Евгения, ты должна разрешить мне целовать свою попку, покамест я отдаю свое оружие попке твоей матери. Кстати, и вы, мадам де Сен-Анж, могли бы приблизиться: занимаясь одной задницей, не следует забывать и о других: пусть в этой комнате все задницы будут рядом со мной!

Евгения. Неужели, мой учитель, вы пожертвуете этой старой мерзавке свою драгоценную сперму?

Долмансэ. Чего не сделаешь, дитя мое, во имя принципов!
(Щиплет ноги и ягодицы мадам де Мистивал.)

Мадам де Мистивал. Я вне себя! Мне больно! Чудовище, ты меня сделаешь калекой!.. О небеса!

Долмансэ. Небеса, голубушка, не занимаются тем, что находится в компетенции задниц. Кроме того, им всегда были до лампочки мольбы как одного человека, так и толпы.

Мадам де Мистивал. Мне это доставляет нестерпимую боль!

Долмансэ. О загадки природы! И тайны наших душ! Одни из нас страдают и обливаются слезами. А другие в это время — получают удовольствие. Я, например, подхожу к концу... Вот и все! Боже, с каким удовольствием я свернул бы сейчас тебе голову, старая ведьма, если бы это прекратило нашу игру! Теперь, милая мадам де Сен-Анж, приступайте вы. (Мадам де Сен-Анж поочередно вталкивает искусственное подобие елдака в задние промежности гостьи, попутно одаривая ее ударами кулаков. Ее кузен также получает свою долю в игре. Наступает очередь жеребца Огюстена, который, закончив работу, бьет мадам де Мистивал в нос. Пока участники развлекаются с гостьей, Долмансэ успевает каждого облагодетельствовать сзади.) Итак, Евгения, с помощью этого орудия, изобретенного человеческим разумом, начинайте трахать свою матушку. Сперва спереди...

Евгения. Дорогая матушка, разрешите мне на время заменить вам моего отца. Это орудие будет побольше батюшкиного. Но, я думаю, оно без труда проникнет в вашу норку. Кричи, кричи, пока тебя отдирает дочь! Учитель, я и не заметила, как вы пристроились сзади... Стало быть, сейчас в моей жизни соединились инцест, содомия и адюльтер? Не много ли для девушки, которая еще утром была целочкой? Как, однако, я быстро смогла пройти все ступени посвящения?! По-моему, матушка готовится к окончанию спектакля. Учитель, я не права? Ну держись, падаль! Приучишься с моей помощью к пороку! (Что есть мочи бьет свою матушку по всем ее выдающимся местам.) Ах, учитель, скорее, скорее, я сейчас подойду к концу мероприятия.

Мадам де Мистивал (находясь без чувств). Мне дурно... Все...

я теряю сознание... Помогите... (Мадам де Сен-Анж пытается помочь гостье, но Долмансэ мешает ей это делать.)

Д о л м а н с э. Неужели вы хотите лишить нас такого сладостного зрелища, каким является женщина без чувств! Если мы и приведем ее в сознание, то только своим методом — крепко выхлещем... Дитя мое, вы должны лечь сверху своей матушки. Кавалер будет драть ее на этом ложе. А девочка, в свою очередь, отдаваясь на бездыханном теле матушки, будет мастурбировать меня и жеребца Огюстена, взяв в свои нежные ручки наши орудия производства. В свою очередь, мадам де Сен-Анж будет мастурбировать Эжени, дабы также обеспечить занятость в новом действии.

К а в а л е р д е М и р в е л. Мой друг, меня смущает ваше предложение. Не слишком ли много мы позволяем себе? Мы преступаем одновременно законы Природы, небес, установления человеческого общества.

Д о л м а н с э. Вот я и дождался от вас, милейший, рассуждений о нравственности. Почему вы решили, что мы наносим троякое оскорбление — небесам, Природе, обществу? Свои плотские установки мы получаем именно от Природы. Она санкционирует наши действия — и только она! В том и состоит гармония Природы, что пороки попеременно сменяют добродетели. Существовая в координатах этой чересполосицы, мы подчиняемся воле Природы, не принося ей никакого зла. Относительно небес: не будем опасаться их, мой друг! Основной двигатель нашего бытия — Природа. Ее явления, не постигаемые человеческим разумом, получают обожествление, превращаются в фантазии — одна удивительнее другой. И мы сейчас боимся оскорбить эти игрушки человеческого рассудка?! Установления человеческого общества — плоды трусости, себялюбия, превращенные в слабости нашей души. Перед моралью склоняют головы люди, слабые духом. Те же, чей ум закален трудами мыслителей прошлого, решимостью, смелостью, — не пасуют перед тем, что называется добродетелью. Друг мой, перестаньте трусить! Приступайте к действиям! Да сотри сейчас эту старую стерву в пыль, мы все равно не преступим законов Природы. Сама человеческая природа препятствует совершению преступлений. Подталкивая че-

ловека к тому или иному преступлению, Природа тем самым сохраняет себя в гармоническом равновесии — и уберегает нас от тех оплошек, которые могли бы привести к нарушению равновесия в ней, нарушить ее главные законы. Так что человеку все позволено — все, даже то, что не укладывается в его мозгу. Не держите Природу за дурочку! Она не так проста, как кажется на первый взгляд, и не позволит кому-либо из своих детей вывести ее из состояния покоя. И если она велит человеку, своему ребенку, делать то или иное, не стоит сопротивляться! Преступление противится ее приказам! Отсюда все мерзавцы планеты — всего-навсего верные исполнители указаний Природы... Ну, да я заговорился! Евгения, немедленно приступай к исполнению нашего сценария... Почему на тебе нет лица? Ты вся как снег...

Е в г е н и я (залезая на свою бездыханную матушку). Как нет лица? Черта с два! Мать твою за ногу! Вы все увидите, что я достойна своего учителя!

(Выстраивается композиция, начертанная выше Долмансэ: гостя, как и прежде, пребывает без сознания. Кузен мадам де Сен-Анж приходит к семяизвержению, давая понять, что картина может распасться на составляющие.)

Д о л м а н с э. Неужели наша гостя еще не пришла в сознание? Ну, да мы ее мигом приведем в чувство! Я попрошу Огюстена немедленно нарвать веток для воспитательной порки. (Жеребец Огюстен удаляется, дабы исполнить поручение, а наш герой бьет мадам де Мистивал по ланитам что есть мочи и сопровождает свои действия бранью.) Как бы она не откинула копыта раньше времени!..

Е в г е н и я (подсмеиваясь). Типун вам на язык, учитель! Если она сыграет в ящик, мне придется таскать эти траурные платья. А я нашла себе таких прелестных одежд на сезон!..

М а д а м д е С е н - А н ж (умирая от смеха). О, наш прелестный изверг!

Д о л м а н с э (взяв прутья для порки гостя). Теперь мы перейдем к непредвиденному сценарию: пока я буду делать все возможное, чтобы Евгения не потеряла свою матушку, верная дочь будет осыпать поцелуями самое дорогое, чем меня наградила Природа. Жеребец Огюстен сделает со мной то, что делал я с ним

минутами назад. Кавалер также может заняться задницей своей кузины. Только я просил бы вас, мой друг, расположиться так, чтобы мне было удобнее осыпать твои ягодички поцелуями.

К а в а л е р д е М и р в е л. Что делать? Как можно доказать этому отребью, что его действия противны Природе? Ума не приложу... (Согласно рисунку Долмансэ все занимают свои позиции. Покамест идет порка мадам де Мистивал, все занимаются своим делом. Гостья обретает признаки жизни.)

Д о л м а н с э. А вы не верили в чудодейственность этого метода! Запомните, друзья мои! Это самое верное средство!

М а д а м д е М и с т и в а л (возвращаясь к жизни). Зачем вы не дали мне умереть? Я не могу видеть мерзости жизни! Боже...

Д о л м а н с э. А затем, что вы не выслушали решения суда! А затем уже он будет исполняться... Итак, приготовьтесь! Разуйте свои уши!.. Пусть наша подсудная опустится на колени, а мы встанем вокруг нее... Итак, мадам де Сен-Анж, вам первое слово!

(Чтение приговоров сопровождается действиями предыдущего сценария.)

М а д а м д е С е н - А н ж. По-моему, она заслужила повешение.

К а в а л е р д е М и р в е л. Я — за восточную казнь! Пусть она будет разрезана на тысячи кусочков — один меньше другого!

О г ю с т е н. Может быть, ее следует подвергнуть колесованию?

Е в г е н и я. Набить ее порохом, а я соглашусь его поджечь!

(Композиция лишается гармонии.)

Д о л м а н с э (не теряя присутствия духа). Пользуясь правами учителя, я позволю себе внести коррективы в ваши приговоры. Только мой приговор тем отличен от вашего, что он не столь экзотичен и фантастичен и более легко поддается исполнению. В прихожей ожидает мой слуга, которого Природа наградила отменным елдаком — таким, какого еще белый свет не видывал! Увы, его оружие поражено сифилисом — этим ужаснейшим недугом на земле. Мы попросим моего слугу взять на себя функции доктора и впрыснуть в обе пещеры нашей гостьи из своего шприца немного яду. Мучаясь от болезни, наша старая блядь не будет приставать к дочери с назиданиями относительно ее морали. (Предложение Долмансэ принимается на ура. Входит слуга. Долмансэ обращается к нему.) Лапьер, вы должны облагоде-

тельствовать эту даму. Покамест она пребывает в полном здравии — и это здоровье может передаваться вам...

Лапьер. Вы предлагаете, сударь, сделать это при всех?

Долмансэ. Неужели ты стесняешься продемонстрировать нашему обществу свои достоинства?

Лапьер. Конечно нет! Мой шершавый так и просится в бой! Он у меня, скажу без ложной скромности, на редкость красивый! Итак, милая сударыня, прошу вас принять подобающую позу...

Мадам де Мистивал. О боже, за что мне такие муки?!

Евгения. Матушка, это все-таки более удачный вариант, чем смерть, которую мы тебе вынесли в наших приговорах. Зато летом я облачусь в мои новые платья...

Долмансэ. Ну а нам предстоит провести несколько радостных минут. Я бы построил композицию таким образом: наша дорогая мадам де Сен-Анж будет сечь Лапьера розгами, чтобы он радостнее трахал мадам де Мистивал. Я соглашусь выклестать мадам де Сен-Анж, жеребец Огюстен сделает то же самое со мной, Евгения — с ним самим, а кавалер завершит нашу сечь — он отдерет малышку Евгению. (Присутствующие образуют картину согласно плану Долмансэ. После того как Лапьер произвел ощутимое действие в передней пещере мадам де Мистивал, он по приказу своего господина перешел к работе в задней пещере. Вскоре все закончили свою работу к вящему удовольствию друг друга.) Я рад, Лапьер, что ты так отлично выполнил поручение. Держи награду!

Мадам де Сен-Анж. Я вот о чем подумала: яд, который теперь гуляет по телу мадам де Мистивал, может выйти из тела наружу. Надо бы предупредить такое развитие событий. Видимо, Евгения, следует зашить твоей матушке и заднее и переднее отверстия. Отравляющая жидкость Лапьера возымеет более сильное действие на органы нашей гостьи, поскольку будут предупреждены процессы усушки, испарения и все такое...

Евгения. Отлично! Немедленно подайте мне иголку и нитки! Матушка, соблаговолите пошире раздвинуть свои ножки. Держу пари, теперь вы мне никогда не подарите ни братишку, ни сестричку.

(Мадам де Сен-Анж услужливо предлагает девушке очень боль-

шую иголку с крученой нитью. Евгения показывает большие способности к рукоделию.)

Мадам де Мистивал. Господи, мне больно! О!..

Долмансэ (смеется от всей души). Сударыня, вы обладаете изумительной фантазией. Даже я не додумался до такого поворота дела.

Евгения (занимаясь шитьем, время от времени как бы случайно укалывает живот, лобок и прилегающие части тела своей матушки). О, не обращайтесь внимания! Я смотрю, не тупая ли иголка...

Кавалер де Мирвел. Изящное чудовище! Ты раскровенила все тело своей матушки.

Долмансэ (пока мадам де Сен-Анж мастурбирует его). Японский городской! У меня от этого зрелища наблюдается жуткий прилив эрекции... Кстати, Евгений, я бы советовал вам делать помельче швы — будет крепче держаться!

Евгения. Если будет необходимость, я готова пройтись иглой еще раз по стежкам. Милый шевалье, вы совсем обо мне забыли, а мне так хочется, чтобы вы меня помастурбировали.

Кавалер де Мирвел. Вы первая и последняя мерзавка, которую я только встречал в своей жизни.

Евгения (все более возбуждаясь). Мне не нравится, милый кавалер, что все свои действия вы ограничиваете бранью. Смотрите, как бы я вас не уколола случайно иголкой! Мастурбируйте меня поактивнее! Не забывайте проникать между ягодицами. У вас что — всего одна рука, что ли? О боже, я совсем ослепла от удовольствия... не вижу, куда втыкаю иглу... по-моему, это груди... или ляжки... О, какое удовольствие!

Мадам де Мистивал. Я вся истерзана тобой, паршивка! Зачем я только тебя родила?

Евгения. Не стоит волноваться, милая матушка! Вот все и кончилось.

Долмансэ (освобождаясь от объятий мадам де Сен-Анж). Ах, Эжени, позвольте мне зашить задницу вашей матушки. Это мой профиль.

Мадам де Сен-Анж. Милый друг, у вас слишком сильная эрекция. Вы сведете в могилу нашу гостью.

Долмансэ. Не беспокойтесь! Супруг этой госпожи разрешил нам делать с ней все, что будет душе угодно. Вот и письменное разрешение!

(Укладывает гостью, берется за иглу и показывает немалые способности к портняжеству, зашивая задницу мадам де Мистивал.)

Мадам де Мистивал (истошно кричит). О-о-о-о!..

Долмансэ (занятый работой, не замечает, как порой слишком глубоко засовывает иглку в тело своей жертвы). Замолчи, старая блядь! Иначе твоя задница будет превращена в пемзу!.. Евгения, голубушка, не могли бы вы слегка помастурбировать меня?

Евгения. С большим удовольствием, но только при одном условии: вы будете укалывать матушку больнее. Мне кажется, что в вас проснулось сострадание к ней.

(Эжени мастурбирует Долмансэ.)

Мадам де Сен-Анж. Вы отлично шьете, мой друг! Скоро эти две ягодицы станут единым целым.

Долмансэ. Вы мне льстите, сударыня... Кстати, Евгения, когда мастурбируешь мужчину, не следует закрывать головку его оружия крайней плотью. Вспомни мои уроки!

Евгения. Я смотрю на мучения матушки, и у меня голова кружится от счастья. Сама не ведаю, что творю... руки не слушаются...

Долмансэ. По-моему, я тоже теряю голову... Я бы попросил вас, мадам де Сен-Анж, разрешить жеребцу Огюстену воспользоваться вашими ягодицами, а ваш кузен в это время трахнет вас спереди — по старинке... Мне очень хочется видеть как можно больше задниц! Это зрелище меня так возбуждает... (Как бы машинально снова покалывает ягодицы гостьи. Присутствующие выполняют его просьбу.) Ах, сударыня, позвольте уколоть вас еще раз... и еще разик...

Мадам де Мистивал. Сударь, я прошу прощения у всех вас! Ради бога, извините меня за все... О... Вы убиваете меня.

Долмансэ (теряя голову от наслаждения). Что же, этого я и добиваюсь. Вы обратили внимание, что у меня небывалая эрекция оттого, что я смотрю на ваши мученья?

Мадам де Сен - Ан ж (выполняя указания Долмансэ). Мы ждем новых указаний, учитель!

Долмансэ. Огюстен, будьте добры, наклонитесь ко мне поближе и слегка повернитесь вправо — а то я не очень хорошо вижу вашу задницу.

Евгения О, она вся в крови! Старая блядь!

Долмансэ. Какие мелочи! Еще минута — и я залечу эти раны своим бальзамом жизни.

Мадам де Сен - Ан ж. И я тоже — я не отстаю от вас, мой друг.

Долмансэ (завершил шитье, благополучно пришел к сексуальному финишу и теперь умиротворенно колет тело гостьи иглой). О, как прекрасен процесс истекания истомой! Но, черт возьми! Евгения, разве вы не видите, что мое семя истекает напрасно... Направьте его в задницу своей матушки... О, какое блаженство, какое блядство!

Мадам де Сен - Ан ж. Кузен, трахайте меня поактивнее! Я прихожу к концу! (Огюстену.) И ты пошевеливайся, спермотозавр! Ты что, еще не понял, что, когда я прихожу к окончанию процесса, следует входить в мою задницу уверенной поступью — на весь маршевый шаг. О, как это приятно, когда тебя трахают сразу два мужика!
(Сцена снова распадается.)

Долмансэ. Увы, все кончено. (Повернувшись к мадам де Мистивал.) Настало время, сударыня, вам одеться и уносить ноги из этого дома. Мы сделали все, что поручал нам ваш супруг. Если вы не верите, прочтите его письмо. (Протягивает гостье письмо ее мужа.) Думаю, что невинное происшествие будет напоминать вам о том, что ваша дочь достигла совершеннолетия и ей не возбраняется жить так, как она этого пожелает. Ведь она рождена для траханья, она любит траханье... Поэтому, если вы не хотите, чтобы трахали вас, оставьте ее в покое — и предоставьте ей возможность трахаться самой. Кавалер, проводите, пожалуйста, нашу гостью. Перед уходом, старая блядь, попрощайтесь со всеми нами. Опуститесь на колени перед своей доброй дочерью и попросите у нее прощения за свое прежнее отношение к ней. Эжени, а ты, в свою очередь, отвесь матушке парочку затрещин и дай ей милый поджопник! (Эжени следует

указанию учителя.) Прощайте, кавалер! Мадам, помните, ваш сифилис теперь всегда при вас. Ну а мы, друзья, теперь можем спокойно сесть за стол, а из-за стола — снова в постель.

Тяжелый был день! Ну да ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Я могу кушать с аппетитом и спать как убитый только тогда, когда на закуску отведаю того блюда, что дураки именуют преступлением. Что поделать, гурман...

КЛОД-ФРАНСУА,
ИЛИ
ИСКУШЕНИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Как философия не походит на философов, так любовь не походит на тех, кому излишне объяснять, в какой цене они приняли ее откровенность. Жизнь прививает к одному стволу жасмины и тернии. Блажен тот, кто признает эту неприкосновенность наравне со священными цыплятами Капитолия и принимает как дарованное Судьбою. Горе тому, кто употребляет язык любви к обходительству, признаваемому обществом. Чистота нежных слов засыпается в таком случае чужими языками зависти и позора в пепел. Поцелуи увядают, не проснувшись на устах. Слеза, этот драгоценный перл чувствительности, гаснет, вспыхнув на миг и прокатившись по щеке служителя порока. Поймите автора сего сочинения: мое желание не меньше есть, как ваше, изобразить во вкусе Дидеротовом любовь, обусловленную дозволенностью общества с молниеносными намеками на существование разврата и искроподобными гасконадами. И хотя я никогда не хотел писать о такой материи, о которой ныне принужден вам в очередной раз поведать, — перо мое пчелоподобно облетает лист бумаги и воздает природе горестную и радостную дань. «*Beatus ille, qui procul negotiis*» — «Блажен тот, кто вдали от дел».

I

Граф де Клермон поднес к губам китайскую флейту из лилового нефрита и попытался изобразить мелодию, рождающую воображение, которое извлекает слезы из чувствительных сердец. Уныло-задумчивая физиономия его означала гипохондрию и являла трогательный предмет сострадания. Ему наскучил свет, и он пытался оградиться от житейских смут «апологическою оболочкою», приличествующей в основном смышленным существам, испорченным первоначальным вольнодумством юности, раскаявшимся прежде, чем успели согрешить.

Возраст графа брал свое. Привычкой становилось лежебочить на шезлонге с изогнутыми ножками работы входившего в моду мастера Фурдинуа. Маленький ангел, поддерживавший изогнутое изголовье, грозил графу пальчиком, намекая на знание некоторых тайн его пронесшейся ураганом жизни. Теперь граф редко выходил из халата, на который портной положил золотые петли и кисти, шевелящиеся при ленивом движении утомленного тела. В свои тридцать шесть лет он преодолел отвращение от всякого рода женщин и мужчин, убедил себя забыть о развлечениях, столь естественных в летах зрелости, отказывал желавшим его визитировать друзьям и подругам, старевшим наперегонки с ним — словом, делал собою театр.

Поэзия Горация да роман Кребийона «Заблуждения сердца и ума» с переменным успехом соперничали за его внимание. Ведь у внимания есть много преимуществ перед другими человеческими свойствами, за что оно и возбуждает нередко всеобщее неудовольствие к себе. Мелкие восточные безделушки обильно усыпали туалетный столик работы Ризенера и говорили о пресыщенном вкусе истинно светского человека — человека, презиравшего современных молокососов с Бульваров, что приказывают слугам обтирать отвороты щегольских своих ботфорт шампанским. В восточных безделушках граф знал толк: здесь была китайская тушечница из яшмы в виде скорчившегося мастурбирующего мальчика, смущенного тем, что его застали за неприглядным приятным занятием. Старинный кувшин из темного фарфора напоминал финикийский фаллический символ и хранил запах пальмового вина, которым пахла восточная

сперма. Свиток на стене из крупнозернистого шелка, задымленного под древнюю диковинку, содержал рисунок невинного содержания: девочка, приподняв подол голубого халата, выцарапывала мошку из дыма первых волос на своем неоформившемся лобке; рядом, не обращая на нее внимания, юноша с рукавами, полными запахов цветов, ловил весенних цикад на посох, кончик которого был смазан клеем.

В комнаты вошел негр в тюрбане творожного цвета. Он подал серебряный поднос, на котором лежало одинокое письмо. Некогда черный лакей был в великом кредите у графа. Глаза негра ловили взор хозяина, словно пытались напомнить ему о тех счастливых временах, когда он только прибыл в цивилизованную Галлию с упоительных знойных берегов своей Африки. В те времена граф де Клермон бредил ознобными идеями господина Руссо, принесшего в недра общества серп равенства, и пытался воплощать их на широкой кровати под балдахином, собранным в пучок складок, что делало его похожим на дамскую бутоньерку. Нередко к умышляемому ниспровержению основ морали присоединялись две служанки — и исторический катаклизм удавался на славу.

Увы, вскоре из любовников негр снова сделался лакеем. Граф стал к нему в холодные отношения. Одну из служанок нередко видели в заведении мадам Жюстины Париж. Хозяйка была дочерью парфюмера Вуазена и женой скрипача Итальянской комедии, знала толк в прибыльном деле и разборчиво отбирала девушек в свое заведение. Увидев бывшую служанку в залах мадам Жюстины, граф де Клермон был немало порадован ее успехами, к родословной которых он приложил свою... гм, гм, скажем, руку. Впрочем, вспомнив о некоторой болезни девушки и желая предупредить неприятные ситуации в жизни высшего света Парижа, он дал ей денег и проследил, чтобы она упорхнула в провинцию...

Граф машинально продолжал оглядывать крепкую фигуру служги. В шелковых штанах угадывался елдак африканского замеса. Ляжки были полны жизненной силы и рвались из обтягивающей их материи. Непроизвольно негр поводил ягодицами, словно приглашал хозяина перейти от вынужденного безделья к сладкой работе. Живот у него был подтянутый, крепкий, тугой. «Pro domo sua» — «Для домашнего употребления». Он достаточно оевропеился. Граф

не удивился, если бы узнал, что на стороне у него есть любовники и он меняет их с суточной частотой. Впрочем, теперь в Париже все знали модное искусство давать друг другу свободу. И просветительская мысль: «Миром правят мнения» — уходила в небытие, оставив сладкие воспоминания о любовниках, не злоупотреблявших доверием. В любви царил торговый дух. Мармонтель казался старомодным, как парики Людовика XIV, а его сентенции (вроде: «Остерегайтесь мужских козней, — твердят без конца девушкам; берегитесь женского коварства, — беспрестанно повторяют юношам. Но неужели мы следуем предначертаниями природы, заставляя один пол враждовать с другим?...») вызывали смех. Природные установления оказались отложенными на сторону. Скрип перьев властителей умов закономерно перешел в скрип кроватей любовников. И нельзя было отличить, где — один, где — другой...

...Граф лениво распечатал письмо и прочитал: «Любезный брат! Если Вы не возражаете, я пришлю к вам на месяц Вашего племянника. Боюсь, мальчик не принадлежит к тем, кому общество дарует степень фавора разных любимцев. Его голова забита книгами, что делает его нелюдимым и унылым в общении, а его мазурочную болтовню — по меньшей мере — чтением вслух Цицерона. Если бы Вы взяли на себя труд образовать вкус Клода-Франсуа и преподать ему некоторые уроки аристократического тщеславия, общество, благодаря Вам, получило бы истинного наследника славного рода де Ла Марш. Для нахождения общего языка с племянником сообщаю, что он некоторое время назад был влюблен в актрису Французской комедии Дюмениль, по ночам читает «Теллиамеда» Бенуа де Майе, восхищен полетами Бланшара через Ла-Манш и два раза в неделю — по наблюдениям слуг — занимается в оранжерее онанизмом... Покидаю перо, дабы многословием вам не докучать... Ваша Луиза-Жюли, маркиза де Ла Марш».

«Моя милая сестра снова принимает любовника, выхлопотавшего месячный отпуск, — подумал граф де Клермон. — Могла бы написать об этом ясным языком, не прибегая к словесным уловкам. Натурально, после смерти мужа ей скучилось. Самцы среди слуг приелись. Тут подвернулся барон Бавуа де Берше — швейцарец, служащий во французской армии капитаном гвардейцев... Долбоеб редкой злобучести. Способен отодрать за милую душу козу со все-

ми ее козлятами... Недаром именно его посылают покартечить время от времени бунтующих в провинции мужиков... Один из анекдотов, который ходит о нем, говорит, что якобы на пари сумел барон своим гвардейским елдаком расколоть дюжину грецких орехов. Два ореха оказались, впрочем, гнилыми...»

II

Весть о приезде племянника оставила графа спокойным. Более всего он был занят ревнованием к самому себе, или, как теперь принято говорить, освоил искусство ставить себя в цену. Здесь мы принуждены обратить взор на некоторые события двадцатилетней давности, когда наш граф, юный, в случае у Фортуны, в камзоле какосового цвета с серебряными пуговицами входил в свет той очаровательной походкой, которая выдает будущих развратников, стремящихся к минутной отраде.

Ах, это были упоительные времена Людовика XV, когда в воздухе были разлиты волшебные звуки Рамо, когда боги покинули свой Олимп и жили на плафонах театров, а на сцене Оперы выказывал всю грациозность пластических поз Газтан Вестрис в корсаже и штанишках каштанового цвета, в юбочке, именуемой «тоннеле», украшенной кружевами, цветами, листьями... Его грациозное умение снимать и надевать шляпу в поклоне, предшествующем менуэту, делало его кумиром. Все молодые женщины, если верить Вижи-Лебрен, перед тем как представляться ко двору, брали у танцовщика по несколько уроков, чтобы сделать на придворном паркете три своих реверанса...

Но вернемся к нашему графу. Его образование началось за кулисами Оперы. Давали «Китайский праздник». Балет Новерра ошеломил невозмутимый и чванный Париж, привыкший приносить дань благодарности только тлению гениев. После того как на сцене отлетали китайские мандарины, отпрыгали негры, везущие колесницу с юной китаянкой, отприседали танцовщики с развратными ляжками и блудливыми глазами, — восторженная публика бросилась за кулисы к актерам, занимавшим роли китайцев.

Наш граф с восторженностью истинного любителя муз оказался в толпе поклонников актрис и актеров. Его гибкое шестнадцатилет-

нее тело облегал шелковый камзол со вставленными в полы пластинами китового уса, что производило некоторое возбуждающее оттопыривание спереди и сзади. Слоняясь в потемках кулис, он наткнулся на многочисленные китайские пагоды, увешанные колокольчиками, ушибался о горбатые мостики и ковырял шпагой, висевшей на поясной портупее, дырки в декорациях с озерами. Ах, невинность есть платеж долгу, коим она сама себе должна! В голове юного графа сидело желание о приращении порочного сластолюбия, ибо возвышение нашего духа в панталонах испокон веков основано на истинных правилах Природы.

Здесь он попал в сети мадемуазель Клер, перед тем доставившей зрителям приятную четверть часа. Актриса расшнуровывала лиф небесного цвета. Девушка просила графа помочь ей справиться с костюмом... Любовь!.. Все сердца к ней удобны! Через мгновение хобот бедного юноши был на взводе. Взоры мадемуазель Клер оживляли его кровь, а трепет ее кожи передавался всему его телу. Дрожащими и неопытными руками срывал он с девушки хрустящие накрахмаленные юбки и пытался обхватить ладонями ее груди, говорившие своими формами о немалом житейском опыте. Пока граф прилежно, словно школьник свой глобус, изучал ее обнаженное тело, засовывал пальцы в задницу и подкрадывался к алтарю Венеры, мадемуазель пыталась изобразить смущение и зябкий трепет, приличествующий ситуациям во всяких театральных кулисах. Знаток театра мигом распознал бы фальшь: девушка одно время пожинала подснежные лавры на холодном севере — в России, и сквозняком ее нельзя было испугать. Но граф был молод, неопытен, и балеты он любил, словно поэты, воображением.

Мадемуазель Клер увлекла юношу за картонные китайские кусты и проделала некоторые действия, благодаря которым подается ободрение юным душам. «*Frontis nulla Fides*» — «Наружность обманчива». Результатом действия были сброшенные панталоны графа и прильнувшие к его корешку губки актрисы. В этом месте будущего изнурителя условностей света ожидал конфуз. Доселе он нередко мастурбировал, развалившись на кушетках с витыми ножками, и не задавался вопросом: отчего не обнажается головка его хоботка? Да и не до этого было летящему к семяизвержению юноше, занятому более изучением гравированной картины Пуссена со спя-

шей Венерой, нежели деликатными строениями своего организма. Результат подобного невнимания был явлен графу в первом общении с женщиной. Напрасно мадемуазель Клер пыталась оттянуть кожу с напрягшейся головки графского елдака. Кожа приросла. Распростертие объятий не снимало напряжения конфуза. Граф вздохнул из глубины своего сердца, но все было понапрасну. Язычок актерки никак не мог проникнуть к содержимому мешочка из нежной ожидающей кожи. Мадемуазель Жюли принялась покусывать графский корешок белыми зубками, медленно опускаясь к яйцам, полным драгоценного вина жизни. Она осыпала поцелуями бедра юноши и, выказав немалый опыт нимфы радости, опрокинулась на спину, давая видом своим молодому человеку понять, что следует делать далее.

Граф взлетел на нашу нимфу и с юношеским пылом воткнул свой недавно оперившийся елдачок между покорных ног девушки. Порыв не замедлил сказаться печальным обстоятельством: его пронзила острая боль и он почувствовал легкое похлопывание во влажное лицо, куда незадолго до этого был приглашен. По ногам девушки текла кровь, которую она с радостью выдала бы за доказательство своей невинности, если бы эта кровь не принадлежала нашему графу. В довершение конфуза девушка издала недобрый звук. От ветра раздутая кишка погасила искру божественного света любви... Граф едва не заболел нервической горячкой. Родитель его обратился к докторам, которые определили диагноз: *phimosis*. Усилия парижских эскулапов помогли молодому графу избавиться от жалкой участи заниматься всю жизнь суходрочкой и сделали его способным отодрать встояка весь кордебалет Оперы.

Последнее обстоятельство имело последствие: за нехождением в классы граф был изгнан из знаменитого коллежа Людовика Велико-го. Впрочем, изучение истории литературы, древних языков было восполнено усилиями домашних учителей. А отсутствие молитв, месс, исповедей, из которых складывалась жизнь в коллеже, принесло немало радости юному ветрогону. Он был помещен в Парижскую военную школу, помещавшуюся на Марсовом поле. Писал нескромные стихи на «Курсе математики» Безу, занимался взаимным рукоблудием с курсантами — соседями по койкам, учил движения котильона или кадрили, без которых нельзя было стать офице-

ром. По окончании был выпущен младшим офицером и направлен в полк, расположенный в Валансе неподалеку от Лиона. Впрочем, вскоре служба наскучила ему, он сменил мундир на суконный английский фрак строгой расцветки, стал писать стихи, за которые получил премию «Золотой шиповник» на поэтическом конкурсе в Тулузе, пытался заниматься наукой и написал трактат о причинах радужной окраски мыльных пузырей. Трактат он издал в Утрехте и послал роскошно переплетенный экземпляр королю Фридриху. Просвещенный деспот удостоил автора ответа с намеком побывать в Пруссии.

Но наш граф к тому времени перестал участвовать в конкурсах провинциальных академий и вместо этого пристрастился к меланхолии: стал посиживать в кафе «д'Эколь» на одноименной набережной. Из окна кафе виднелась Сена, Новый мост, самый знаменитый в Париже. Конная статуя Генриха IV стояла на мосту, и тени от башни Дворца правосудия падали на нее... Здесь он задумал издавать газету, тысяча экземпляров которой обходилась в 40—45 ливров — цена хорошего обеда на двоих в ресторане Пале-Рояля и ложи в Опере. Он отказался от издательских позывов и вступил в импортированную из Англии корпорацию франкасонов. Ложа «Девяти сестер» находилась на улице Ро-де-Фер. Среди «мастеров» ложи были известные ученые Лаланд, Кондорсе, Байи, Гильотен, писатели Шодерло де Лакло и Парни, художники Грез и Верне, скульптор Гудон (сделавший бюст графа с удивительно получившимися глазами: скульптор оставил прикрепленный к верхнему веку кусочек мрамора; выемка вокруг него создавала глубокую тень, подчеркивая направление взгляда молодого человека: смотрел он на каждого человека ниже пояса).

В ложу входили и другие философы, чьи взгляды рождались в чернильницах и нередко там же оставались: адвокат Раймон де Сез, аристократы принц Роган, герцог де Ларошфуко, маркиз де Бомон. Великим магистром был великий ненасытец честолюбия Его Светлость герцог Орлеанский, кузен короля и главный противник Его Величества. Граф вошел в обязательства братства. Ему вручили белый фартук, позолоченный циркуль и под стук молотка произнесли ритуальные слова, которые он сразу постарался забыть, поскольку уже снова увлекся театром, стал завсегдатаем «Комеди Франсез».

В те времена театр еще находился на улице Фоссе-Сен-Жермен-де-Пре. Вместе с другими аристократами он стал посиживать в креслах на сцене, строить глазки актрисе Клерон, появлявшейся в роли бедной греческой невольницы в необъятном платье с фижмами и шлейфом, который несли четыре пажа. Парик бедной невольницы задевал люстру — и пыль летела на головы вельможных зрителей, включая нашего графа. Живость натуры графа приводила в восторг его друзей, и некоторые говорили, что если и есть, *что* смотреть на сцене, так это — граф де Клермон. Впечатление стало устойчивым после того, как Мари-Франсуа Дюмениль пожелала возродить на сцене непосредственность исполнения: в «Родогуне» она играла царицу-отравительницу и так громко рычала и кусалась, бросаясь на близких зрителей, расположившихся в креслах, что молоденький маркиз де Виллар упал в обморок. Брызжа слюной, вращая глазами, царица-отравительница выла, как волк, и хрипела, царапая воздух ногтями... Мужественный граф, не выдержав, подскочил к ней и ударил кулаком в спину, сказав: «Наконец-то ты умрешь, собака!» Публика встретила поступок его аплодисментами, а Дюмениль отказывалась с тех пор с ним ужинать.

Следом в сердце графа созрела любовь к разврату, дающая духу высокое, благородное и свободное парение. Он посвятил себя нежной дружбе с парижскими нимфами, покровительствовал всем жанрам любви безо всякой мелкости предубеждения. Слава ненасытного ебара летала вослед за ним на крыльях. Он стал узнан нацией, как женской, так и мужской ее частью. Слух этот доставил ему знатное супружество. Но Мария-Констанс, графиня д'Эрувиль, состоявшая фрейлиной герцогини Шартрской, недолго прожила с супругом. Поклонница древнегреческой поэзии Сафо, она вела нежную дружбу с Дианой, герцогиней де Лораге — придворной дамой жены дофина. Нередко к нашим подругам присоединялась актриса госпожа Летю-Костанж.

Сказать, что жена графа была глупой женщиной, значит польстить слову «глупый». Она была, что называется, набитой душой. Последней каплей, переполнившей чашу терпения графа, был случай с приемом гостя: им оказался известный ученый, занимавшийся древним Востоком — Вавилоном, Ассирией — и подбиравшийся к Египту. Накануне визита граф попросил Марию-Констанс взять в

библиотеке книгу гостя и прочитать ее, дабы вести разговор за чаем, что та послушно и сделала. Во время чая она задала гостю первый вопрос: «Неужели вы все это смогли вынести?» Гость поднял брови, но ответил с благовоспитанным утверждением. «И этот необитаемый остров был без единого человека? — продолжала графиня. — И кораблекрушение было в самом деле таким страшным?.. А ваш друг Пятница по-прежнему с вами?..» — «По-моему, ваша жена принимает меня за Робинзона Крузо», — шепнул гость графу. Так оно и было. Графиня взяла и изучила стоявшую рядом книгу Дефо.

Граф развелся. Он окончательно устал к тридцати шести годам. В своем поместье под Парижем сменил он бивачный образ жизни на покойное созерцание себя в зеркалах, любил муз модным жаром, то есть перелетал от одной к другой, побранивал замшелые оперы Люлли, одним из первых стал вводить в моду, начитавшись «Вертера» Гете, костюм для утренних прогулок и верховой езды, состоявший из синего суконного кафтана с металлическими пуговицами и желтых кожаных штанов, сквозь которые хорошо смотрелась положенная мужская выпираемость. В поместье своем перетрахал он почти всех слуг, не смущаясь ни возрастом, ни полом, и нередко, увидев свою гардеробу на том или ином лакее, вспоминал о сладких минутах, проведенных с ним в постели. Впрочем, и лакеям эти воспоминания приносили немало радости. О служанках и говорить нечего. Каждая из них считала за честь быть облапленной нежной графской рукой, которая умела удивительно молниеносно проникать в девичью пещерку. Пощекочивание клитора доводило девушку, принесшую поднос с кофейником, до сладкого экстаза. И кофейник, и молочник, и все столовое серебро летело на ковер, а сама она падала в объятия хозяина, успевая на лету сорвать с себя чепчик, юбку, корсаж... И вот уже ноги задраны к потолкам с амурами сладкой кисти Буше, которые любопытно и привычно всматриваются в мерное покачивание тел и неудивляемо прислушиваются к запыхавшемуся дыханию и крикам сладострастия. «*Pecando promeretur*» — «В грехе — предварение заслуг».

III

Клод-Франсуа оказался стройным мальчиком с цыплячьей шейкой, располагающей беззащитностью своею к жалости. Из таких подростков вырастают люди, которые предпочитают мысленное обладание любимым предметом существенному наслаждению и потом всю жизнь полагают, что сила государства имеет свое основание на любви.

Граф внимательно осмотрел племянника. Тот был одет провинциальным манером: белоснежная рубашка с кружевными манжетами, камзол розового шелка, кафтан без воротника, вытканый незабудками. Будучи сердцевидцем, граф угадал в юной стеснительности маркиза отнюдь не остатки готического духа, но родовую прикипелость к пороку. Узкие панталоны племянника, заходившие за колено и застегнутые на металлическую пуговицу, казалось, вот-вот разорвутся от напора своего содержимого.

«Сестра права: мастурбация в оранжерее дала свои плоды, — подумал граф. — Мальчик, видимо, отрастил такой корешок, что научит в будущем трахаться всю цивилизацию... Хотя свобода от предрассуждений и некоторых воображений долго еще не осенит своим крылом этого юного мудошлепа».

— Подойдите ко мне поближе, милый племянник, — молвил граф. — Я хочу, чтобы мы с вами стали друзьями.

— Я тоже, сударь, — молвил дрожащим голосом Клод-Франсуа в ответ.

Он был, видимо, из тех экземпляров рода человеческого, которые на вопрос: «Comment aller vous?» — неизменно отвечают: «Et vous même?» («Как вы поживаете?» — «Спасибо. А вы?»)

— Каковы ваши успехи?

— Неплохие, — кратко отвечал племянник.

Он только что закончил старейший коллеж Аркур, основанный еще в 1280 году каноником д'Аркуром и давший Франции и миру Дидро, Расина, Буало, Прево... Свобода опьяняла его, вынужденно-го совсем еще недавно спозаранку (занятия в коллеже начинались с половины шестого) скрипеть гусиными или вороньими перьями и стирать следы карандаша хлебным мякишем. К тому же в коллеже

была в ходу порка — и нередко, чтобы отвязаться от учителя, ученики вынуждены были решать дилемму: подставлять ягодицы под розги или предоставить их длинному елдаку учителя риторики? Каждый выбирал свое...

— Я бы советовал вашей матери направить вас для дальнейшего обучения в семинарию Сен-Сюльпис, — молвил граф. — Епископский посох и кардинальский пурпур дают больше доходов, нежели офицерская шпага. Примерами служат Ришелье, Мазарини, Флери... Думаю, ваша карьера священника будет обеспечена моими знакомствами: архиепископ Бордо Шампион де Сисе — мой большой друг...

Клод-Франсуа вздрогнул. Во время обучения в коллеже он жил в доме своего двоюродного брата графа де ла Сюз и напился порочными фантазиями света, полными атмосферы эротического магнетизма. Душа пятнадцатилетнего подростка рвалась в пучины разврата и предвкушала победы в парижских салонах герцогинь Фиц-Джемс и де Полиньяк, виконтессы де Лаваль-Монморанси и мадам де Монтессон... Впрочем, не т а к л и и вы, любезный читатель, хотели бы провести первую вашу молодость, пока рассудительность совершенного возраста не втемяшит вам в голову необходимость исправлять людские слабости и приводить в омерзение пороки?

Граф замолчал и испытующе посмотрел на племянника. Первым его старанием было расположить свое поведение к мальчику с непоушившимся подбородком и пахнущему теплой постелью, где простыни скомканы судорожными ночными коленями и забрызганы следами поллюций. Солнце имеет свои пятна, простыни — свои.

Здесь он заметил, что Клод-Франсуа его не слушает и внимательно разглядывает картину Караваджо, на которой был изображен Амур — мальчуган с вывороченными напоказ ляжечками и улыбкой девочки. Лицо его стало пунцовым, ноги дрожали, в панталонах чувствовалось напряжение.

— Это полотно я купил у господина де Боза, секретаря Академии надписей и хранителя королевской коллекции медалей, — пояснил граф. — Меня связывала с ним близкая дружба и единение взглядов, которые мы противоположили человечеству... Увы, нынче дворянство упражняется более в пролитии крови, нежели в сладких битвах на полях Минервы. Свет полагает, что в пристани можно научиться

знать море, и его законодатели, обитающие в Сен-Жерменском предместье, выработали систему взглядов, согласно которой мужчины не следует быть малодушным и женонравным. Как будто воинские телодвижения, освоенные в военных школах, могут укрепить силы души! Нет, только великий дух Минервы делает общую пользу человечеству (я веду речь, конечно, не о тех, кого игра, пьянство и порок заводят к злодеянию!). Человек тонкого душевного состояния не в силах удержать любви своей во внутренностях сердца. И если сама мысль имеет нужду сообщаться с мыслью, то и тело, носящее эту мысль, имеет нужду в сосуществовании с другим телом. Господин Монтескио и другие философы и нравоведы, исписавшие многие стопы бумаг о науке жить счастливо, не предвидели оной правды. Они разбирали злы вещественные и зрели в них не иное что, как одно неизбежное действие законов природы. «Что же, — вопрошали они себя, — значу ли я нечто в Природе?» — и убегали от камней позора, которыми должно было встретить их общество, дай они волю своим порывам, не всегда отличающимся благоразумием.

«*Pictoribus atque poetis Quidlibet audendi semper fuit aequa potestas*» — «Художникам, как и поэтам, издавна праводано дерзать на все, что угодно»... Впрочем, не буду вам докучать своими размышлениями... Можете идти. Этьен покажет вам комнату для гостей...

Граф позвонил в колокольчик и вызвал знакомого нам негра в ливрее и пудреном парике.

Дни пребывания юного маркиза у дяди потекли размеренным чередом. Каждый вечер Этьен докладывал графу де Клермону о том, как провел юный гость свой день. Сообщения походили друг на друга, как листья на старом дубе в графском саду. Впрочем, иногда они получали своеобразие: то слуги заставляли юного маркиза недвижимо распростертым на траве — оказывается, он хотел обмануть птиц, притворившись мертвым... То он напугал служанку Мари, спрятавшись в полутемном коридоре: девушка доказывала, что юный маркиз пытался ее поцеловать, и предъявляла укус на шее. В одно утро его застали на пастбище, где он примостился под пегой коровой и высасывал молоко прямо из ее вымени. Оказавшийся поблизости возмущенный бык с кольцом в носу попытался пресечь подобное посягательство на свой гарем — и слуги с трудом отбили

молодого повесу... Казалось, Тацит, Тит Ливий, Плутарх выветриваются из юной головы маркиза не по дням, а по часам. Вместе со своим сверстником — маркизом де Люлю, прибывшим на лето из городка Арси-сюр-Об, что в Шампани, носился наш герой по лугам, лазал по деревьям графского сада и насаживал небольшие тыквы на хрены мраморных Геркулесов и Аполлонов парка, разбитого английским манером... Верный приказу хозяина, Этьен не выпускал молодых людей из виду. Одно событие несколько посмешило графа: однажды пополудню Этьен зашел на скотный двор, куда до этого забрели два наших юных друга. Продолжительное отсутствие молодых людей навело негра на мысль заглянуть вовнутрь амбара. Зрелище, представшее его взору, было преуморительным: молодой маркиз стоял со спущенными до колен кюлотами. Перед ним покорно застыла белоснежная козочка, со сладострастием, впрочем, в глазах. Задние ноги козочки маркиз вставил в ботфорты и, засунув свой породистый корешок в бедное животное, трахал его, закатив голубые с золотинками глаза. Его друг поглаживал козочку по бокам, хотя та совсем простилась с мыслью о сопротивлении и покорно налезала на длинный елдачок маркиза. Многие пути отверсты к счастью. Юный маркиз выбрал свой. Удовольствие, получаемое им от подобного соития с козочкой, было, видимо, немалым.

Поскольку козочка, не знакомая с ухищрениями человеческого разума, не подмахивала, как приличествовало делать в таких случаях, маркиз де Люлю помогал ей в этом вопросе, раскачивая животное взад-вперед. Потом он нашел себе новое занятие: зашел к другу со спины и стал молодым мальчишеским языком целовать товарищу яйца — довольно крупных размеров, напоминающих своим размеренным качанием колокола. По его поведению было видно, что в коллеже доминиканского монастыря, где он проходил обучение, ему в полной мере удалось, как говорится, «пощупать ветер». После проделанной процедуры с поцелуями он раздвинул своему сотоварищу белые ягодички и стал проникать языком в розовое отверстие его задницы. Делал это он с ловкостью куртизанки. Отцы доминиканцы, судя по всему, вкоренили в душу ему свои добродетели, и крепость юного тела не слишком сопротивлялась первому устремлению порока. Бэкон в таких случаях говорил: «*Natura non nisi parendo vincitur*» — «Природу побеждают, только повинуюсь ей».

Вскоре юный маркиз стал дергаться всем телом, показывая, что приближается сладостный миг семяизвержения. Выбрав нужный момент, де Люлю вырвал из козочкиного влагалища трепещущий хобот друга и схватил его губами. Белая сперма текла по краешкам губ его на камзол. Оставленная без внимания козочка сучала сей праздной жизнью.

— И что, большой щекотун у племянника? — спросил граф негра.

Этьен задумался.

— Около десяти дюймов в длину и шесть с половиной в окружности...

— Для четырнадцати лет достаточно! Все-таки лучше, чем ноль целых хер десятых! — засмеялся граф де Клермон. — Бедной козочке, наверное, не попадалось доселе таких экземпляров... Хотя факт этот должен был наводить на печальные размышления. Испытание естества есть бездна. И умники, обратившие всю философию к единым нравам, заранее простились с мыслью достигнуть дна сей бездны.

Граф вернулся к созерцанию старинного китайского свитка. Следствием разговора был его приказ запереть скотный двор и выставить охрану. Жизнь в поместье потекла размеренно и покойно.

Днями в замок прибыл новый гость — капитан Грей из Англии. Событие это настолько знаменательно, что мы принуждены начать новую главу нашего повествования.

IV

Капитан Грей был золотоволосым и темноглазым человеком с гибким ивовым телом, которого судьба непрестанно помещала между бессилием познать и необходимостью действовать. Можно было запутаться в несчетных ветвях его родового древа, а обилие тетушек и дядюшек, умиравших один за другим, делало его самым богатым женихом Англии. Судьба и желание отца — лорда Барримора — сулили ему морскую карьеру. В пятнадцать лет принужден он был поступить мичманом на фрегат «Албемарл» и, подобно всем молодым людям этого звания, забавлялся тем, что садился на лафет

пушки, подзывал матроса и давал ему пинка в жопу. Некоторым матросам, заметим, нравилось внимание аристократа.

Как и все офицеры, мичман Грей, следуя моде, отпустил длинные волосы. Стянутые в пучок и перевязанные лентой, они именовались «свиным хвостом» и нередко достигали шестнадцати дюймов в длину. Его нежной душе претила солонина, к которой, в случае окончания запасов мяса на кораблях, обращалась команда. Будучи душой художник, он вырезал из нее, сверкающей кристаллами соли, разного рода игрушки, радующие матросский глаз, — голых женщин, елдаки всевозможных форм и размеров, а потом, раздарив это своим любимцам, спускался в кают-компанию к остальным офицерам — за стол, сервированный фарфором и серебряной посудой. Обед заканчивался коньяком в хрустальных рюмках и насвистыванием песенок из какой-нибудь замшелой оперы, поставленной в Друри-Лейн.

На Ямайке он столкнулся с Эдвардом Деспардом, в чьих жилах текла кровь французских гугенотов и ирландцев, образовав непредсказуемый и взрывоопасный коктейль. Деспард служил лейтенантом в пехотном полку, строил батареи и сделал то, что не удавалось офицерам с фрегата «Албемарл»: соблазнил нашего мичмана. «*Deus nobis haec otia fecit*» — «Бог даровал нам эти досуги», — писал Вергилий в своих «Буколиках» и был прав.

Воспитанник туманного Альбиона вошел во вкус и перетрахал всех попадавшихся ему на пути индейцев и индеек с Москитного берега, а также племен онондага, могавки и тускарора. При этом он не смущался даже вспыхнувшей желтой лихорадки, прибиравшей одного за другим его товарищей и получившей среди матросов название «Желтый Джек».

В Нью-Йорке он познакомился в принцем Уильямом Генри, сыном царствующего монарха Георга III. Принцу было семнадцать лет, и он, подобно юному Грею, состоял мичманом на корабле «Барфлер». Они стали приятелями. Благодаря связям с герцогом Кларенским (принц носил этот старинный традиционный титул), а также родству с контролером флота сэром Чарльзом Миддлтоном (будущим лордом Бархэмом), наш голубой повеса стал быстро расти по службе и наконец ступил капитаном на борт двадцативосьмипушеч-

ного фрегата «Бореас», направлявшегося в Вест-Индию на Подветренные острова.

В свои тридцать с небольшим лет он скучал при виде морских волн, пристрастился к картам с красными задками, нередко подавал повод принцу Уэльскому ревновать его к Джорджиане, герцогине Девонширской (хотя герцогиню связывала нежная дружба с леди Бетти Фостер, а некоторые письма подруги — этой кокетки и филолога — говорили об особенном характере этой дружбы. «Ты воплощение всех моих надежд на дружбу», — писала герцогиня из Венеции своей подруге).

Капитан Грей был в моде в этом сезоне. Лондон боготворил его, разделив нежные чувства к капитану с любовью к наследному принцу. Но любовь к Георгу, принцу Уэльскому, входила в понятие «патриотизм». Любовь к капитану Грею была исторжена из глубин сердец, ибо вокруг его имени носились легенды и слухи, а само слово «разврат» стало душою общества, музыкой приватной жизни. Капитан не возражал против обожания нации, и его поведение питалось ласкательством обожателей. Едва Англия приходила в себя от некоторого интимного нововведения капитана (о чем будет поведано ниже), как любимец учинял скандал в грязелечебнице доктора Грэхема, где пациенты сидели по пудренные парики в ваннах, выливая истинные и придуманные болезни: здесь, прямо в грязи, капитан Грей ухитрился трахнуть юного лорда Перси, не смущаясь присутствием других пациентов грязелечебницы.

Газеты Англии неделю пережевывали на все лады это событие, причем «Паблик адвертайзер» доказывала, что лорд Перси понес физический ущерб вследствие уникальных размеров капитанского елдака, а «Бат кроникл», напротив, живописала мечтательную улыбку, не сходящую с лица лорда после этого сеанса лечения.

Впрочем, через неделю капитан давал новый повод для газетной шумихи: знаменитый Джонатан Баттл, чье семейство владело недвижимостью в Ипсуиче, изображенный в ван-диковском костюме на знаменитом полотне Гейнсборо под названием «Голубой мальчик», появился с капитаном под руку в брайтонских тавернах «Старый корабль» и «Замок». Влюбленные сняли коттедж у самого моря за двадцать фунтов в неделю. Их видели вместе во всех достопримечательностях этого морского курорта: в игорном доме для избран-

ных, получившем название «Храм фортуны», в Королевской часовне, в Прогулочной роще, в курзале — на выступлении клоуна Гримальди, в турецкой бане... Принц Уэльский, арендовавший в этот сезон главное здание курорта — Брайтонский павильон, покровительствовал влюбленным, включил их в свое окружение, которое составляли Фокс, герцог Норфолкский, прозванный Бродягой, капитан Моррис и братья Барримор. Нередко вся компания играла в крикет, и капитан Грей любезно поддерживал под локоть своего юного друга... Принц любезно позволял влюбленным использовать свою «купальную машину» — кабину для раздевания на колесах. Что происходило в кабине, никто не знал, но все телескопы и подзорные трубы Брайтона были наведены только на нее.

Следом за этим событием капитан удивлял нацию своим новым романом: на две недели он отдавал свое сердце и хобот куртизанке миссис Эллиот, по прозвищу Длинная Долли, с которой занимался практическим утверждением некоторого интимного нововведения. Кстати, пора поведать и об этом нововведении: апостол неверия и революционист, капитан Грей был недюжинной художественной натурой. Он с молодой горячностью скользил по жизни, и душа его целиком принадлежала ликующим струям Касталии и Ипокрены. Любовь подвигала его на изящное безрассудство. Одним из них было следующее: ввечеру капитан выпивал бутылку бургундского вина темно-зеленого стекла. Затем бутылка наполнялась светлячками, коих так немало в окрестностях Великобританских островов, и засовывалась дном своим в пещеру очередной возлюбленной нашего романтика. Припав глазом к горлышку, капитан Грей любовался вспыхивающим стеклом и фантазиями, создаваемыми неординарной ситуацией... Оживлением таких чувствований образ мысли нации обретал новое парение.

Будучи масоном и членом ложи «Девять сестер», капитан нередко посещал по известным делам Париж. Впрочем, один ли он из английских моряков наведывался к соседям? В Англии французов считали естественными врагами и почитали необходимостью знать язык противника — на случай боевых действий. К тому же высший свет по-прежнему любил французский язык больше своего собственного. Так что у нашего капитана были основания испросить отпуск у Адмиралтейства, пользуясь покровительством адмирала

Джержиса (будущего лорда Сент-Винсента), которому он пришелся по душе своей игрой на скрипке.

«Sapienti sat» — «Для понимающего достаточно».

V

Развалившись в «крылатых креслах» мастерской Хэплуайта (поставленных нарочно для гостя с берегов Альбиона), граф и капитан Грей обменивались сплетнями. Точнее, бездельнические способы к болтовне обнаруживал гость, получая в ответ изумление графа и наслаждаясь этим изумлением. Новостей было немало. Англия летела на всех крыльях навстречу своим подаграм: пила как лошадь! Разница была разве что в том, что Фокс отдавал предпочтение шампанскому и бургундскому; Шеридан начал с бордо, затем облюбовал портвейн, затем последовали сцеженный пунш, горячий негус, бренди... Заключало одиссею возвращение к портвейну. Уилкс пил крепкое немецкое пиво, к которому, впрочем, начинал привыкать и Босуэлл. Питт переходил на разбавленный водой портвейн. Принц Уэльский глушил все без разбора и в конце концов опустился до кюрасо и цедрато... А ученейший муж своего времени Порсон однажды выпил бутылку денатурата, приняв его за джин. Лорд Уэймут пьянствовал до утра, а днем отсыпался. Во время званого обеда у лорда Клермонта граф Карлейль выпил все вино, до которого смог дотянуться. Сэра Филиппа Фрэнсиса, пившего наперстками, развозило к концу обеда так, словно он хлестал бочками.

Дамы не уступали кавалерам. И хотя принято было запивать омаров портером, они не гнушались шафрановой настойкой, ирландским коньяком с пряностями, мараскином, Линет дез Инд, Шамбери, Жакомунди, ландышевой наливкой, не говоря уже об ароматических лечебных водах, спасающих от разлития желчи, ожирения и чумы. Кстати, лекарственные средства входили в моду: эль доктора Батлера, эль доктора Куинси и кресс-салатовый эль позволяли лечиться и напиваться одновременно.

Капитан привез новости и иного характера. Альбион становился день ото дня порочнее и снисходительнее к слабостям органов тела, по выражению Монтеня, управляющих миром. Секретарь наследного принца Джек Уиллет-Пейн явился однажды на бал-маскарад

загримированным юной девицей. Для пушего правдоподобия девицу сопровождала миссис Фицгерберт — любовница наследного принца. Во время бала наша девица попыталась отдаться прямо в кустах можжевельника молодому герцогу Баклею. Поскольку у герцога с перепою не наступала долгое время эрекция, он пытался возбудить его тем, что в медицине именуют «фелляцией», то есть взял герцогский хобот своим накрашенным ртом.

— Не тот ли это герцог Баклей, — спросил граф, — чей портрет с любимой собачкой был написан Гейнсборо?

— Совершенно верно, — отвечал капитан. — Правда, автор хотел преподнести портрет в дар Королевскому обществу Эдинбурга, но подарок был отвергнут: его сочли неприличным в свете распространившихся слухов о сожительстве герцога с этой собачкой. Хотя по более достоверным источникам выходило, что герцог отдает предпочтение племяннику живописца Гейнсборо — сыну его сестры Сарры Дюпон, молодому человеку с длинными ресницами, которого мастер считал самым способным своим учеником и, кажется, не любил расставаться с ним на долгое время.

В ответ на это замечание граф пришел в пресмешной восторг и долго говорил об особом искусстве поэтов и художников ловить молодых людей в сети и вертеть им головы якобы парнасскими изобретениями, которые оказываются старинными забавами человечества. Другое дело, что человечество не согласилось с этой ветвью традиции, дабы полагать в ней свое счастье, и заняло душу («И хрен!» — ввернул капитан, распутивший свою утробу полуведром пива) одним чувством — к противоположному полу. Нечаемая сюрпреза повлекла многие заблуждения и далеко отодвинула Золотой век, в который теперь переселяют людей поэты.

— Трудно вынуть из головы людей затверделое мнение, — закончил граф де Клермон свои грустные рассуждения.

А что же наш Клод-Франсуа? Приезд капитана Грея отдалил его от дяди, который и так был большой неохотник до прогулок, а с появлением гостя и вовсе не выходил из халата. Подросток находился в том возрасте, когда привязываются ко всем без изъятия, и искал случая свести знакомство с капитаном, составившим имя претерпенными опасностями и пролитием крови в морских сражениях.

Случай не заставил себя ждать. Однажды поутру молодой мар-

киз вбежал в покои графа и застал непривычную для глаза сцену: дядя и капитан Грей сидели в своих креслах — в рубашках, но со спущенными панталонами. Их елдаки смотрели вверх, словно пушки фрегата, коим доводилось командовать капитану. Графский ствол был отменной длины, с непривычно сползающей с головки кожей — следствие операции юных лет, о которой мы поведали выше. Все это достояние Природы зиждилось на крупных яйцах с аккуратно постриженными волосами. Капитанская пушка не уступала графской, а в окружности даже превосходила ее. Право, глядя на нее, побывавшую во влагалищах и задницах Старого и Нового Света, каждый проникался уважением и каким-то подобострастием.

Племянник остановился как вкопанный на пороге графских покоев, стены которых были обтянуты голубым шелком с вытканными ветками можжевельника. Весь вид его являл смущение.

Увидев застывшего в дверях молодого маркиза, граф поморщился, затем улыбнулся, обнажив ряд красивых белых зубов:

— Раз уж вы зашли, друг мой, я разрешаю вам поприсутствовать на необычном спектакле, соединяющем естествопытательный опыт с приятной праздностью. Капитану Грею угодно обучить меня нововымышленному наслаждению, в которое он сам был посвящен индейцами Мосkitного берега. Как я полагаю, эти индейцы, в отличие от наших моралистов, не воспаряют в безумной надменности над миром, а совокупляются всеми доступными способами, предлагаемыми для этого Природой... Один из таких способов мы пытаемся воспроизвести...

Клод-Франсуа вежливо присел на шератоновскую кушетку в углу. Щеки его пылали. Глаза сделались воспаленными.

— Итак, любезный граф, — молвил капитан Грей, — для начала мы будем принуждены обратиться к помощи этих девушек. Он указал на двух полуголых крестьянок, сидевших за портьерой, отчего юный маркиз поначалу их не заметил. — Наши нимфы должны разогреть нам наши члены, дабы расположенные в головках нервные окончания, будучи подверженными благотворной теплоте, стали более восприимчивыми к посторонним раздражителям...

Обе девушки присели на корточки и взяли губами хоботы наших героев. Было видно, что им не впервые доводится заниматься подоб-

ным ремеслом: каждая мгновенно со сладострастной спешкой заглотнула невероятных размеров елдаки вплоть до того места, где они выходят из тела и начинают вести свое суверенное существование. Сося и облизывая трепещущие атрибуты аристократов, девушки не забывали пощекочивать пальчиками ягодицы мужчин, отдавших без остатка страсти. По закатившимся глазам приятелей было видно, что волна наслаждения одна за другой накатывала на них и что подобное поведение девушек отнюдь не уменьшало у графа и его гостя доверенности к пороку.

Как только стали появляться признаки приближения семяизвержения и каждый герой должен был вот-вот кончить, они выдержали изо ртов нимф свои елдаки. Капитан взял фарфоровый кувшин и полил себе и графу на головки сиропу. Затем он достал лаковую китайскую шкатулку с прорезями и пояснил окружающим:

— Сегодня поутру я поручил слугам наловить в саду безопасных насекомых (insectum). Следует выпустить наших пленников на сироп, дабы приступить ко второй стадии опыта.

Отпущенные на свободу муравьи сперва стали увязать в сиропе, а затем принялись его поглощать, ввергая графа и капитана своим копошением и укусами в неизбывное удовольствие.

Наши герои распростерлись в креслах. Издалека их тела можно было принять за бездыханные, когда бы волна судорог на пробегала по ним с головы до ног. «Desipere in Loco» — «Безумствовать там, где это уместно».

Первым стал кончать граф. Он вдруг весь переменялся, стал бледнее паросского мрамора и похолодел к окружающему миру. Фонтан спермы извергся к лепному потолку и вернулся в подставленные ладони девушек, поспешивших собрать влагу, упавшую как бы с небес. Капитан Грей, приближаясь к семяизвержению, стремился не выпускать из глаз расположившуюся поблизости от него девушку. В час, когда сперма ринулась на свет божий, он направил свою пушку в лицо девушки. Видимо, опыт этот проводился не в первый раз, потому что девушка вовремя открыла свой розовый ротик и была поражена выстрелом капитанской гаубицы, как говорится, до глубины души.

VI

Пока наши естествоиспытатели переводили дыхание, осмысливая ощущения, дарованные им Природой, девушки мыли в розовой воде покрасневшие головки их елдаков и обтирали их шелковыми платками с монограммой графа де Клермона. Потом граф собрался с силами и молвил:

— Я полагаю, нынешний опыт опровергает все те понятия о природной назначенности, которые, если верить моралистам, ссылались на нас в сердца. Будучи положенными на чашу Весов Наслаждения, изведенные нами новые ощущения всегда перетянут стесненность в любви. Мораль — это историческая случайность, обросшая литературой и наложившая на человечество наручные цепи. Стоит ли отвращать всякие насилия во имя заполучения свободы? Увы, что видим мы вокруг? Везде мечтания, а натуры ни на волос!..

— Опыт позволяет нам познать свое неразумие, — отвечал капитан Грей, отхлебнув лафиту. — Нужно отдаваться его повелительному течению, приносящему нашу утлую лодку судьбы к водопаду чувств... Но роскошь и нега жизни привела человечество в такое расслабление, что жопы сами собою оказались приноровлены к современным нравам и узаконениям. Где-нибудь в Ньюкасле, куда и шейный платок добирался черт-те сколько — когда его уже перестали носить в целом свете, — так вот в каком-нибудь Ньюкасле какой-нибудь семнадцатилетний вертопрах заламливает шляпу а la Ramillie, выражается в парик формы ночного колпака, в камзол с длинными карманами, напяливает сапоги с высокими голенищами, украшенными зубцами, да еще расстегивает жилет в нескольких местах, дабы человечество узрело его рубашку, гофрированную до середины груди... И вот это пугало уже знает, что подставлять задницу для получения удовольствия — приятнейшая и необходимейшая обязанность светского человека, равная науке брэнчать на клавикордах...

Более того, откуда-то и он получает в теории равное со светским человеком из столицы просвещение и знает, что трахаться следует *secundum artem* (по правилам искусства). Неужели он доходит сво-

им путем до озарений, посещавших замечательные умы человечества? Видимо, Бюффон прав, доказывая нам, что природа и человек развиваются естественным путем и не нуждаются в божественном вмешательстве и религиозной морали с ее понятием греха...

— Если одеть ваше суждение всеми приятностями слога, то можно получить новую Великую хартию вольностей, — отвечал граф. — Причем вас тут же сожгут за эту хартию, поскольку вся она замешана на неосторожном для здравомыслящего человека вольнодумстве и петушиных наскакиваниях на добродетель...

— Но ведь добродетель — центр человеческих знаний, совести, вкуса, — вымолвил племянник, обнаруживая свое присутствие в этом спектакле, начавшемся во вкусе новелл Чосера и заканчивающегося нравоучительной драмой.

— Мнимый центр, — поправил юного маркиза граф. — Только необузданное возмечтание о кровати, в котором человечество стыдиться признаваться, довело его до такой глупости. Положим, добродетель представляет определенную ценность только для того, кто несет в себе веру в бога и религию*. Давайте разберемся по порядку, маркиз: религия — это некоторое условное соглашение, которое накладывает на человека определенные обязательства. Во-первых, привязывает его крепкими узами к Создателю и, во-вторых, заставляет его быть признательным тому, кому он обязан своим существованием... Но если доказано, что человек является порождением самой Природы, подобно тому как растения, животные, минералы — порождения ее жизнедеятельности; если доказано, что Бог (которого только глупцы считают единственным автором и создателем всего, что нас окружает) не что иное, как *Nec plus ultra* человеческого сознания, то есть фантом, созданный этим сознанием там, где оно ничего другого подходящего не нашло; если доказано, что само существование Бога невозможно, что Природа, постоянно видоизменяясь, по своему усмотрению одаривает своих детей благами или несчастьями, тогда как человек попытался закрепить свое существование позорной инертностью и сделался поэтому самовмещающей частичкой мира — частичкой, которая по прихоти своей разделила мир на Добро и Зло, — если все это снабжено неоспоримыми

* Далее следует монолог графа де Клермона, вошедший впоследствии в трактат "Философия в будуаре" в качестве основополагающего кредо Долманса. (Примеч. ред.)

доказательствами, — по-прежнему ли вы, маркиз, считаете, что жалость, привязывающая человека к Богу, как и всякая добродетель, является совершенно необходимой для всех нас?

Маркиз залился такой краской смущения, что можно было предсказать: немало людей будут в будущем пленяться его неискусственной простотой и искренностью в пламенном излиянии чувств.

— Стало быть, существование Бога — всего лишь фантазия? — спросил он.

— Надо совершенно потерять рассудок, чтобы верить в э т о, — продолжал граф де Клермон. — Этот зловредный фантом, являющийся продуктом алчности одних и слабости других, — поистине одна из самых бесполезных систем в нашем мире. Ее постулаты, которые претендуют на справедливость, не могут вписаться ни в один реальный закон Природы. Именно на эту бесконечную жажду творить Добро Природа вынуждена отвечать тем, что она творит Зло. Святоши ставят Природу в глупое положение оппозиции, да и сами при этом находятся в постоянной борьбе с совестью. Одновременно с этим они утверждают, что Бог и Природа — одно и то же. Не абсурд ли это? Вещь, которая создана, не может создавать подобное самой себе. Другие же говорят: «Природа — ничто! Бог — все!» Очередная глупость! В мире существует только два понятия: создающий агент и созданный индивид. Что такое «создающий агент»? Это самый существенный и единственный вопрос, на который следует найти ответ. Если мы знаем о действующей видоизменяющейся материи, которая обладает способностью порождать, сохранять, уничтожать все немыслимые и всевозможные формы, окружающие нас и удивляющие нас своим существованием, — какой смысл искать этот самый посторонний «агент», если он, по логике вещей, не может быть заключен нигде, кроме как в самой сущности Природы? Как можно доказать обратное? Предположив, что Природа есть инертная категория, мы встанем перед неразрешимыми задачами. Как же я, не ведая до конца о всех свойствах Природы, могу принять на веру догму, которую я понимаю еще меньше?! Посмотрите, как рисует Бога эта пресловутая христианская религия, как представлен Бог в этом невежественном культе! Вы невооруженным глазом увидите, что это варварское, непоследовательное существо: сегодня оно создает мир, который собирается разрушить завтра. Это слабое су-

щество, наградившее человека свойствами, от которых ему тысячами приходится потом избавляться. Какая опрометчивая жалость: так удачно создать все то, что нас окружает, а самого человека — этот венец Природы — сделать самым несчастным и несовершенным! К тому же если уж Бог не мог сотворить ничего лучше, с какой стати требовать от человека признательности за неудачное сотворение? В чем же тогда заслуга Бога? Если бы человек был создан совершенным существом, действительно избавленным от всего плохого, вот тогда бы это творение было достойно рук Всевышнего. Говорят, что Бог обладает бесконечным предвидением. В таком случае зачем был создан им человек? Не специально ли, не ради ли собственной блажи? Каков Создатель, а? Он чудовищен, не правда ли? Вот кто заслужил нашу ненависть, нашу жажду отмщения! И что же дальше? Не слишком довольный своим произведением, он решил обратить человека в свою веру. Он проклял его, но и это не помогло... Зато на сцене появился другой персонаж, который оказался посильнее Бога. Это — Дьявол, власть которого беспредельна и непреодолима и который способен переделать любое творение Создателя. Ничто никогда не ослабит или уничтожит влияние над нами этого демона!

Человеку необходим Бог. Ему нужно было, чтобы тот спустился со своих небес на Землю. Человек хотел, чтобы Бог спустился к нему в ореоле небесного сияния — в сопровождении свиты ангелов. Черта с два! Бог родился в утробе еврейской женщины, в хлеву среди свиней. И это — тот самый Бог, который спустился на Землю, чтобы спасти ее! Как же затем разворачивались события, что дальше произошло с благородной миссией? Проследим за деятельностью Бога. Что он говорил? Что он делал? Что за подвиги совершал? Что за тайны разгадывал? Прежде всего, как я представляю себе, у этого ребенка было полное лишений детство, на него повлияли, бесспорно, распутные священники Иерусалимского храма. Затем довольно странное исчезновение лет на пятнадцать, во время которых этот плут впитал в себя все основы египетской школы. Именно их он принес затем в Иудею. Первым свидетельством его глупости было его заявление по возвращении, что он, мол, — сын Бога, равный по значимости своему Отцу. Следом он выдумал еще одну иллюзию — так называемый Святой Дух. У него хватило ума утверждать, что

три эти фигуры есть одно целое. Удивительно, что он сумел заставить других поклоняться этим химерам и грозить тем, кто его ослушается, Страшным судом! Он утверждает, что принял человеческий облик для того, чтобы спасти весь мир. Этот ловкий обманщик легко обводит вокруг пальца своих последователей. Оказавшись в пустыне вместе со своими сообщниками, он не умирает с голоду потому, что питается заранее спрятанными припасами. Он инсценирует воскрешение одного из своих приближенных. Он запугивает проклятием тех, кто не хочет идти за ним, а тем, кто будет его слушаться, он обещает вечное блаженство на небесах. Он ничего не пишет потому, что не обучен грамоте, он мало говорит, потому что не хочет выдавать свою глупость, он ничего не создает и не трудится в силу своей слабости и лени. Он говорит людям: «Стоит вам перекреститься, как все трудности ваши будут преодолены». Тем не менее его всемогущий папаша — Бог — так ни разу и не появился на Земле, даже когда его сыну требовалась помощь. Иисусу пришлось терпеть невзгоды наравне со всеми. И вот, когда настал критический момент, когда Иисусовой банде пришлось совсем туго, они собрались и сообща решили: «Мы вот-вот можем погибнуть, если не предпримем что-то решительное и ловкое. Спасти нас может только чудо! Давайте устроим воскрешение Иисуса. Это убедит народ в его божественной силе, а нам снова будут поклоняться и доверять. Наша религия возродится и завоюет весь мир! И вот тело поднято над землей, дети и женщины голосят во весь голос... Но что замечательно: в том же самом городе, где произошло такое трагическое и уникальное событие, в городе, обогренном кровью самого Иисуса, никто не верит в дальнейшем ни в Бога, ни в Иисуса. Мало того, ни один местный историк того времени не упоминает об этом событии в своих работах. Шли годы, и люди привыкли к фальшивому учению. Нашлось много желающих погреть руки на воздвигнутых теориях. Ведь человечество любит изменения, преобразования. Устав от деспотизма императоров, люди загорелись желанием свергать, истреблять прежние устои. Так начался период жестокостей и насилия. Марс с Венерой были заменены Христом и Девой Марией. Самозванцев возвели в ранг святых и увековечили описания их жизней. Жертвами обмана сделались миллионы. И вообще, обман стал основой этой философии. Бедным внушили мысль, что милосердие есть перовая добро-

детель. Их взоры одурманили пышными обрядами «тайнства» и «освящения»... Несомненно, с самого возникновения этот недостойный культ был обречен на вымирание, если бы его не поддерживали теми же низкими средствами обмана, с помощью которых он был создан. Как бы ни пытались сегодня скрыть от нас его нелепость, культ этот обречен. Вот, мой дорогой маркиз, в чем заключается в двух словах история Бога и его религии. Я надеюсь быть правильно понятым и советую больше не заблуждаться на этот счет. «*Quod ab initio vitiosum est, teactu temporis convalescere non potest*» — «Что порочно с самого начала, то не может быть исправлено течением времени».

Приятель замолчали. Окружающее их молчание подавало им случай к размышлениям. Как и водится, по обыкновению, две дюжины бутылок восстановили во всей беседе совершенное равенство и дружество. Головы раскачивала приятная дремота.

Событие это произвело в юном маркизе такую доверенность к дяде, что он стал выпускать из глаз слезы. Наутро слуги видели его ловащим в траве насекомых.

«*Lusus Natural*» — «Игра природы».

VII

Вскоре капитан Грей отбыл на родину, передав графу приглашение посетить туманные берега Альбиона по делам ложи «Девять сестер». Жизнь снова вернулась в свое русло. Племянник и дядя вновь повели замкнутое существование, исключаящее как пламенное излияние чувств, так и всякого рода искренность в минуты деятельной чувствительности.

За завтраком граф осведомился у племянника, не желает ли он посетить премьеру «Женитьбы Фигаро», даваемую труппой «Комеди Франсез» после долгих колебаний со стороны Его Величества? Молодой маркиз отвечал восторженным согласием.

— Я уже имел счастье лицезреть эту пьесу, — молвил граф. — Годом ранее Его Величество, потеряв всякое терпение, разрешил сыграть комедию господина Бомарше при закрытых дверях на сцене театра «Меню Плезир». Увы, за два часа до поднятия занавеса, когда гости графа д'Артуа ссорились из-за лучших мест, королем был

прислан герцог де Вилькье с приказом запретить премьеру. Бешенство гостей не знало границ и явно дошло до слуха Его Величества, ибо француз становится простым эхом человека, с которым он разговаривает...

Умы Франции и Европы были изрядно возбуждены слухами о пьесе. В коалицию сторонников ее входили граф д'Артуа, супруга маршала де Ришелье принцесса Ламбаль и ее сын герцог де Фронсак, госпожа де Полиньяк. В пользу пьесы развил агитацию принц де Нассау-Зиген, обвенчавшийся по милостивому разрешению короля с разведенной при цессой — полячкой Сангушко. В далеком Санкт-Петербурге к пьесе благосклонно отнеслась императрица Екатерина. Англичане просили автора разрешить постановку на альбионской сцене... В этих условиях Его Величество сдал позиции.

Через три месяца после упомянутого инцидента король разрешил сыграть «Женитьбу» в замке Женевилье. Двор расселся по каретам и отправился вослед за графом д'Артуа и госпожой Полиньяк в королевский замок. Мария-Антуанетта также получила от Его Величества разрешение присутствовать на премьере. В последнюю минуту она вынуждена была отказаться от приглашения, сославшись на дурноту в организме. Хозяин замка Женевилье граф Водрей был счастлив сделать собой историю. Стояла жара. Маленький театр был полон душного воздуха. Бомарше своею тростью разбил стекла в окнах маленького театра в замке, дабы присутствующие не задохнулись... О, это было чудо...

Граф де Клермон откинулся на спинку кресла и взглянул на племянника. Щеки юноши пылали. Глаза горели любопытством и живым участием.

— И вот теперь, — продолжил граф речь, довольный впечатлением, произведенным на юношу, — двадцать седьмого апреля премьеры «Женитьбы» состоится на сцене «Комеди Франсез» в новом помещении возле Люксембургского сада... Не в обиду будет сказано нынешним драматистам, но они не видят, что удовольствия постели давно уже вступили в круг удовольствий общественного толка. У господина Бомарше есть шанс переубедить публику...

Дядя с племянником прибыли в каретах за три часа до спектакля. Экипажи зрителей выстроились вдоль берегов Сены, забили все прилегающие к театру улицы. Граф провел молодого маркиза в

актерские уборные, где зрители, сумевшие проникнуть за кулисы, расправлялись с ужином. Жирная маркиза де Монморен заполнила собою всю маленькую уборную г-жи Оливье. Госпожа де Сенектер осталась несолоно хлебавшей и просила помочь ей заморить червячка...

Зал был так полон, что благопритествовал кроткости знакомства зрителей. Сердца, что доселе час от часу становились подобны лабиринтам, вдруг открылись искусству и другим сердцам. В ложах носились запахи духов и благоуханий. Здесь были известные красавицы принцесса де Ламбаль, принцесса де Шиме, вертопрашистая госпожа де Лааскюз, прелестная госпожа де Лашатр, госпожа де Матиньон, госпожа де Дюдрененк... Ложи дышали придворными ухищрениями.

Юный маркиз, сдавленный толпой, встал перед выбором: либо получить в сотоварищи соседку — женщину разумную, но по виду развратную, либо обратить внимание к дяде, болтавшему со многими обнаруженными в зале знакомыми. Он выбрал второе и прилепился с ученической покорностью к графу, являя смущение нежного возраста залу. Поскольку все кресла были заняты, он уселся на ступеньки балкона, причем женщина, бывшая прежде его соседкой, вновь оказалась рядом с ним, а ее рука в полумраке легла на дрожащую ляжечку Клода-Франсуа. По телу юноши пробежал трепет, а мозг в затылке стало теснить. Он извинился от соседства тем, что дурно себя чувствует, и сам того не заметил, как соседка пальчиками своими уже стала перебирать его воспрянувший духом елдачок, рвавшийся на волю их тесных кюлотов.

Разврат окружен неотступно людьми, затмевающими пред ним истину. Парнасские боги взирали с плафонов залы с высокомерным сожалением на нашего героя, впавшего в довольно чувствительное напряжение и расстройство. Юный маркиз был чужд цинических идей и, набравшись из книг излишних кудрявостей мыслей, был готов вливать в сердце свое любовь при виде любой нимфы радости. Каждую женщину принимал он к сердцу с чистыми намерениями, без опытности, без знания света — с желанием сделать знакомство всему человечеству. Молодость делала его человеком весьма деликатной совести, хотя Природа брала свое, и от ощущения женской

ручки в своих штанах наслаждение и ожидание неизведанности вытесняли стыд.

Спектаклю суждено было идти пять часов, ибо аплодисменты прерывали каждый монолог и удачную остроту. Нередко восторженная публика обращала взоры к ложе, где в темном уголке за спинами аббата де Калонна, брата министра, и аббата Сабатье прятался автор.

В надругательство здравому рассудку наш герой не проявлял интереса к пьесе, поглощенный короткостью негаданного знакомства. Шелковый лиф платья соседки, вырез каре, обнажающий вздымающиеся груди, прическа в виде корзины с вишнями, благоухающие духами перчатки произвели на него магнетическое обаяние. Пристрастие управляет языком. Влюбленность лишает дара речи. Талант к красноречию пресекся у юного маркиза в один миг, и в глаза на смену юной и пленительной живости пришло блудливое бегание по сторонам в поисках укромного уголка. Не на этих ли поисках основана опытность человеческая?

Посреди спектакля он вскочил со ступенек, давших ему приют, и увлек соседку в фойе, а оттуда, полагаясь на интуицию, — за кулисы. Если бы за кулисами было светлее или у маркиза не были залеплены глаза любовным ослеплением, он бы разглядел исполнительницу роли Сюанны — Луизу Конта, ожидавшую выхода на сцену, и исполнительницу роли Керубино, очаровательную блондинку Оливье, настолько вошедшую в роль, что уже за кулисами задолго до окончания спектакля ее осаждали два распутника, пожелавшие поиметь юного пажа. Их ожидало разочарование: Керубино оказался девушкой с приличествующими полу архитектурными излишествами. Греховодники отправились восвояси в зал, а красотку Оливье стал обольщать живописец Фрагонар, пожелавший писать ее портрет.

Рок принес наших влюбленных в какой-то угол, где ждали своего часа декорации спальни графини. В мгновение ока соседка маркиза бросилась на постель и откинулась словно бы в забытии. Любовный обморок не мешал ей умело стаскивать с юного маркиза панталоны. Когда юноша был раздет, наша нимфа живо сбросила с себя фижмы и юбки и попыталась поправить понятие маркиза о любви, воспитанное в коллеже Аркур и на скотном дворе. Юноша не

мог не поддаться искушению, в которое его старались привлечь всеми доступными человечеству способами. Внезапно маркиз сделался в уме и поступках очень развязен и весь отдался наслаждению Венериными достоинствами девушки, живо поднявшей к небесам ноги и умело воткнувшей в свою неглубокую пещерку взволнованный елдак молодого человека. В такие минуты род мыслей любого человека, каким бы здравым смыслом ни был он наполнен, не годится ни к чему. Исполненность сладострастия и порока сжигает рассудочность, взлелеянную цивилизованным светом и всеми его философами. Приникнув к девушке, маркиз принялся возделывать предоставленную ему для обработки землю и сделал на этом поприще немало полезного, что, впрочем, не являлось для человечества открытием Америки.

Неожиданно выскользнув из-под молодого человека, девушка опрокинула его на спину и вспрыгнула на него, словно птичка на свою веточку. Назвать молодой елдак маркиза «веточкой» было бы опрометчиво, если мы вспомним замеры, произведенные негром-лакеем на скотном дворе. И хотя замеры эти производились на глазок, а не с помощью точных инструментов, можно представить, насколько основательной была «веточка» для нашей птички. Закатывая глаза, девушка ерзала вверх-вниз по столбу маркиза, словно выпившие мужики какой-нибудь руанской деревушки ползают по столбу, пытаясь добраться до его верха, где находится призовой петух. Наша участница соревнований была вне конкуренции. Уже через несколько минут у маркиза стало дергаться тело, ноги вытянулись на всю длину, грудь порывисто задышала — и он выплеснул ту самую порцию драгоценной влаги, которая позволяет человечеству сменять поколения, словно деревьям свою листву. «*Noblesse oblige*» — «Дворянство обязывает».

VIII

Облеченный поручением, а точнее тем, что граф сделал ему доверенность, наш лакей Этьен (если читатель не успел еще забыть негра в творожном тюрбане) продолжал следить за поведением молодого маркиза. Следствием этого стало одно обстоятельство, составляющее некоторую тайну и не предназначенную для удовле-

творения графского любопытства. Увы, «Amorem canataetas p̄gima», — сказал Пропеций («Пусть юность поет о любви»). И однажды, поднявшись в комнату, отведенную племяннику, граф обнаружил на его столе странный дневник. Дневник поверг графа в размышления и показал ему, что пламенный дух юного маркиза недолго оставался в затруднениях, производимых одиночеством. Клод-Франсуа имел литературный талант и счастливо избежал наследственного прилепления к невежеству. Более того, его дневник был забавнее некоторых романов, которыми их авторы перебивают у аптекарей торг сонными порошками. Забрав тетрадь с собою, граф разбросался в креслах и приступил к чтению. Нам недосуг предлагать вниманию читателя все излияния молодого маркиза, возбуждаемого, как сказали бы скифы, оводом похоти. Но одно место, достигнув коего граф сделал впечатляющее выражение физиономией, мы не можем не привести, поскольку оно и являет то обстоятельство, о котором предпочел умолчать лакей-негр.

ИЗ ДНЕВНИКА МОЛОДОГО МАРКИЗА

«...Сегодня Этьен принес мне завтрак и вместо обычного удаления остановился в дверях. На фоне шелковой портьеры была видна вся грациозность пластической позы его тела, в котором угадывалось избыточество порока. Я почувствовал, как приятное мление объемлет все мои члены. Все мое *l'imagination vive* (живое воображение) пробудилось. Я раскинулся на постели, и мысль пробудить в нем чувства и подурачиться с ним тихомолком воспалила во мне кровь. Я улыбнулся. Лакей молча и быстро бросился ко мне. Через минуту он уже лежал в постели, сущий натуралист, и учинял свою негритянскую дебошу. Мы возились, играли, смеялись. Мгновение — и я лежал под ним. Пахло принесенным завтраком, и кофий безнадежно стыл в фарфоровой чашке. Неожиданно я высвободил свои руки и обхватил ими его спину, крепкую и неимоверно темную.

— Ты хочешь меня? — спросил я.

Негр, видимо, давно привык к европеизмам не без нравственных дерзостей и революций в постели. Все произошло само собою. Наверное, он был уверенным в безотказности своей красоты и избыточной силе своего хобота. Впрочем, от возни с ним и у меня поднялся

елдак. Я чувствовал, как кровь пульсирует во всех моих конечностях, не исключая той, которая смогла бы послужить Архимеду для переворачивания мира. Я принял смелость (*prendre l'andace*). Я сказал: «Ты хочешь меня?» Прав был Мармонтель, когда писал в своей сказке: «Душа ищет возможности для проявления своих чувств и, не найдя их в действительности, обращается к предметам воображаемым». Нам с лакеем было не до Мармонталя. Мы хотели друг друга. Я видел, что он понял, что я от него жду. Наверное, он хотел, чтобы и я понял, что он ждет от меня. Мог ли он не почувствовать моего возбужденного члена с набухшей и ожидающей головкой, который тыкался, как слепой и голодный щенок, в его тело. Лакей улыбнулся:

— Avec plaisir! (С великой охотой!)

Надобная минута наступила. Я перевернулся, приподнялся и сел. Мы долго целовались. Он проникал своим языком в мой рот, прикасался к моему языку и после трепещущих конвульсивных движений отдергивал его, обожженный страстью. Он был старше меня, крупнее, опытнее. Без подсказки режиссера мы распределили свои роли. Его поцелуи не были старческими слюноиспусканиями Шампиниона де Сисе, теперь мне была видна разница...

(Граф де Клермон улыбнулся: «Неужели милейший Шампинион сумел обольстить моего племянника во время своих нечастых наездов в коллеж Аркур?»)

Лакей Этьен впился в мои губы своими крепкими губами, перебивавшими во многих переделках. Сразу было видно, он охотник до такого рода приятностей. Он посасывал мои пальцы — один за другим, как я когда-то делал это своей театральной соседке за кулисами «Комеди Франсез». Я сорвал с него узкое жабо, растянул рубашку голландского сукна, явно подарок графа! (здесь граф де Клермон поморщился: мальчишка слишком проницателен) — и стал тоже его целовать, руки, грудь, шею, которая, оказавшись без рубашки, стала какой-то беззащитной и по-детски пугливой. Я старался вести себя так, чтобы он не нашел во мне неожиданные препятствия, которые могли бы помешать ему в его любовном предприятии. От него пахло утренним, явно украденным у графа одеколоном (на этом месте граф де Клермон снова поморщился) и каким-то шабли. А может быть, это был запах молодого черного тела.

— Как тебя зовут? — спросил я, хотя хорошо помнил, что дядя называл его Этьеном.

Он промолчал. У порока нет ни имени, ни отчества. Зато место жительства — от полуденной Берберии до Пале-Рояля. Здесь я увидел под левой щекой его наклеенную мушку, вырезанную из черной тафты. Она обозначала, следуя «языку мушек» — горячество. Я вздрогнул, предвкушая будущие радости, не изведенные мною доселе. Я люблю все красивое и крепкое, и гравюра Смита с рабом Микеланджело в отличной технике меццо-тинто способна напоить мою душу восторгом радости и привести затем в отчаяние при взгляде на окружающее человечество — грубый и несовершенный отломок мрамора. Так вот, о лакее: он был красив, крепок, ласков, и у него был, видимо, очень большой елдак. Я стал целовать его в грудь, спускаясь к животу. Наконец мои губы достигли того места, где рубашка уходила в кюлоты. Под шелковой материей оливкового цвета я ощутил его напрягшийся хобот. Я стянул с него кюлоты.

Да, он был велик, этот волшебный жезл Аарона из Библии, вызывающий к жизни вещи, которых он сам не ожидал!.. Впрочем, я не удивился бы и большим размерам. Любопытство спряталось в меня. Вышло желание, страсть (*affectus*) и чувственность (*sensatio*). Меня всегда губили вымыслы юродствующего воображения. Я был рад поддаваться искушению, в которое меня старались привлечь товарищи по коллежу или учитель риторики, которому приходилось жертвовать невинностью ягодиц, дабы не быть выпоротым розгой...

Но здесь было что-то другое. Мне хотелось засунуть его орудие в свой рот — до самого основания, до того места, где он вливался в нижнюю часть живота. Мне хотелось увидеть его конвульсии, сопровождающие всякое семяизвержение. Мне хотелось быть облитым с ног до головы его спермой. А еще я не мог разрешить для себя вопрос: неужели у негров сперма — белая? Словом, я приготовился читать *Le livre de la nature* (книгу природы). Я взял его елдак дрожащими от волнения губами и обвел языком вокруг головки. Лакей встрепенулся, как могли встрепенуться только любовники Тиберия, отдаваясь своему жадному до утех императору в голубой воде мраморного бассейна.

Наверное, я хорошо умею брать в рот: по природе своей я не из тех мальчиков, что отдаются партнерам для получения денег, а не

удовольствия. Нет, я люблю быть любимым. Я люблю быть выбанным во всех измерениях страсти. Я люблю чувствовать себя девушкой, которую лишают невинности в первую брачную ночь, а может быть, просто в стогу. Я люблю... Но, твердя себе это, я знал, что все это — неправда. Я не мог любить всего этого, ибо этого никогда, никогда не было со мною! Все это было порождено моими снами, после которых оставались пятна на простыне, рассказами моих друзей, которые порой нарочно искали случая предложить учителю риторики себя... К тому же общее мнение столь поражено было кроватной темой, что я не мог избежать атмосферы всеобщего порока.

Я сосал с волнением, равномерно, то наращивая скорость, то приостанавливая темп. Иногда я пробегал пальцами по его крупным черным яйцам в таком же черном пушке. Иногда мои губы сползали к основанию его темного жезла, и я окунался в густую поросль тропического леса Берберии. Он что-то говорил, о чем-то вздыхал, вскрикивал, иногда восклицал: «O bonheur!» («О счастье!»)

Итак, мы с негром сделали из себя пару. Он понемногу вошел в раж и уже помогал мне все глубже засовывать свой хобот, отливающий мглой африканской ночи, в рот. Говорят, что философы переменяют свои системы в зависимости от любовниц и любовников. Будь я философом, я переменял бы свою систему не раздумывая — после этой встречи с Этьеном. И моей системой стала бы любовь к берберским мальчикам. Один ли я, впрочем, разделял эти чувства? По обе стороны Ла-Манша все перемешались на пажих-негритьях. Герцогиня Куинсберийская усыновила чернокожего пажа Субиза, и смуглый черт с повадками сорвиголовы отдавал свое сердце музам, женщинам (и не только им!), лошадям, которые во время объездки и сломали ему шею. Нет, я был не одинок в своей любви к моему черному Этьену, помогавшему мне заглатывать свой прекрасный елдак. «Puris omnia pura» — «Для чистых все чисто».

Как тростник, растущий на берегах, увенчивается новым листвием, расширяя далеко свои ветви и простирая зелень во все стороны, стоял елдак лакея посреди постели, вбирая новый опыт моего чувствования и ломая естественные пределы рассудительной любви. Нужно ли увлекаться риторической фигуральностью, благодаря негра за все его дружеские ко мне одолжения в бытность на моей постели?!

Когда Этьен кончил, мой рот был полон его спермы. Она оказалась, как и у меня — перламутровой, белой. Я стал целовать и слизывать ее с ног, живота, с простыни, на которой она распозалась, рискуя впитаться в шелк. Он лежал и бормотал: «O bonheur!» И в изнеможении откидывался на подушки, оттеняя своим лицом белизну полотна и кружев. Впрочем, белки его глаз соперничали с этой белизной.

Горе одинокому! («Vae soli!») Старик Аддисон в своем «Спектейторе» высмеял глупость безмозглых пьес: «Входит король в одиночестве и два скрипача». Но в своем злословии он забыл о страшной участи одинокого, и его насмешка, словно молния, растворилась в воде, не согрев людей, не осветив им путь. Сердце билось во мне, как заключенный в башне Венсеннского замка, для которого близкие родственники исхлопотали у короля «Lettre de cachet». Я был благодарен первому движению души, которое состояло в том, что мне впервые не довелось плакать о потере дня в своей жизни. О, я не опасался, что мой негр утрудит повторением свои объятия! О нет!..

Я посмотрел ему в глаза и спросил: «Diable m'emporte, ты будешь моим? Я хочу, чтобы ты был только моим, и не отдам тебя ни дяде, ни всем твоим бывшим любовникам и любовницам...»

Он помолчал, затем ответил: «Vous avez trop de penetration pour ne pas l'entrevoir» («Вы очень много имеете проникания, чтоб этого не видеть»).

Здесь я стащил с себя кюлоты, сбросил сапоги, отшвырнул их далеко в угол так, что они смахнули с трюмо красного дерева две мейсенские фарфоровые статуэтки, изображающие мадам Помпадур в роли Галатеи и принца де Рогана в роли Атиса. Мне захотелось, чтобы лакей взял меня сейчас же, посреди постели. Я уперся руками в подушку розового шелка и встал на четвереньки перед ним, выпятив свою задницу и сладострастно покачивая ею, пытаясь завлечь его в свои сладкие недра. Все женское во мне всколыхнулось и требовало выплеснуться наружу. Мне нужен был повод стать женщиной. Я уже был женщиной. Короля играют придворные. Женщину играют те, кто ее берет. Я шептал ему: «Casta est, quam nemo goçavit» («Целомудрена та, которой никто не пожелает»). Я хочу быть твоим...»

Он нежно стал вводить свой хобот в меня — медленно, но отто-

ченными движениями заправского ебара. Боже, как он меня ебал! Если еще раз такое повторится, я снова буду на седьмом небе! Но, увы, нельзя войти в одну и ту же воду дважды... Я стонал, я извивался, я плакал. Я кусал подушку. Я умирал и возрождался вновь, и все ангелы в небесах глядели на мои мучения и плакали вместе со мной. Он пытался ласкать меня. Он гладил мои худые плечи. Он теребил мой воспрянувший духом хоботок, пытаясь возродить его к новой жизни. Иногда его орудие выскальзывало из моей задницы, но он снова терпеливо вводил его по самый корень и делал какие-то особые вращательные движения, которые причиняли мне вместе с нестерпимой болью сладкие ощущения. «*Sufficit ad id natura, quod poscit*» — «Природа дает достаточно, чтобы удовлетворить естественные потребности». Я вел себя точно так же, как моя театральная соседка, когда я трахал ее за кулисами. Я поймал себя на этой мысли. Но развить ее не смог: он кончил — и страшное жжение внутри охватило меня всего. Я кончил вслед за ним, и мы зарылись в простыни. Мой хобот приятно кололи брюссельские кружева. Я заснул, а когда проснулся, увидел, что уже стоит полумрак. В окне шевелились деревья, похожие на огромный парик *a'la Lois Quatorze*, в котором живописцы так любят изображать Вольтера. Я посмотрел на себя в зеркало: мое тело было по-прежнему юным, трепещущим, оно жаждало новой страсти, оно ждало новых ощущений, оно летело к новой любви. Руссо с его главными принципами суверенитета народа и политического равенства был бы доволен мною, своим верным учеником.

Я вышел в сад и пошел по тропинке, оглядываясь на старинные графские каштаны и вязы. В волосах моих жило тепло постели. Я был счастлив, словно получив богатое архиепископское место в Тулузе; словно вот-вот должен бы стать коадьютером; словно добился места придворных фрейлин для всех своих кузин и тетушек и раздобыл полк для их любовников; словно с химиком Шарлем поднялся из Тюильрийского сада на шелковом воздушном шаре, наполненном водородом, а внизу в Булонском лесу ожидала моего приземления герцогиня де Полиньяк и герцог Шартрский (еще не Орлеанский) вместе с товарищами мчался на лошадях встречать смельчаков; словно восходившее солнце превращалось в обещанную мне красную тиару кардинала, а король даровал мне право рубки леса в своих

владениях... Только губы мои почему-то шептали: «Je me fais pitié à moi même» («Мне жаль самого себя»). Ночь была темная, словно мой лакей. И звезды напоминали белки его глаз. Прав был Светоний, говоря о божественном Тите: «Amor et deliciae humani generis» — «Любовь и отрада рода человеческого».

IX

Напрасно думает читатель, что Дневник юного маркиза имел причину ужаснуть графа. Отнюдь нет, в полудетских словах растворились намерения (непредумышленные, впрочем) забавлять, трогая сердца. И хотя граф де Клермон увидел в некоторых строках неожиданные препятствия для...

24 мая 1784 года госпожа де Сад (урожденная де Монтрель: ее отец четверть века был президентом третьей палаты по распределению пошлин и налогов в Париже), как обычно, явилась в Бастилию на свидание с мужем. На этот раз кроме белья и двух простыней она принесла девятнадцать тетрадей бумаги, бутылку чернил, бутылку оршаду, шоколадных плиток... Впрочем, через две недели к принесенному она добавила 7 гроссов очиненных перьев (гросс — мера счета: двенадцать дюжин), шесть петушиных перьев и двадцать одну линованную тетрадь.

Так началась «болдинская осень» маркиза де Сада длиной в 5 лет и 5 месяцев, в течение которых было создано почти все им написанное. Впрочем, все или почти все бумаги погибли во время взятия Бастилии воодушевленным революционным порывом народом, сжегшим или выбросившим из окна среди прочего хлама плоды круглосуточных бдений «узника совести».

Видимо, в это время был задуман, разработан и осуществлен роман «Клод-Франсуа, или Искушение добродетели», споры о котором и поныне ведутся в среде литературоведов и поклонников музыки маркиза. Приписывание — лакмусовая бумажка популярности. Примерами тому литература располагает в довольствии. Пушкину приписывали эпиграммы и поэмы, от которых он порой отказывался вопреки истине; Набокову приписано авторство «Романа с кокаином»; апокрифические анекдоты с выступлениями Маяковского и остроты Светлова дополняют список новациями эпохи социалистического реализма.

Маркизу де Саду, читатель (как сказал бы Мастер!), немало приписывалось произведений эротического магнетизма. Эротико-философский роман «Тереза-философ» («Therese Philosophe»), опубликованный в нашем отечестве в 1991 году (РИА «ИСТ-ВЕСТ», «Московский рабочий») — яркий пример белых пятен в атрибуции литературы, эмансипирующей плоть. Другой пример — «Клод-Франсуа».

История подростка в экстремальный период пубертатной гиперсексуальности (как выразился бы современный сексолог) занимает внимание автора более, чем фривольное времяпрепровождение его дяди графа де Клермона и его друга капитана Грея. Интуицией художника автор романа предусмотрел то, о чем двести лет спустя ученый скажет языком научной констатации: «Гиперсексуальность пубертатная — свойственная юношескому возрасту фиксация психики на сексуально-эротических впечатлениях и фантазиях, сопровождаемых спонтанными эрекциями, частыми поллюциями и другими проявлениями повышенной половой возбудимости; порождая преходящую невротизацию, пубертатная гиперсексуальность в то же время способствует формированию условно рефлекторных комплексов половой сферы, обеспечивающих нормальные половые функции в период зрелости» (И. К о н Введение в сексологию. М.: 1989).

Половая парциальная абстиненция героя романа в своих кульминационных моментах вырывается на волю, словно пар из паровозного котла накануне неминуемого взрыва, создавая причудливый и не сковывающий фантазию автора рисунок повести, незатейливой фривольностью своей напоминающий Ватто или Фрагонара, а откровенностью — Буше либо, что еще точнее, восточные эротические гравюры. Мы имеем дело с некоторой адвербиализацией жизни (если перенести лингвистическое понятие на судьбинный уровень). Словно платоновский Андрогин, юный герой романа, имя

коего дало произведению название, ищет свою вторую половинку. Судьба, точнее, случаи, словно пылинки, обрастающие перламутром и получающие статус бытийности, разворачивают перед ним веером инвариантность сексуального существования: гетеросексуальность (случай за кулисами на премьере в «Комеди Франсез»), скотоложество (соитие с козочкой на скотном дворе при участии маркиза де Люлю, пытающегося вовлечь героя в акт гомосексуальной ориентации), собственно гомосексуальная ориентация в рафинированном виде (встреча с негром-лакеем), мастурбация (оранжерейные проделки юности) и т. д. Диапазон приемлемости (то есть совокупность форм сексуального поведения) у юного героя весьма широк. Но эта широта идет более от интуиции ненасытной молодости и неискушенности, чем от опыта. Семантическое поле эротических переживаний оставлено автором за кадром. Это можно и понять. Требовался опыт литературы реализма с ее натуральной школой, психологическими романами, фиксирующими мельчайшие движения души (и тела)! Но за внешними деталями, за морфологическими швами прерывистой речи героя, особенно в страницах его Дневника, видишь нарочитое пренебрежение автора мотормно-кратными глаголами, обозначающими движение. Контаминация — как литературный прием, перенесенный на почву эротических ощущений, — пронизывает роман, создавая удивительно целомудренное магнитное поле с необъятным сексуальным радиусом действия. И здесь свое слово должна еще сказать сексуальная психолингвистика — дисциплина, только-только входящая в нашу научную и духовную жизнь.

Энциклопедизм автора (поостережемся покамест называть его имя) уникален. Ему ведомо восточное искусство и театр Просвещения, романы Кребийона и балетные постановки Газтана Вестриса, пластика Гудона и нравы английского двора времен Георга III... Но, опережая время, автор использует прием регрессивной деривации (как его спустя столетия обозначат лингвисты) и отсекает те реалии, которые имеют экстрагенитальный (то есть находящийся вне сферы половых органов) характер. Подтверждается известное: произведения маркиза де Сада носят эзотерический характер. Эзотерическая сущность их проявляется в необходимости прочтения зашифрованной метафоры либо закодированного предметного ряда. Даже неискушенный читатель увидит в игре графа де Клермона на китайской флейте из лилового нефрита намек на ороргенитальный контакт (фелляцию). Но лишь причастному к эротическому импрессионизму откроется двойное дно образа молокососов с Бульваров, «что приказывают слугам обгирать отвороты щегольских своих ботфорт шампанским». Что это, как не пассивный петтинг? Кстати, и описываемый через несколько строк «старинный кувшин из темного фарфора, что напоминал финикийский фаллический символ», уже предвосхищает коллизию следующей главы: фимоз юного графа, обнаруженный им во время первого сексуального контакта за кулисами Оперы. Такое чтение — с обязательным скашиванием глаз на Фрейда — делает чтение романа увлекательным, превращая занятие в разгадывание литературного кроссворда осьмнадцатого столетия.

Нередко литературоведы спорят об инородности IV и V глав романа, в которых появляется капитан Грей. В самом деле, эротические плеоназмы глав безусловны. Они распадаются на ряд анекдотов с выявлением половой стратификации героя из туманного Альбиона. Орграстичность как доминирующая черта характера капитана

Грея усиливается безволием его партнеров. Казалось бы, мы имеем дело с нищеан-ским героем. Но на поверку и капитан Грей оказывается марионеткой в театре судьбы. Все, что он может сделать, — это внести свою лепту — свою волю — в общий котел «мировой воли» (если следовать Шопенгауэру). Так, невозможность увидеть цель всеобщего порыва создает, с одной стороны, ауру безысходности, а с другой — толкает на сумасбродное жизнелюбие в его инвариантных эротических проявлениях. Словом, как принято было говорить о герцоге Орлеанском: «*Paresseux sur mer, poltron sur terre, polisson partout*» («Бездельник на море, трус на суше, повеса везде»).

Герои романа несчастны в своем маленьком счастье, имя которому Жизнь. И счастливы в своем несчастье, имя которому пытается найти автор. И не находит. Вот отчего так дорог ему Клод-Франсуа, открывающий для себя мир в его многообразии и радостях. Если зрелые герои романа, обладая мнимой опытностью, живут в ощущаемом пространстве, помогая тем самым писателю наиболее близко подходить к выполнению художественной задачи (и не выполнять ее!), то юный герой с его ненаведенным фокусным расстоянием мировоззрения являет собою альтернативу половым конституциям, зацементированным каноническим правом сексуальных инверсий. Подростковость пролонгированного коитуса автоматически и с детской бесстыдностью переходит в юношеское разочарование и сексуальную дисгармонию, имеющую причиной более духовные и возрастные факторы, нежели собственно разочарование в половой aberrации. Не это ли делает образ Клода-Франсуа близким читателю, заставляет с волнением следить за его приключениями и сопереживать вместе с ним?

В наши задачи входит проблема атрибутации романа «Клод-Франсуа». Аргументы в пользу и против авторства маркиза де Сада на сегодняшний день распределились поровну. Изложим лишь некоторые из них хотя бы для того, чтобы показать и подчеркнуть з н а ч е н и е литературной загадки, связанной с авторством романа и занявшей свой порядковый номер в ряду загадок и вопросов столетий, вроде таких, как: «Существовал ли Шекспир?» или «Мужчиной или женщиной был шевалье де Эон?».

Несомненно, в пользу авторства маркиза де Сада говорит присутствие в VI главе монолога графа де Клермона, один к одному скалькированного с программы Долмансэ — героя «Философии в будуаре». Уже один этот довод делает предположение некоторой уверенностью. Следующий довод: театральные мотивы в романе «Клод-Франсуа» вызывают навязчивые ассоциации с театральными пристрастиями маркиза де Сада. Вспомним, что его перу принадлежат несколько пьес, в том числе комедии «Вероломный», «Легковерный муж», трагедия «Жанна Ленэ»... С 1790 года маркиз пытается поставить свои пьесы на сцене. В письме от 19 мая он пишет своему нотариусу в Провансе-Гоффриди: «В ужасных театрах Валенсы, Монтобана, Марселя эти каннибалы каждый день дают представления драмы в английском духе, от которых волосы встают дыбом... Ах, я давно уже понял, что эта славящаяся красотой и изяществом нация, которая поджарила и съела ягодицы маршала д'Анкара, только и ищет способы для самовозбуждения, дабы показать, что лишь в жестокости и насилии она приобретает свое истинное лицо. Были бы только подходящие условия».

К театральным пристрастиям маркиза относится и связь с актрисой Мари-Констанс Ренель, длившаяся четверть века — вплоть до смерти де Сада. Ну а постановка

в сумасшедшем доме Шарантон, куда был заключен в 1801 году маркиз де Сад, театральные представления является своеобразным доводом преданности писателя Мельпомене и ее искусству.

Опубликованные в предисловии нашего издания письма маркиза де Сада в связи с его деловыми интересами к театру «Комеди Франсез» переключаются с неоднократным упоминанием этого театра в романе «Клод-Франсуа». Более того, сценой соблазнения юного героя являются кулисы упомянутого театра, а временем действия — премьера «Безумного дня» Бомарше. Почти протоколно фиксирует автор историю премьеры пьесы — с несостоявшейся «предпремьерой» в дворцовом зале «Меню Плезир» и состоявшейся «предпремьерой» в замке графа Водрея — Женевилье. Видимо, театральные пристрастия маркиза и театральные мотивы рассматриваемого романа также следует занести в актив спора в пользу положительного ответа.

Своеобразным доводом в пользу авторства маркиза служит интерес, проявленный к роману Михаилом Кузминым. Конечно, можно объяснить совпадением появления в кузминских «Приключениях Эме Лебефа» маркиза Франсуа, сына герцога де Сосье. Совпало и время действия кузминского романа: все тот же осьмнадцатый век: «Только перелистывая миниатюрные, отпечатанные старинным причудливым шрифтом страницы «Приключений Эме Лебефа», читая словно в безупречном переводе какой-нибудь роман французского писателя XVIII века о занимательно-фантастических похождениях бесконечного авантюриста, так неожиданно, но вместе с тем и так естественно обрывающихся на полупhrase, осознаешь, как стеснительна, не к лицу Кузмину маска человека XX века, ему, так полно, так непосредственно переживающему чувствования и ощущения наших прадедов и прабабушек» (Столичное утро, 1907, № 79). Особенности «реконструктивного» стиля и поэтики сюжетосложения, позволяющие Кузмину представить своего рода метароман XVIII века, отмечал В. Брюсов: «Приключения Эме Лебефа» можно выдать за отрывки старофранцузского романа середины XVIII века...» Приплюсуем сюда же прозаические произведения Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» (где фамилия героини идентична герою-соблазнителю известного романа XVIII века Шодерло де Лакло «Опасные связи»), роман-биографию «Чудесная жизнь Иосифа Балзамо, графа Калиостро»... Ну и опять легкое совпадение встречается нас в кузминском «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам»: в главе третьей читаем: «Миновав Клермон, Монпелье и Арль, мы прибыли в Марсель...» Вновь переключка с романом «Клод-Франсуа».

По воспоминаниям современников, экземпляр «Клода-Франсуа» хранился в библиотеке Константина Сомова, члена объединения «Мир искусства», близкого друга М. Кузмина. Сомову, кстати, и были посвящены «Приключения Эме Лебефа». Видимо, сомовским экземпляром и заинтересовался «самый смрадный грешник» (А. Ахматова). Судя по всему, это было голландское издание на французском языке 1908 года.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (С.-Петербург) в фонде О. Н. Гильдебрандт-Арбениной предположительно хранятся черновики перевода М. Кузмина романа «Клод-Франсуа». Впрочем, как известно, архив М. Кузмина и Ю. Юркуна, оставшийся у О. Н. Гильдебрандт-Арбениной и хранящий тайну, погиб. Не дают ответа кровоточащие дневниковые записи последней 1942

года: «Мне дневники (речь идет о дневниках О. Н. Гильдебрандт за 1920—1930 гг.) не меньше жаль, чем картинки. А Юрочкины, *спасенные мною с таким трудом и напряжением!* Рукописи, письма — еще жальче. Вся его любовь ко мне!.. Неужели в мире ничего не останется от нее, от нас? <...> А «Нерон»? А ноты? А дневник М.А., который мне торжественно принес Вова Талисайнен (?) <...> *раз спасенное — погубло опять?*» (23 мая 1942 г. ЦГАЛИ, ф.436, оп.1, д.7, л.65 об).

К сожалению, не всех людей, упомянутых в дневниках, удалось найти. И тайна Кузмина остается тайной.

Косвенное доказательство интереса М. Кузмина к рассматриваемому произведению маркиза де Сада (?) и косвенное признание этим русским мастером авторства маркиза видим в заметках Клауса Харера «Крылья» М. А. Кузмина как пример «прекрасной ясности» (сб. «Михаил Кузмин и русская культура XX века». Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Ленинград, 1990): «Исходя из определения «Крыльев» как философского романа, предлагаемого Шмаковым, отметим зависимость повести от примеров этого жанра в XVIII в. (а именно от произведений Вольтера и В. Гейнзе). Разбор дискурса о любви в повести в его связи с основным сюжетом показывает, что «Крылья» — не авантюрный роман «с философскими комментариями» (Шмаков), так как философские декларации имеют сюжетную функцию. Сам дискурс является сюжетом. Таким образом, темой повести является не (гомо)эротика или судьба героя, но дискурс о любви, в том числе, конечно, и однополый. В основе этого дискурса лежит концепция, которая была освоена Кузминым еще в 90-х годах XIX в. и которая была основана на отрицании единой всеохватывающей культуры...»

Думается, тема «М. Кузмин и проблема атрибуции романа «Клод-Франсуа» еще найдет своих исследователей и в нашем отечестве, и за его пределами, поскольку именно здесь может скрываться загадка (для интриги напомним читателям, что бабка М. Кузмина по матери — француженка, внучка актера, прибывшего из Франции в екатерининскую Россию).

Роман «Клод-Франсуа» остался неоконченным, как это нередко бывает с гениальными произведениями. Он обрывается фразой: «И хотя граф де Клермон увидел в некоторых строках неожиданные препятствия для...» Подстегивая любопытство читателей в течение уже двух столетий, неоконченность романа является тем не менее своего рода закономерностью в развитии внутреннего сюжета его. Всякое накручивание приключений во имя занимательности сделало бы рыхлым стройную фактуру романа, лишило его динамической раскрученности пружины фабулы. Впрочем, если когда-либо отыщется окончание романа, мы будем рады признаться в собственном заблуждении.

Представляем читателям другую точку зрения на проблему атрибуции романа «Клод-Франсуа», принадлежащую современному исследователю Дж. Пауэллу. Статья публикуется в сокращении.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПАЯЦ,
КОТОРОГО ПОЭТ ДЕРЖИТ ЗА ВЕРЕВОЧКУ...

...Атрибуция романа «Клод-Франсуа, или Испытание добродетели» («Claud-Francois ou La tentation de la vertu») интересна хотя бы потому, что читателю может быть представлен новый автор, чье имя не внедрено в массовое сознание, а произведения (точнее, произведение) не введено в литературный оборот и круг чтения. Кто же он, автор (несомненно, одаренный!), укрывшийся под именем «Маркиз де Сад»? Что побудило его это сделать? Какие произведения еще принадлежат его перу? Мы не беремся ответить на все эти вопросы, и наш труд далек от исчерпывающего знаменателя.

Нам представляется, исследование вопроса может идти по двум руслу: лингвистическому и хронологическому. Лингвистический аспект (на стыке с литературоведением и историей литературы) подводит нас к выводу, что собственно «понятийная» сфера романа отсутствует, будучи замененной сферой «символической». Многочисленные реалии и документальные — порой чисто репортерские — сцены не введут в заблуждение искушенного читателя романа. Мы имеем дело с произведением символического замысла и претворения, структура которого расположена в координатах романтизма, а метафорический строй позволяет назвать автора «поэтом текучих образов» («images liquides»). По поводу последнего следует заметить, что именно так называли современники Сент-Бева. Но об этом ниже.

Итак, символ господствует над реалиями и бытом романа. Отсюда вступление в действие механизма, определенного П. Пави: «В соответствии с традицией, отличной от симптоматического мышления Фрейда, символ ставится над понятием, и такие мыслители, как, например, Юнг, Керени, Элиад, связывают символ «с усилием выражения того, что в интимном опыте психического или в коллективном бессознательном выходит за пределы понятия, не подвластно понятийным категори-

ям, что, следовательно, не может быть, строго говоря, показано, но, однако, может «мыслиться», узнаваться через формы выражения, в которые вписывается стремление человека к необусловленности, абсолюту, бесконечности, целостности, то есть, говоря языком религиозной феноменологии, к открытости святости» (Вернан) (Patrice Pavis. Dictionnaire du theatre. Paris, 1987)

«Необусловленность» поведения главного героя и его окружения подчиняется правилам игры: «пара злодеев» искушает ангела. Тема довольно затаскана во французской и мировой литературе. Взять ту же «Философию в будуаре», бесспорно принадлежащую перу маркиза де Сада, с ее героями — госпожой де Сен-Анж и Долмансэ! «Наставники порока» успешно действуют и в другом великом романе «антивоспитания» XVIII века — «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Они благополучно перекочевали в следующий век и обосновались в повести Теофиля Готье «Без вины виноват» («Les roués innocents»). Примечательно, что второе название повести — «Невинные распутники»!), где некий авантюрист Рудольф Гюбнер и модная проститутка Амина пытаются ввести в заколдованный круг порока невинного юношу. Как видим, «наставники порока» кочуют по всей французской литературе, словно провинциальные актеры в своих кибитках, и отдавать пальму первенства нашему маркизу по меньшей мере опрометчиво!

Кто же он, автор романа? — спросим мы себя вторично. Кто тот, кто создал действо, в котором «тело (по П. Пави) в представлении определяется тавтологически: тело, которое участвует в представлении и обладает специфическими, отличными от повседневного тела свойствами»? Обратимся к хронологическому руслу нашего разговора. Сюжет романа, его существование в координатах, как мы уже говорили, французского романтизма заставляют предположить время его создания — первую треть или первую половину XIX века. Методом исключения мы смело выводим из игры А. де Мюссе, О. Сенакура, А. Ламартина, В. Гюго, А. де Виньи... Автором не может быть ни плодовитый графоман Ж. Сюар, ни сохранивший приверженность классицизму А. Суме, ни помешавшийся на дидактике александрийского стиха аббат Делиль. Сомнительно искать автора в кругу закоренелых романтиков типа Жюльа Лефевра или Казимира Делавиня. Поль Лакруа («библиофил Жакоб») исключается из игры по причине журналистского склада творческого характера. Представители «литературы ужасов» — ветви с древа романтизма Ш. Нодье, Ж. Жанен, П. Борель — не подходят, ибо слишком часто ставили в знаменатель своих произведений самоубийство. Не следует останавливать внимание и на тех, кто отдал дань переводу Шекспира или Данте (Эмиль Дешан, его брат Антуан Дешан, Жан-Франсуа Дюсис...).

Как видит читатель, мы не упомянули Шарля Сент-Бева — того самого «поэта текучих образов», о котором вспоминали выше. А ведь в пользу подобной мистификации говорит «Жизнь Жозефа Делорма», принадлежащая его перу. Было бы соблазнительно увидеть в Клоде-Франсуа альтернативу Жозефу Делорму — юноше, вступающему на стезю жизни в идеальном облике романтического героя: «Его не раз находили на том же месте и в той же позе, в которой видели утром, но с лицом, залитым слезами», «Порой ему мерещилось, что он с триумфом возвращается из

победоносных странствий...», «Жизнь его была подчинена мягким и человеческим моральным правилам, выработанным Даламбером...» и т. д. Законы искусства допускают диктат автора над героем, в том числе и такой, о котором Дидро писал: «Это удивительный паяц, которого поэт держит за веревочку и которому он каждой своей строкой указывает ту настоящую форму, какую тот должен принять».

Прибавим к этому аргументу тщеславия, подвигающему каждого автора на создание героя — антипода своему предыдущему герою, еще один аргумент: литературный путь Сент-Бева начался именно с книги-мистификации. Отчего бы ему не продолжить движение по протоптанной дороге? Ведь перспектива сделать героя свободным от комплексов с о ц и а л ь н о й ущемленности, иными словами — сыграть в теннис по правилам бейсбола — не может не привлекать юный ум своей сумасбродностью!

Контрдоводы находим в питательном бульоне века, когда изящную словесность Франции заплотнили мистификации от литературы. В 1803 году выходит сборник произведений средневековой «трубадури» Клотильды де Сюрвиль. Автором его был офицер и поэт Оноре де Сюрвиль (кстати, второе издание этой книги Ш. Нодье подарил Сент-Беvu в 1828 году. Sic!). Бальзак подписывает свой роман «Фальтюрен» именем аббата Савонати (1820). Ю. Рабб приписывает роман «Кентавр» Анджело Лесто (1822). А. Жё выпускает «Обращение романтика, или Рукопись Жака Делорма» (опять Делорм!). И конечно — неповторимый Мериме с его «Театром Клары Гасуль» (1825) и «Гузлой, или Песнями западных славян» (1827, последние были подписаны именем Иакинф Магланович).

Немало произведений выходит в это же время анонимно.

Назовем сборник «Поэм» Виньи и первое издание «Поэтических раздумий» Ламартина. Вряд ли кто-нибудь из упомянутых литераторов захотел сыграть в одну игру дважды!

...Путем сравнительных анализов и психологических изысканий...* представляется возможным остановиться на двух кандидатах. Первый — литератор Ренье д'Эстурбе, тот, что в предисловии к роману «Луиза, или Горести веселой девицы» (Париж, 1830) писал, в свою очередь, переодевшись аббатом Тиберже: «В наше время появилось столько великих людей, что слава стала банальной; кажется, что ее никто уже и не пожелает; каждый от нее отворачивается и оберегает себя от нее; один, чтобы укрыться понадежнее, называет себя Жозефом Делормом, другой — Жаком Делормом, третий — Жакобом Библиофилом; этот — Klarой Гасуль, тот...» и т. д.

Второй предполагаемый кандидат в авторы романа — третьесортный литератор Этьен де Траси, по-видимому, дальний родственник лидера популярной в эпоху Реставрации философской школы «идеологов» Дестюта де Траси. Примечательно, что с последним в 20-годах вел знакомство и Сент-Бев, посещая курсы лекций в «Атене» — коллеже, основанном еще до Великой революции. Если первым кандидатом двигало тщеславие, то вторым — желание поиграть в ушедший век мушек и

*Мы опускаем научную часть статьи, имеющую целенаправленный интерес для специалистов.
(Примеч. ред.)

пудренных париков, возродившееся впоследствии в России в начале XX века (Сомов, Бенуа, Судейкин, Бакст...).

На этих именах и следует сосредоточить дальнейшее внимание, если будущим исследователям романа «Клод-Франсуа» он покажется достойным того.

Дж. ПАУЭЛЛ

P. S. И как ни странно, именно эпиграф, предпосланный Сент-Бевом своему «Жозефу Делорму», наиболее подходит роману «Клод-Франсуа»: «Sic ego eram illo tempore et flebam amarissime et requiescebam in amaritudine» — «Таким я был в то время, и искал горчайше, и в самой этой горечи находил успокоение» (Б л а ж е н н ы й А в г у с т и н. Исповедь, кн. IV).

ВУКОВИЧ

**Эварист-Дезире Дефорж
де Парни
ВОЙНА БОГОВ**

Перевод с французского
В. Г. ДМИТРИЕВА

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

*Автор сей поэмы — Дух святой.
Приход христианских богов на небеса.
Юпитер успокаивает гнев языческих богов.
Обед, данный ими в честь новых собратьев.
Неосторожность девы Марии
и дерзость Аполлона.*

О братие! Однажды над Писаньем
Я в набожном раздумье пребывал.
Сон пролетал, сопутствуем Молчаньем
В тиши ночной, и маки рассеивал.
Но яркий свет внезапно озаряет
Всю комнату... Я трепетом объят.
Неведомый струится аромат,
И дивный глас в сознание проникает.
Мне слышится божественный глагол...
Гляжу: вдруг белый голубь прилетает
И плавно опускается на стол.

Сиянием и гласом тем смущенный,
Я ниц упал, коленопреклоненный.
«Зачем, Господь, меня ты посетил?» —
«Хочу, чтоб ты в стихах благочестивых
Воспел триумф над сонмом нечестивых
И веру всем французам возвратил». —
«О Господи! Для подвига такого

Не лучше ли найти певца другого?
Ведь у меня познаний — лишь верхи.
Я набожен, но дел твоих не знаю.
К тому ж, забыв про давние грехи,
Оставил я и прозу и стихи». —
«Не бойся! Я бессильным помогаю,
Я исцеляю немощи души.
Садись за стол, внимай мне и пиши!»
Я стал писать. А вы теперь читайте,
За вольности, однако, не браня:
Они мне чужды; в них — вы это знайте! —
Повинен тот, кто вдохновил меня.
Не автор я, меня не осуждайте!

Благословясь, о братие, начнем!
Итак, справлял Юпитер день рожденья.
Толпой явились боги на прием,
Приветствия полны благоговенья,
Поднесены дары... За этим вслед
Всех пригласил Юпитер на обед.
Легка, вкусна божественная пища:
Проворный Эвр в небесные жилища
Им приносил куренья с алтарей;
Амброзию на блюдах подавали,
Нектар в золотые кубки наливали
(Залог бессмертия — напиток сей).

В разгаре пир... Внезапно прилетает
Встревоженный Юпитера орел
И новости дурные сообщает:
«Всю эту ночь на страже я провел
И увидел: часть неба захватила
Пришельцев многочисленная рать.
Они бледны, длинноволосы, хилы;
Их — тысячи... Лежит на них печать
Смирненности, поста и воздержанья.
Крестом сложив ладони на груди,
Они идут вперед без колебанья.

Владыка мой, сюда их скоро жди!»
 Звучит приказ: «Меркурий быстроногий,
 Лети, узнай, кто это, да не трусь!»
 Рекла Минерва, полная тревоги:
 «Быть может, новоявленные боги?» —
 «Ты думаешь?» — «Я этого боюсь.
 Над нами люди начали смеяться,
 Сатиры стали дерзкие писать.
 Дряхлеем мы и, следует признаться,
 Свое влияние начали терять.
 Боюсь Христа». — «Бояться нет резона.
 Сын голубя, бродяга и аскет,
 Распятый на кресте во время оно,
 И это — Бог?» — «А почему б и нет?» —
 «Не Бог, а шут!» — «Смешон его завет,
 Но по сердцу он людям легковерным,
 Что неразумьем славятся безмерным.
 Тиранов он поддерживает гнет,
 Рабу велит: чти свято господина!
 Политикой искусной Константина
 Поддержан он, и горе всех нас ждет!»

Когда имеешь крылышек две пары,
 Летаешь быстро... Вот уже назад
 Спешит Меркурий. Озабочен взгляд,
 Плохих известий ждет Юпитер старый.
 «Да, новые к нам божества идут». —
 «Возможно ли?» — «Да, это вправду боги.
 Они скучны, напыщенны, убоги
 И неумны; но римляне их чтут,
 А нас уже не будут больше славить.
 Уже указ мне дали прочитать;
 Там Константина подпись и печать.
 Велит он нам — могу я вас поздравить —
 Христа с семьей любить и уважать
 И половину неба им отдать,
 Другую же пока себе оставить».

Едва Меркурий кончил свой рассказ,
 Со всех сторон слышалось: «Бандиты!»
 «Убей их!» — «Что нужно им от нас?»
 Юпитер встал, спокойный, но сердитый.
 Два раза он нахмурил грозно бровь...
 Тотчас Олимп заколебался вновь,
 И, побледнев, буяны замолчали.
 У смельчаков застыла в жилах кровь,
 От ужаса коленки задрожали.

Юпитер им с улыбкою сказал:
 «Как видите, еще не отобрал
 Христос мое могущество бывшее,
 И молнии родит мое чело.
 Умерьте гнев! Вам не грозит плохое:
 Я властвую, соперникам назло.
 Здесь никого нельзя сравнить с Минервой
 По мудрости; пусть выскажется первой».

В ответ она: «Воздвигнув лжебогов,
 Их низвергают люди очень скоро.
 И мой совет поэтому таков:
 Пустите их на небеса без спора.
 Ведь он сейчас лишь укрепит их власть, —
 Ей все равно придется скоро пасть.
 Презрение уместнее, чем ссора».

И повелел Юпитер, чтоб в раю
 Пришельцам впредь помехи не чинились,
 Чтоб боги христиан расположились
 И скинию поставили свою.

Заметил Феб: «Коль достоверны слухи —
 Соперники у нас слабее мухи,
 Но им везет: они теперь в чести.
 Знакомство с ними следует свести.
 По-моему, желательно проводить
 Повадки их, обычаи, и нрав,

И слабости... Ну, разве я не прав?
Давайте пригласим их пообедать.
Смеетесь вы? Смеяться вам не след.
Пошлем гонца, пусть просит на обед.
Ведь выскочки обидчивы к тому же...
Олимпом мы владеем искони,
А потому — как бы не вышло хуже —
Пусть в гости к нам пожалуют они».

Юпитер этой речью успокоен,
И смысл ее лукавый им усвоен.
Кивнул он в знак согласия головой.
Он не любил Христа с его семьей,
Но боги любопытны, как мы сами...
Он дал распоряженье, и тотчас
Стрелой гонец помчался за гостями,
Которые явились через час.

Как сосчитать гостей? Их было трое
В одном лице, или, наоборот,
Один в трех лицах. Поняли? Ну вот:
То был старик с длиннейшей бородою,
Благообразный видом и лицом,
На облаке сидевший босиком;
Он выглядел довольно заурядно,
Но у него сиял над головой
Лучистый круг. Хитон его нарядный
Был из тафты небесно-голубой.
У плеч сбиралась в складки эта тога
И ниспадала, облекая стан,
До самых пят. А на плече у бога,
Лучистым нимбом тоже осиян,
С осанкою довольно величавой,
Сидел красивый белый голубок,
А на коленях христианский бог
Держал ягненка. Чистенький, кудрявый,
Был этот агнец хрупок, тонконог
И с розовою ленточкой на шее;

Над мордочкой — сиянья ореол...
Так, триедин, Бог в гости к ним пришел.
Мария сзади семенит, краснея,
Застенчиво потупив робкий взгляд.
Смотрели боги, путь освобождая...
Явился также ангелов отряд,
Но у ворот остался, поджидая.

С коротеньким приветствием к гостям,
Учтив, но сух, Юпитер обратился.
Старик ему хотел ответить сам,
Но, речь начав, довольно скоро сбился.
Тогда он улыбнулся, поклонился
И сел за стол. Ягненок, боязлив,
Проблеял что-то; голубь, клюв раскрыв,
Язычникам псалом петь начинает,
Которого никто не понимает:
Там аллегорий, мистики полно...
Понять язык еврейский мудрено.
На голубя все смотрят с удивленьем,
Переглянулись; слышен шепоток.
Кой у кого срывается смешок,
А кое-кто прищурился с презреньем.

Но Дух святой был все-таки умен;
Смущается и замолкает он.
Тут раздались рукоплесканья в зале.
«Прекрасный стиль! Цветистый, пышный слог!»
«Да он — поэт, крылатый этот бог!»
Таких стихов еще мы не слыхали!»

Хотя насмешку голубь понимал,
Но зависти ее не приписал,
И злобу скрыл обидчивый оратор:
Он был самолюбив, как литератор.

Гостям весьма понравилась еда.
Их аппетит удвоило, конечно,

То, что они постятся чуть не вечно
И яств таких не ели никогда.
С улыбкою прислуживая, Геба
Амброзию разносит вместо хлеба,
Затем нектар в бокалах подает.
Наш Бог-отец охотно ест и пьет.
Смущен Христос, сидящий против Феба:
Хороший тон есть много не велит.
Бормочет он: «Благодарю, я сыт!»
А голубок, нахохлившись сердито,
Едва клюет, стараясь показать,
Что у него совсем нет аппетита
И что обед могли б получше дать.

Богини же Венера и Юнона
(Особенно спесивая персона),
Едва взглянув с усмешкой ледяной
На выскочек, между собой шептались,
Небрежно к ним повзвратясь спиной,
Исподтишка над Девой смеялись.
Ее смущенный вид, пожалуй, мог
Дать к этому достаточный предлог.

Так росшую в глуши отроковицу
Привозят вдруг в блестящую столицу.
Вот в Тиволи она на бал пришла...
Ни у кого стройнее нету стана!
Она свежа как персик и румяна,
Застенчива, прелестна и мила,
И все ее с восторгом окружают...
Но вот на бал франтихи приезжают,
Презрительно прищурившись, глядят,
Скрыв горькую досаду, и твердят:
«Что за манеры! Никакого лоска!
А пошлый вид! А глупая прическа!»

Соперницы такие ж словеса
И в Тиволи небесном изрекали;

Но, вопреки суровой их морали,
Столь черные и влажные глаза
С ресницами столь длинными, густыми,
Красивы, и гордиться можно ими.
А розовые губки, хоть молчат,
Красноречиво счастье сулят.
А перси-то! Упруги и округлы...
Еврейке ли они принадлежат
Иль христианке — разница какая
Для тех, кто тонет в неге, их лаская?

И шепчут все друг другу: «А малютку
За красоту нельзя не похвалить.
Как улучшить удобную минутку
И новую богиню соблазнить?
Пусть Аполлон за ней поволочится:
На это он, наверно, согласится».
Но занят был в то время Аполлон:
Дабы развлечь гостей высоких, он
Пел арию в сопровождение хора.
А вслед за ним явились: Терпсихора,
Три грации, Психея, Купидон,
И был балет поставлен в заключение.
Мария, не скрывая восхищенья,
Внимательно на зрелище глядит,
В ладоши бьет, с восторгом говорит:
«По-моему, они танцуют дивно!»
Хотя была и скромной и наивной,
Заметила в конце концов она,
Что красота ее оценена
И Аполлону нравится немало.
Успехами весьма ободрена,
Она на комплименты отвечала.

Понадобилось выйти ей; куда —
Читатель угадает без труда.
Ведет ее проворная Ирида
В покои, где живет сама Киприда.

Вдруг — с умыслом, нечаянно ли — дверь
Захлопнулась; одна она теперь.

Глядит она направо и налево:
Так вот каков красавицы приют!
Стоит, любуясь, несколько митут...
Что до того видала наша Дева?
Лишь мастерскую мужа своего
Да жалкий хлев, где в ночь под Рождество
Младенца родила (хоть не от мужа).
Робка, еще немного неуклюжа,
Решается по комнатам пустым
Она пройтись; толкнула дверь и сразу
Увидела агатовую вазу
Овальную с узором золотым.
Полюбовалась хрупкою вещицей,
Потом, сказав: «Ой, как бы не разбить!»,
Спешит ее на место положить.
Затем проходит длинной вереницей
Гостиных и салонов, пышных зал
Со множеством диванов и зеркал,
Где вкус царит, отнюдь не симметрия.
Немало безделушек и цветов
И скляночек для амбры и духов
Там видит восхищенная Мария.
Повсюду бродит любопытный взгляд...
Ах! Вот Киприды щегольской наряд,
Сандалии, а также покрывало,
Венок из роз и пояс дорогой,
А для прически — обруч золотой...
«Какой убор! — Мария прошептала. —
Наверное, он очень мне пойдет.
Нельзя ль его примерить на минутку?
Ведь я переоденусь только в шутку!
Никто сюда, надеюсь, не войдет».

Нелегкое, однако, это дело!
Мария наряжаться не умела,

Но все же облачилась кое-как
(Прилаживать нет времени к тому же)
И вопрошает зеркало: «Вот так?»
Ей зеркало: «Венеры ты не хуже».
Она собой любитесь опять
И говорит: «А ведь могли б Амуры
Принять меня за собственную мать».
И в тот же миг, румяны, белокуры,
Влетают легкокрылые Амуры.
«О мамочка, поведай нам секрет,
Как хорошеть? Тебя прелестней нет!»

От радости Мария покраснела,
Но все-таки собою овладела
И улыбнулась. Вот Амур один
Ей благовоньем руки поливает,
Другой ей полотенцем вытирает;
Они кидают розы и жасмин
И пляшут вокруг Марии шаловливо
Под возгласы: «О, как она красива!»

Хвалы, как сильнодействующий яд,
Ей с непривычки голову вскружили.
Она вокруг кидает томный взгляд.
Вот ряд картин... На них изобразили,
Венера, Адониса твоего,
Любви победоносной торжество.
Исполненные неги, те картины
Смутили Деву, и не без причины.
Как запылал румянец на щеках!
Воскликнула она тихонько: «Ах!»

Но вот она в другой покой попала
И пышное там ложе увидала,
А перед ним — пурпуровый ковер.
Она могла б присесть — она ложится...
И снова полный любопытства взор
Вокруг себя обводит и дивится:

Умножили стократно зеркала
Ее красы; им нет теперь числа.
Она смеется, руки простирает,
Как для объятий, и слегка вздыхает:
«О дорогой Панфер, любимый мой!
Какая жалость: нет тебя со мной...
Одета столь прельстительно и мило,
Наверно, я б тебя обворожила».

Вдруг входят... Небо! Это Аполлон.
Она вскочить в смущении стремится,
Ее опять усаживает он.
«Куда же вы, Идалии царица? —
Ей говорит, целуя руки, бог. —
Как вы прекрасны! Я у ваших ног».

«Ах, полноте! Зовут меня Марией,
А не Венерой; шуточки такие
Оставьте, ах!» — «Не отпущу я вас.
Пленительней Венеры вы сейчас!
Не видывал я красоты подобной». —
«Я закричу!» — «Кричать вам неудобно.
Ведь ежели на крики и войдут —
Языческий наряд ваш засмеют,
А кое-кто разгневается, право.
Посетовать, немного слез пролить
И, покраснев, стыдливо уступить —
Вот лучший выход, рассуждая здраво».

Что возразить на хитрые слова?
Потупив взор, Мария, чуть жива,
Противится, хоть бесполезно это.
Вот дерзкий рот красавца Мусаметта
К коралловым устам ее приник,
Ее груди коснулся баловник,
На ложе (все напрасны возражанья)
Настойчиво и ласково толкнув.

Она уже не борется, вздохнув,
И шепчет лишь: «Какое приключение!»

Хоть Аполлон был на руку и скор
И видел, что довольно слаб отпор,
Но все-таки скандала устранился.
Пожертвовав восторгами, он встал,
Власы свои пригладил и спустился
С рассеянно-спокойным видом в зал,
Где музыка и танцы Терпсихоры
Всех зрителей приковывали взоры.
Мария вся как маков цвет горит,
Вернулась лишь в последние минуты.
И голубок, от ревности надутый,
С гримасою папаше говорит
(Тот слушает и смотрит равнодушно):
«Чего нам ждать? Окончилась игра.
Звонить к вечерне, кажется, пора.
Идем домой! Здесь, право, очень скучно». —
«Ну что ж, идем!» — ответил Бог-отец.
За ним Христос: «Идемте, наконец!»
И маменьке кивает на ворота.
Ей уходить, однако, неохота.
Все тут казалось новым — и банкет,
И пение, и виденный балет.
Любезности немало ей польстили
И вкус ее чувствительный пленили.
Конечно, дерзостью возмущена,
К злопамятству не склонная, она
К языческим богам благоволила,
А музыкой была восхищена.
Но Бог-отец заметил ей уныло:
«Дитя мое! Возможно, я не прав,
Но голос Аполлона так слащав!
Мелодия была мне непонятна.
Мне пенье лишь церковное приятно.
Ну, а стихи находит Дух святой
Прескверными; все это — вздор пустой».

«Они весьма посредственны, признаться! —
Заметил голубь. — Мало ярких слов.
Не понимаю, чем тут восхищаться?
Ливанских кедров нету, а у львов
Все зубы целы, и на небосводе
Луна не пляшет с солнцем в хороводе». —
«Порядком утомил меня балет, —
Сказал Христос, перебирая четки. —
Их менуэт скучнее той чечетки,
Что танцевали в Кане... Разве нет?»

И Троица, язычников ругая,
Вернулась в рай, по облакам шагая.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Устройство рая.
Откровенный и поучительный разговор
между лицами св. Троицы.
Обед, данный ими языческим богам,
и в конце его представление
нескольких мистерий.*

Мария! И добра ты и кротка.
Твой скромный вид, наивные реченья
Смягчают даже строгого сынка...
Услышь мой глас, прими мои моленья!
Душе твоей и сердцу воздадим
Хвалу: ведь им доступно состраданье.
Снисходишь ты и к слабостям людским:
Утехи, мимолетные как дым,
В твоих глазах — отнюдь не злодеянья.
От грома нас небесного спаси,
Прощения влюбленным попроси!
Достаточно и ветреность карает,
Хоть сладость поцелуев утешает.
Венера покровительствует им,
Но ведь богиня эта устарела.
С распутницей иметь не будем дела,
Одну тебя, а не ее хотим!
О, если б ты навеки сохранила
На небесах свой пост и никогда

Христа не постигала та беда,
Которая Юпитеру грозила!
Роскошный замок был сооружен
Юпитером. Он на горе высокой
Господствовал над всем, что видит око,
И бронзовой стеной был окружен.
Там на часах, сменяясь постоянно,
Стояли Вакх, и гордая Диана,
И два богоподобных близнеца,
Возникшие из одного яйца.
Беллона, Марс, готовые к сраженьям
И алчущие крови христиан,
У главных врат дежурили, чтоб стан
Не мог быть взят внезапным нападеньем.
Хотелось им врагов дубасить всласть,
Но нарушать нельзя военных правил.
Своих бойцов Юпитер только часть
У подступов к Олимпу сам расставил,
Атаковать, однако, запретил,
Предупредив об этом командиров,
И караул из фавнов и сатиров
На рубеже владений поместил.

Рай христиан устроен по-спартански:
Чтоб Троица могла воссесть средь туч,
Где иногда блистает молний луч,
Простой алтарь воздвигнут христианский.
Сидит Мария скромная с шитьем
У алтаря на низенькой скамейке.
Выстраивает двор, как на линейке,
Христос, порядок любящий во всем.

Вот на передней лавке *Серафимы*
Уселись; в их руках, неугасимы,
Все время свечи яркие горят,
Они ж глазами Троицу едят.
Горят и не сгорают эти свечи...
Как — не постигнет разум человечесий.

Повыше их, по обе стороны —
 Румяные младенческие лица.
 Они витают в воздухе как птицы:
 На их затылках крылышки видны,
 Но туловища нет. То *Херувимы*.
 Людьми везде их личики любимы,
 И сельские художники должны
 Их малевать на фресках где попало.

Затем идут *Престолы* и *Начала*,
Господства, *Силы* — важные чины.
 Довольно тупоумны, бессловесны,
 Недальновидны и тяжеловесны,
 Они и впереди и позади
 Стоят, скрестивши руки на груди.
 Престола золоченые ступеньки
 Они прекрасно могут украшать,
 Не более. Мы «подпираньем стенки»
 Такую роль привыкли называть.

Немало там воителей отважных,
 Полковников и генералов важных.
Архангелы (как их в раю зовут)
 С мечом в руке свои войска ведут.
 Тьмы ангелов собрались под знамена,
 Перед Христом проходит их колонна.
 Хламида из прозрачной кисеи,
 Шлем золотой со вьющимся султаном,
 Да острый меч, да щит; на поле бранном
 Так выглядят воители сии.
 Над воинством неисчислимым рая
 Главенствует архангел Михаил,
 Что дьявола когда-то победил.
 Ему даны на помощь: Гавриил,
 К которому Мария пресвятая
 Благоволит, и Рафаил-хитрец.
 Им был когда-то исцелен слепец
 Посредством капли желчи (вещь простая).

Немало там блаженных и святых.
Хоть жития и прославляют их,
Но многие проникли невозбранно
На небеса не честно, а обманно.
Мошеники, преступники, плуты
Вдруг сделались и святые и чисты.
Но как? Довольно просто! Прихоть папы
Из грешника — святого создает.
Он к дьяволу не попадает к лапы
И с буллою на небеса идет.
Коль в Риме вы с кем следует знакомы —
Легко попасть вам в райские хоромы.

И Троица свой обратила взор
На многочисленный и пышный двор.
Ей зрелище такое было ново.
Затем Христос, поднявшись, молвил слово:

«Я изгнан был, скитался до сих пор;
Как следует, не мог я вами править.
Теперь меня вы можете восславить.
Я сильным стал, от бед передохнул,
Хочу во всем порядок навести я.
Во-первых, пусть почетный караул
Дежурит: я — владыка и Мессия.
Вы слышите ль? Пускай с сего числа
Три раза в день звонят колокола.
По зову их из закоулков рая
Пускай спешат к престолу все чины!
Опаздывать вы, ясно, не должны.
Затем, меня с восторгом созерцая,
Запечатлейте в памяти своей
Мой лик благообразный, вами чтимый;
Я блеск его умерю нестерпимый,
Чтоб ваших он не ослепил очей.
Церковного большой любитель пенья,
Я никому не дам тут послабления.
Мне «Славу в вышних» — только постройней! —

Споете вы, а также «Аллилуйя».
 А так как я люблю хвалу и лесть —
 Меня хвалить вы будете, ликуя:
 Я ваш Господь, и мне воздайте честь.
 Понятно вам? Отныне восхвалите
 Меня, владыку, больше никого:
 Ведь я ревнив. Меня лишь одного!
 Идите же и неусыпно бдите,
 Соседей бойтесь более всего!»

Послушно разошелся двор небесный,
 А Бог-отец, Бог-сын и Дух святой
 Затеяли беседу меж собой
 В святилище. Довольно интересной
 Она была, и, коль угодно вам,
 Я всю ее дословно передам.

Бог-отец

Не правда ли, достигли мы успеха?
 Людская глупость, право, не помеха.

Христос

Действительно, когда меня на свет
 Рожала мать во вместище убогом —
 Кто б мог подумать, что я стану богом?
 Да и потом, когда в осьмнадцать лет,
 И нищ и наг, жестоко я нуждался,
 Когда с трудом (ведь это не секрет)
 Я грамоте еврейской обучался;
 Когда Псалмы Давида бормотал,
 Когда меня призвал первосвященник
 И, допросив, к Кайафе отослал;
 Когда я был бичуем, жалкий пленник;
 Когда к Пилату был препровожден
 И к Ироду направлен был Пилатом
 (Не пожелал со мной возиться он),
 Но был опять к Пилату возвращен
 И на кресте когда висел распятым —

Грядущего я не предугадал.
Коль чудеса случаются на свете,
То первое из них — успехи эти.

Дух святой

Удачу эту случай нам послал.
Ведь людям постоянство нестерпимо,
Им надо заблуждения менять.
Бог истинный, Бог вечный, Бог незримый,
Их сотворив, промолвил: «Исполать!
Да будет вам единственным законом
Лишь совесть ваша; пусть на верный путь
Наставит вас, не даст с него свернуть
И суд ее да будет непреклонным!»
Но для людей был бледен этот фон,
И вот узорами окрашен он;
Иные им понадобились боги,
Не столь добры, но более к ним строги.
К закону, что в сердцах запечатлен,
Прибавили пророков предсказания
И чудеса Священного писанья.
Слаб показался совести упрек,
Придумали вдобавок вилы в бок,
А сверх того — немало всякой дури:
Чудовищ, змей, драконов, гарпий, фурий,
Кипящие озера со смолой,
Бичей удары и геенны пламя,
И дьяволов с копытами, рогами...
Любая мука вечна, нет другой.
А праведным какая же награда?
Опять корпеть, придумывать им надо.
О райской жизни всяк на свой манер
Мечтает: так, старуха, например,
Вновь прелести былые обретает;
Развратник там, конечно, окружен
Красотками, а слабый там силен;
Стихии честолюбец укрощает...
Одни там пьют, другие курят, спят

И делают что их душе угодно.
Ведь ум людской не очень-то богат
Фантазией... Итак, отныне модно
В нас верить; значит, есть у нас предлог,
Чтоб властвовать. Юпитера, и Будду,
И нас самих в конце концов забудут;
Был, есть и будет лишь единый Бог.

Бог-отец

Аминь, аминь! Хоть длинной показалась
Мне проповедь — чуть было не заснул, —
Я в ней совет полезный почерпнул.
Нам случая пока не представлялось
Проверить власть, дарованную нам.
Урок сейчас стихиям я задам:
Угодно мне, чтоб буря разыгралась!

Христос

Ого! Они послушны вам во всем.
Глядите-ка: свет солнечный затмился
И тучами весь небосвод покрылся,
Как будто темным застлан он ковром.
Черны, зловещи, тучи громоздятся,
Отягощая воздух и грозя...
Послушнее быть, право же, нельзя!

Бог-отец

Да, этой бури можно испугаться.

Дух святой

Как делом рук своих не восторгаться?

Бог-отец

И дождь и град! Вот это я люблю!
Второй потоп на землю ниспошлю!

Дева Мария

Скорее сей потоп остановите,

О Господи! Вы пажити, поля
Затопите и этим истребите
Все, что дала за целый год земля.
Труды крестьян нуждаются в защите.
Не надо время года изменять
Из прихоти. Ну, для чего вам это?
На виноград, покуда длится лето,
Не следует морозы насылать,
Иль род людской, до измышлений падох,
Вообразит: на небе беспорядок.

Христос

Вино опасно, маменька! Пускай
Его хватает только на обедни.

Бог-отец

Мой сын, ты прав. Оставьте эти бредни!
Что захочу, то сделаю. Ай-ай!
Не то употребил я выражение:
Все три лица я заменил одним,
И правильной сказать: «Что я хотим».
Вы старшему простите упущенье!
Но старше ль я? Мы возрастом равны,
А между тем вы мною рождены.
Выходит, я предшествовал вам? Дудки!
Так думают, но это — предрассудки.
Мы с вами — близнецы, хоть ни аза
Нельзя понять, в забавном этом вздоре
Запутался я сам... Ну, как гроза?

Дух святой

Вовсю она бушует. Видно, вскоре
Потонут рыбаки в открытом море.
А молния, посмотрим, какова?
Она — прерогатива божества.
Найдите цель, и громом поразите
Злодея иль кого вы захотите.

Дева Мария

Зачем же так с возмездием спешить?
Раскается он завтра, может быть.

Бог-отец

Вы чашу там заметили густую?
Вот сквозь нее торопится кюре.
Его больной на смертном ждет одре.
Разбойник дароносицу златую
Отнять решил и на него напал,
Преследует бегущего; кинжал
Уж занесен над головой аббата.
Я вовремя караю супостата.
Огонь!

Дух святой

Кряхтите?

Бог-отец

Н-да, тяжеловато.

Дух святой

Мечите ж!

Бог-отец

Уф! Испепелен ли плут?

Дева Мария

Как будто нет; зато пришел капут
Священнику: хоть не в него палили,
На месте вы беднягу уложили.

Бог-отец

Сейчас в раю ему я место дам.

Дух святой

Да, молния — отличная забава!
Но целиться необходимо вам,
Обзавелись бы вы очками, право!

Бог-отец

Согласен. Все ж, что там ни говори,
Мы развлекаться можем как цари.

Дух святой

Мешает нам язычников соседство.

Христос

Избавиться от них найти бы средство!

Бог-отец

Коль тесно нам, то им — еще тесней.
Утешьтесь же!

Христос

Послушайте совета:
Дадим обед ответный для гостей,
Нам вежливость предписывает это.

Бог-отец

Да будет так! Пусть ангелы летят
И к нам на пир соседей пригласят!
И в путь гонцам повелено пуститься.
Согласьем им ответили, хотя
Явились гости день иль два спустя:
Хороший тон велит не торопиться,
Заставить ждать, а после — извиниться. /
Гостям, конечно, сделан политес,
Зовут за стол; но места там в обрез,
Он узковат; не обошлось без давки.
С большим трудом уселись все на лавке.
На угощение — просфоры одни...
Вино подать, однако, не забыли.
Шампанское, вы думаете, или
Бордоское, иль ренское? Ни-ни!
Церковное, из дрянненького рома,
Разбавленное чистой водой.
Дивились гости скудости такой,
Шушукаясь: «Пужинаем дома».

Дабы развлечь влиятельных гостей,
Не зная, как от скуки их избавить,
Велел Христос *мистерии* поставить:
Он был любителем таких затей.
Вот показали первую картину:
В Эдеме первых женщину, мужчину
И первое же яблоко. В раю
Препровождали люди жизнь свою.
Им нравились невинные утехи:
Гуляли вместе, щелкали орехи,
Цветы топтали, пили из ручья
И разоряли гнезда для потехи;
Зевали часто, скуки не тая,
Плевали в воду, камешки бросали
И, не стыдясь, бродили нагишом;
Ложась вдвоем, сном праведников спали...
Что делать им — решительно не знали.
К ним дьявол пробирается тайком.
Красноречив как ангел он, и Ева
Запретный плод срывает дерзко с древа...
Произошла на счастье та беда,
А то б не появились никогда
Потомки их... Но Евы просвещение
Недешево нам обошлось: сей плод
Зеленым был и всем нам наперед
Испортил навсегда пищеваренье.

Развязка не понравилась богам.
«Однако же, — Юпитер молвил сам, —
Мстить лакомкам — еще куда ни шло.
Весь род людской к ответу вы зовете!» —
«Действительно, — заметил Бог-отец, —
Я наказал людей довольно строго.
Ведь вспылчив я, хоть вовсе не скупец.
Охотник я до яблок, наконец.
Зачем крадут? Их у меня немного».

Вот занавес отдернули опять,
И мастерскую можно увидеть;
В ней старый плотник пилит и строгают.
Он беден? Нет! Красивая жена —
Богатство; велика его цена.
Но этот клад, которым обладает,
Он не почал — так скупость в нем сильна.
За мастерской другая есть светлица;
Покоится на ложе в сладком сне
Сия жена, а в сущности — девица,
Из-за жары забыв о простыне.
О, сколько неги в этой позе томной,
Хотя, пожалуй, и не очень скромной...
Ее красы молодые обнажив,
Сорочки ткань приподнялась немножко;
Откинувшись, хорошенькая ножка
Прохлады ищет... К ложу, шаловлив,
Спускается с небес (или с карниза?)
Красивый голубь: красноклювый, сизый.
От прочих отличался голубей
Сей голубок манерами, сияньем
Блиставших над головкою лучей.
Он с тихим, мелодичным воркованьем
Над спящею красоткою парит,
Спускается и, наконец, садится
На розу нежную, любви магнит,
Которая готова распуститься.
Ее прикрыли перья голубка...
Он трудится, и нега в глазках блещет.
То клювиком касается слегка,
То крыльями от радости трепещет...

«От голубя ягненок родился! —
Рек Бог-отец, прищурившись хвастливо. —
Как вам понравилось такое диво?
Невероятно это, знаю я,
Но верят люди... Так что все в порядке,
Загадка не нуждается в разгадке!»

Актеры показали под конец
Гостям «страстей Христовых» образец.
Сюжет известный; впрочем, скажем прямо,
Понравилась не очень эта драма.
Случилась тут нечаянно беда,
Печальную развязку оживила.
Уже герой, спектакля заправила,
Был после бичеванья и суда
Подвешен на кресте. Для этой роли
Был взят святой лет двадцати, не боле,
Красивый, сильный, знавший, как играть.
Он был нагим от головы до пяток;
Лист фиговый, одежды всей остаток,
Скрывал лишь то, что следует скрывать.
Прекрасная и после покаянья,
Рыдала Магдалина, и рыданья
Грудь юную правдиво потрясали,
Распятого вниманье привлекали.
О, как вздымалась грудь ее от стонов!
Все созерцал — до розовых бутонов,
А может быть, и больше видел он...
Страдальца взор немало был смущен,
Но все-таки терпел сию картину,
Как вдруг листок приподниматься стал...
«Эй, живо уберите Магдалину,
Не то сейчас произойдет скандал!»
Листок упал... И пресвятая Дева
Взор отвела, улыбку еле скрыв,
А Бог-отец, не проявляя гнева,
Пробормотал: «Голубчик, видно, жив!»

Закончилось на этом представленье.
Прощальные учтивы выраженья,
И гости возвращаются домой
Со смехом: «А голубчик был живой!»

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

*Скорбь и печаль языческих богов. Сражение.
Победа Геракла над Самсоном. Святые женского пола
кидаются в атаку под предводительством Юдифи;
атака не удается, но Юдифь кое-что приобретает.
Отступление языческих богов. Блокада Олимпа.
Вылазка Приапа с сатирами.*

Покинув мир, пристанище печали,
Шесть праведных (преданья говорят),
На небеса отправившись, стояли
У наглухо закрытых райских врат.
Выходит ангел, каждого подряд
«Какой ты веры?» строго вопрошая.

Первый

Вот добрый мусульманин пред тобой.

Ангел

Иди в магометанский угол рая.
Налево он. Ну, подходи второй!

Второй

А я — еврей.

Ангел

Так разыщи скорее

Своих в раю. А ты зачем еврея
Толкаешь? Кто ты?

Третий

Лютеранин я.

Ангел

Войди ж! Твоих собратьев тут семья.
Не заблудись: храм лютеран направо.

Четвертый

Я — квакер.

Ангел

Ну, так шляпы не снимай.
Найдется и для квакеров забава:
У них свой клуб, где курят трубки.

Четвертый

Браво!

Пятый

Я добрым был католиком, узнай,
И удивлен до крайности, признаться,
Что мавр и жид идут со мною в рай.

Ангел

Иди, иди, не стоит удивляться.
Еще один? Поди сюда, шестой!
А ты какой же веры?

Шестой

Никакой.

Ангел

Но каждый ведь во что-нибудь да верит!

Шестой

Я веровал в бессмертие души
Да в Бога, что поступки наши мерит.

Ангел

Войди же в рай! Где сесть — ты сам реши.

Так умствовал (безумствовал, скорее)
Один мудрец, философ-нелюдим.
Благой Господь да сжалится над ним!
Не верьте сей кощунственной идее!
Нет, верьте так, как верили отцы,
Любите так, как матери любили!
Любите, верьте, чтобы вам открыли
Свои враты небесные дворцы!
Но погодим: сейчас война начнется
На небесах и рать пойдет на рать;
Не все успел Христос завоевать,
Мы поглядим, как дело обернется.

Забыты всеми, в вотчине своей
Языческие боги прозябали.
Что за напасть! Чем дальше — тем трудней:
Дары, куренья — все позабыли
Счастливые соперники у них...
Ну, как прожить без жертв и благовоний?
Голодным дела нет до церемоний,
И воины на стенах крепостных
На скудное роптали пропитанье,
Жалели о былом преуспеянье;
Нахмутив лоб и стиснув кулаки,
На христианах душу отводили,
Людей и так и этак поносили.
Но был рассеян приступ их тоски
Вдруг облаком большущим фимиама.
«Ого! — они воскликнули, — у нас
На много дней окажется запас.

Ура! Обед сюда несется прямо,
И червячка мы заморим сейчас!»

Надежда на обед не оправдалась,
Хоть слюнки у язычников текли.
Ведь облако сие сопровождалось
Эскортом многочисленным: с земли
Добычу сорок ангелов несли.
И, не внимая трезвому рассудку,
Солдаты рассердились не на шутку.
Нарушен был Юпитера приказ:
Набросились они без дальних фраз
На ангелов, едва живых от страха,
Осыпали их со всего размаха
Ударами под вопли, «Караул!» —
И не один без крыльев улизнул.

Хотели завладеть своей добычей
Язычники (таков войны обычай).
Не тут-то было! К ангелам как раз
Из рая подоспело подкрепление.
Спешит и от Юпитера тотчас
К своим подмога; вновь кипит сражение.
Хоть было тридцать против одного,
Однако неизвестно, кто кого?
Держался каждый воин молодчиной,
Отважны у Юпитера бойцы.
Но вот Самсон... Дрожите, наглецы!
Он победит вас челюстью ослиной,
Оружием, прославленным навек:
Когда-то он убил сто человек,
Размахивая ею, как дубиной.
Бегите же, не то вам всем — капут!
Но ты, Самсон, гляди все время в оба:
Семь волосков, что у тебя растут
На темени, оберегай особо:
В них — мощь твоя! Вот в сечу он полез.
Один смельчак бежит наперерез:

«Я в силищу твою не очень верю!
Найдется дело моему мечу:
Твой зад я им слегка пощекочу
И ширину твоей спины измерю!»
Но тут ослиной челюсти удар
Обрушился на челюсть краснобая.
Невесть куда девался речи дар,
И каждый, от беды себя спасая,
Стал биться молча, мстью уstraшен.
Победу торжествует наш Самсон:
Все небо сплошь усеяно зубами,
Которые он выбил... Беглецами
Был Геркулес об этом извещен.
Алкмены сын, чьи очи засверкали,
Покинув вал, на выручку спешит.
Огромными скачками он бежит,
И христиан сердца затрепетали.
Так иногда, рыча, с Ливанских гор
Спускается свирепая гиена;
От бешенства из пасти брызжет пена
И мечет пламя разъяренный взор.
И смерть и страх подкрались вместе с нею
К пасущимся у ручейков стадам,
К собакам, овцам, детям, пастухам...

Гордясь непобедимостью своею,
Герой, что филистимлян одолел,
Алкида ждал, неустрашим и смел.
Но столь же храбр и победитель Кака:
Кого не сокрушит его атака?
Огромною дубиной, разъярен,
Богатырю удар наносит он.
На мелкие кусочки разлетелся
Самсона шлем; невольно наш герой
Склонил голову, потер ее рукой.
Мир перед ним внезапно завертелся,
Посыпались вдруг искры из очей.
Он на ногах огромных пошатнулся,

Но лишь на миг. «Вот я тебя, злодей!» —
И челюстью ослиной размахнулся
Силач Самсон. Тут всемогущий Бог
Богатырю еврейскому помог:
Хоть Геркулес увертливый нагнулся —
Дубина разлетелась на куски...
Узнайте мощь Самсоновой руки!
Храбрец Алкид в лицо ему швыряет
Обломок, остававшийся в руках,
И за власы противника хватает.
Всех христиан объял великий страх,
Они вопят: «Ах он, проклятый! Ах!
Погибнет чудодейственная грива!
Допустим ли, чтоб потерпел урон
Непобедимый, гордый наш Самсон?
Спасем его! На помощь, братцы! Живо!»

Так, если ястреб хищный нападает
На зяблика и жертва нападения
Уже не мелодическое пенье,
А жалобные крики издает —
Слетаются тотчас лесные птицы:
Дрозды, скворцы, малиновки, синицы
И остальная птичья мелюзга, —
И окружают лютого врага,
Хотя вниманья тот не обращает,
Летят за ним, и писк их оглашает
Леса и рощи... Так же защитил
Богатыря ретивый этот пыл.

Алкид к угрозам этим глух остался:
Самсона он за волосы таскал,
Покуда начисто не оторвал
Святой вихор. О, что за вопль раздался!
А вслед за тем какой поднялся крик
Во вражьем стане! Головой поник
Самсон — куда весь пыл его девался?
Он тягу дал; но враг, неумолим,
Его дубася, мчится вслед за ним.

Пытаясь захватить предмет раздора,
 Язычники нажились толпой.
 Хоть натиск был отбит очередной —
 От аппетита бесятся обжоры,
 Вновь ломаются, и вот в конце концов
 Прокладывают путь среди врагов.
 Приблизившись к своей заветной цели,
 От голода они осатанели;
 Со всех сторон надели смельчаки
 На облако и сразу на клочки
 Пахучую добычу разорвали.
 Порывы ветра клочья прочь умчали.
 Их ловят нападавшие... Но вот
 Все воинство из рая поспешило,
 И глас архистратига Михаила
 Команду: «Стр-р-ройся!» — зычно подает.
 И Троица, покинув штаб-квартиру
 (Шесть тысяч ангелов — ее конвой),
 Благословив войска, их командиру
 Дает приказ начать великий бой.

Язычников напрасны все усилия:
 Что может сделать горсточка солдат,
 Когда враги ей противостоят
 Сплошной стеной и у врагов есть крылья?
 Разумнее, пожалуй, отступить.
 Такое было принято решение.
 В порядке совершилось отступление.
 Чтоб натиск нападавших отразить,
 Нужна была мощь Марса и Беллоны.
 Пыл недругов умерив боевой,
 Они крушили целые колонны
 И вскоре на небесной мостовой
 Нагромоздили тел большую груды.
 Но сыплются удары отовсюду
 С удвоенною силою на них,
 И Марса пыл неукротимый стих.

«Проклятие! — вскричал он, — им конца нет!
Ведь этак и рука разить устанет!»
Неустрашим, врагам наперекор,
Он сдерживал их яростный напор.

Теперь заглянем в райские чертоги.
Святые пола женского в тревоге
Остались и гадали вперебой,
Чем кончится кровопролитный бой.
Участия Юдифь не принимала
В их болтовне; задумчиво шагала,
Склонив главу, невдалеке она,
Своими мыслями поглощена.
Доказывали всем неоспоримо
Походка и отрывистая речь,
Что амазонка, скукою томима,
Мечтает: чью бы голову отсечь?
Остановясь, воскликнула святая:
«Черт побери! Горазды вы болтать.
Не лучше ли врагам бока намять,
Чем здесь, в раю, бездельничать, скучая?
Кто мне поможет в замысле лихом?
Эй, женщины! Последуйте за мною!
Зайдя во фланг, на них мы нападём
И разобьём, клянусь вам головою!»

Ее слова и величавый вид,
Кулак, врагу издалека грозящий,
И взор, свирепый как у Эвменид,
И поза гордая, и меч разящий,
А особливо — дела новизна
Всех увлекли. Да здравствует война!
Три сотни дев спешат к Юдифи смелой.
Она переодеться им велела,
Случайностей желая избежать.
Плащи они накинули — ведь сыро!
У каждой — щит, и маска, и рапира:
Коль подражать бойцам, так подражать!

На небесах Юдифь уже бывала
И впереди отважно зашагала.
Их полк, за облаками прячась, шел
И подбирался к цели постепенно.
Но зорок был и бдителен отменно
Надежный страж — Юпитера орел.
К владыке он отправился с докладом,
И Феб с немногочисленным отрядом
Разведку в поднебесьях произвел.

По тучам и они маршировали,
Пока воительниц не повстречали.
Кто трусил — вам нетрудно угадать...
Посоветовавшись, обратились вспять
Все девы, или попросту удрали,
Щиты свои и шлемы побросав
И окрикам полковницы не вняв.

Меж тем отряд свой в боевой порядок
Построил осторожный Аполлон.
Меч золотой выхватывает он.
«Какая нерешительность повадок!
Как много на одежде лишних складок!
Все это странно: рук их белизна,
Колен округлость, бедер ширина.
В военном деле, видно, очень слабы
Сии враги... Неужто это — бабы?
Взгляну поблизи!» И с поднятым мечом
К ближайшей он направился бегом.
От ужаса присела амазонка,
Увидев меч, и завизжала тонко:
«Ударит он! Попала я в беду!
Уж лучше я заране упаду!»
И поскорей бросается врасстыжку
Она ничком... Смеется удалец:
Ведь под плащом заметил наконец
Он кое-что и пощадил бедняжку.

«Вы видели? — солдатам он сказал. —
Ну, так и есть, я верно угадал.
Их убивать, пожалуй, не годится.
Отшлепаем-ка их по ягодцам!»

Услышав это, рывкнули «ура!»
И, буйною веселостью объаты,
На амазонок ринулись солдаты.
Их возбуждала славная игра.
Тузили всех, особенно дурнушек:
Для них не пожалели колотушек.
К хорошеньким судьба была добра:
Рука, удар не нанося напрасный,
Касалась кожи белой и атласной,
И ласкою вдруг делался шлепок,
И вместо «хлоп!» вдруг раздавалось «чмок!».

Одни из дев поспешно удирали,
Другие не спешили убежать,
Как бы желая, чтобы их догнали,
Догнавши же — отшлепали опять.
Игра богов! Повсюду в то мгновенье
Виднелись белоснежные зады.
Как не пожать победы той плоды,
Особенно коль нет сопротивления?
И вот такая воцарилась тишь,
Что было б слышно, как бежала мышь.

Но перейдем к вождям, их поединку.
Сражаться так Юдифи — не в новинку...
Ее поймал бог Пинда молодой.
«Ну, берегись! — святая прошептала. —
Бороться я не буду, милый мой,
Но ты своей заплатишь головой
За честь мою». Противиться не стала
Она, хоть целомудренна была,
Желаньям бога, да и не могла...
Ждала она, сама раскрыв объятия,

Когда начнет ее противник млеть,
Вошла во вкус приятного занятия —
Врага потом успеет одолеть!
В утехе Феб ее опережает
И сызнова атаку начинает
(На то он бог). «Добро! Теперь ты — мой!» —
Юдифь решила, ловкою рукой
Придвинув меч, лежавший недалеко.
Святая ошибалась, и жестоко:
Феб вовремя удар предотвратил
И за руку коварную схватил.
«Черт побери! Стараюсь вам в угоду,
А вы меня задумали убить,
Как будто я хотел вас оскорбить...
Не стоит заводить такую моду.
Вы беспрестанно тянетесь к мечу,
Стремясь меня скорее уничтожить...
Я добр и подражать вам не хочу,
А только ваши прелести умножить».

Коварным он дотронулся перстом
До некоего места, что причастно
Рождению истомы сладострастной
(Мы словом греческим его зовем).
Он произнес при этом два-три слова
(Заклятие, наверное), и вдруг
То место выросло... Велик испуг
Юдифи, и не чаявшей такого.
Она глядит, смущенья не тая:
«Кто — женщина или мужчина я?»
Опомнившись, святая наша хочет
Ударить Аполлона; тот хохочет.
Ее удар легко он отразил...
Но этот поединок прерван был.
Не приняли участия в сраженье
Уродливые старые дуэньи:
Они спасались бегством от шлепков.
Чего они боялись, в самом деле?

Преследовать их вовсе не хотели.
И, отбежав на сотни три шагов,
Они назад с досадою глядели.
Читатели легко вообразят
Их злость и гнев. Чего не натворят
Сердитые старухи? Страх минутный
Рассеялся; спешат они назад,
Дабы напасть на тех, кто невпопад
Игре предался новой и распутной.
Хоть кое-кто ее уже кончал,
Но ряд бойцов, замешкавшись, отстал.
Последние особенно годились
Для кары, и немедля напустились
На них старухи. Вот борьбы исход:
Кто шлепал — был отшлепан в свой черед.
Друзья, за них не думая вступаться,
Тем зрелищем сбежались любоваться,
Дразнили их: «Ну, будете вы знать,
Приятели, как вовремя кончать!»

Отшлепав их, святые недотроги
Набросились и на притворщиц тех,
Чьи принципы не очень были строги,
Кому был бой предлогом для утех.
Посыпались ругательства сначала,
Затем пинки; пинков старухам мало,
Их гнев растет, их руки — как клешни...
Вот в волосы вцепляются они
И кой-куда еще ожесточенно
(Язычники глазели восхищенно)
И подкатились под ноги вождям...
Как передать Юдифи возмущенье?
Она вскричала с гневом: «Стыд и срам!
Где видано такое поведение?
Как! Вы пришли, чтоб колотить врагов,
И передрались из-за пустяков
На их глазах! Сбесились, вероятно?
Какой позор! Вы спятили с ума?

Эй, перестать, покуда я сама
 Не выдрала вам волосы! Понятно?»
 От слов святая к делу перешла
 И расточать удары начала.
 Смеялся Феб, конечно, до упада.
 Затем ушел, встав во главе отряда.
 Долину эту между облаков
 Теперь зовут Долиною шлепков.

А вообще сражение все длилось...
 Язычникам несладко приходилось,
 Их дрогнул строй... Как разъяренный барс,
 Сражался, окружен врагами, Марс.
 «Что нужно вам, о сборище каналов? —
 Воскликнул он. — Вас дьявол обучал?
 Должно быть, захотелось этой швали,
 Чтоб я вторично всех пообрезал?»
 Погнулся щит, шлем с головы свалился...
 На кучу им поверженных врагов
 Он встал ногою твердой, укрепился.
 Марс отступать не может! Не таков!
 Отчаянно, со всех сторон теснимый,
 Боролся он один, неустрашимый.
 Над всеми возвышался сей колосс,
 Как бури не боящийся утес.

И увидал Юпитер: до победы
 Им далеко; грозят большие беды.
 Схватив эгиду и перуны, он
 Сесть на орла сбирался, разъярен.
 «Слепому гневу не давайте воли! —
 Рекла Минерва. — Такова судьба.
 Смиримся в ожиданье лучшей доли!
 Нас не спасет бесплодная борьба.
 Есть и у них перуны в изобилье,
 Перунам вашим старым не чета.
 Зачем же вам в кичливого Христа
 Кидать их? Надо скрыть свое бессилье.

На время перемирие заключим.
 Взгляните: наши храбрые солдаты
 Отважны, но теснят их супостаты.
 Их слишком мало. Прикажите им
 Вернуться снова к стенам крепостным.
 Заприте в них. А я пушусь в дорогу.
 Отправлюсь я и к Гогу и Магогу.
 Я иноземным расскажу богам
 О гибели, что угрожает нам;
 В их интересах оказать подмогу».

Благоразумному совету внял
 Юпитер, вынудив себя сдержаться;
 Минерве полномочия он дал,
 А воинам велел ретироваться,
 И вовремя: неравный этот бой
 Мог оказаться битвой роковой.
 Лишь Марс с Беллоной не могли уняться:
 Свирепые, войдя во вкус резни,
 Повиновались нехотя они.
 Крушить врагов героям не терпелось,
 А отступать им вовсе не хотелось.
 Когда они кидались напролом,
 То ангелы летели кувырком.
 Победою, отнюдь не пораженьем,
 Казалось, был ознаменован день.
 Но все ж, когда легла ночная тень,
 Язычники вздохнули с облегченьем.

Является архангел Михаил;
 Немедля штурмовать он предложил.
 Но отклика намеренье такое
 Не встретило: все жаждали покоя,
 И ангелов усталых сон манил.
 Уж возроптать воители хотели;
 Вдруг отложить велело новый бой
 Святое трио (нежиться в постели
 Оно любило). Протрубив отбой,

Архангел часть полков у стен расставил,
А остальных обратно в рай отправил
И приказал взять раненых с собой.

Все в лагере утихло; всех объемлет
Уж не желанье славы, а покой;
Смежает очи трус, как и герой;
Кто сладко спит, а кто лишь чутко дремлет.
Марс и Приап на страже у ворот
С сатирами в полночный час стояли.
«Вздыхаешь ты, Приап? Ужель устали
Твои солдаты? Или страх гнетет?» —
«Конечно нет! Но скучно нам ужасно». —
«Я так и знал. Занятье это, ясно,
Сатирам вряд ли может подойти.
Беднягам не по вкусу это бденье,
Ведь воздержание для них — мученье...
Как мне вас жаль!» — «Шути себе, шути!
О битве я мечтал сию минутку
И с христианами сыграю шутку:
Я кое-что придумал и не прочь
Использовать получше эту ночь». —
«Как именно?» — «Я знаю». — «Говори же!» —
«С войною ты знаком, конечно, ближе,
Чем я, и превосходно знаешь сам:
Без вылазок осады не бывает.
Наведаемся мы к тем господам,
Которые вкушают отдых там.
Любой из нас туда дорогу знает,
Спать не дадим мы набожным ханжам.
Во тьме ночной, сулящей наслажденья,
Мы скоротать сумеем свой досуг». —
«Мысль хороша! Ты молодец, мой друг!
Вы любите ночные похождения,
Ловите же благоприятный час!»
Скрипя, врата раскрылись, и тотчас,
Ночную тьмой окутаны, сатиры
Покинули Олимп, как дезертиры.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*История еврея Панфера, Мариш и Иосифа.
Св. Эльфин отрекается от Христа и дезертирует.
Св. Женевьева и св. Герман.
Приап с товарищами попадает в плен, крестится
и отправляется на землю основывать
монашеские ордена.*

О братие, правдиво повествую!
Сном праведников спали, крепким сном
Все ангелы, улегшись вплотную,
Прикрывшись кто камзолом, кто плащом.
И лишь один, бессонницей страдая,
Компании храпящей избегая,
С Эльфином, другом юности, гуляя
(В чистилище последний побывал).

«Рассей, Панфер, мое недоуменье! —
Сказал Эльфин. — Я думал, что найду
Тебя не здесь, скорей всего — в аду.
В Йерусалиме помнишь развлеченья?
Как подражать спешили вперебой
Мы римлянам! Красивые блудницы,
Пирь и скачки, игры, колесницы...
Нет, в рай ведет, конечно, путь другой.
Я погибал... Но старость, слава богу,
Наставила на нужную дорогу,

И догмат мне понравился Христов.
К тому же — как кусаться без зубов?
И, сызмальства все притчи обожая,
Крестился я, не тратя лишних слов.
Но, меры в благочестии не зная,
Я уколошил одного жреца
И к смерти был приговорен за это.
Упрямый, не нарушил я обета
И вытерпел все пытки до конца.
На угольях горячих извиваясь,
Я палачам высывывал язык,
Но иногда, невольно забываясь,
Бранился, как заядлый еретик.
За этот грех, хоть я и спохватился,
В чистилище я вашем очутился.
Там провести пятнадцать тысяч лет
Я должен был; но денег власть всесильна.
Чтоб год скостить, по несколько монет
Берут попы, и платят им обильно.
Мне этот торг неволю сократил,
Я выкуплен довольно скоро был.
Сам посуди, какое облегченье
Дышать теперь прохладой ночной!
Ты претерпел такие же мученья?
В каком ты ранге? Чай, уже святой?» —
«Покамест нет». — «Так, значит, покаянье
Загладило греховные деянья?» —
«Нет, набожен я не был никогда
И жил до самой смерти как обычно.
Мне в рай попасть не стоило труда,
И без того же обошлось отлично». —
«Но как же так?» — «Мне Иерусалим
Осточертел; ища отдохновенья,
Я поселился, скукою томим,
Под Вифлеемом, в собственном именье.
Дня два иль три там думал провести...
Но повезло: мне удалось найти
Прелестную и смуглую брюнетку,

И по-уши влюбился я в кокетку.
 В нужде жила бедняжка; старый муж
 Был плотником, весьма плохим к тому ж.
 Я на него простер свои щедроты
 И вдоволь стал давать ему работы.
 За это был он благодарен мне,
 Росли его достатки понемногу.
 А я был рад удобному предлогу:
 В не менее признательной жене
 Я не нашел, на счастье, недотрогу...
 Была она невинна и нежна
 И редкою красой наделена.
 Во мне давно все чувства притупились;
 В короткий срок внезапно воротились
 Их свежесть и первоначальный пыл,
 Который здесь довольно кстати был:
 За старого лентяя всю работу
 Я каждый день проделывал в охоту...
 Но время шло, и стана полнота
 Чрезмерная Марию испугала.
 Смеялся я: от этого нимало
 Ее не пострадала красота.
 Еще милей мне сделалась метресса.
 Но вздумал муж тут ревность проявить
 И прогрозил: «Вот я тебя, повеса!»
 Сначала я хотел его убить,
 Но план иной в уме моем родился.
 О полночь я забрался на чердак,
 Стал там шуметь, и вскорости чудак
 В несказанной тревоге пробудился.
 И крикнул я, просунувшись в трубу:
 «С тобою Бог беседует! Брюхата
 Твоя жена; она не виновата.
 Благодари, болван, свою судьбу!
 Не проявляй ни ревности, ни гнева:
 Она, того не зная, зачала.
 Благословен плод девственного чрева,
 Кого б она на свет ни родила:

Дочь, сына ли. Будь ласковее с нею,
Не то тебя я громом поражу!
Люби ее: за вами я слежу,
Намеренья особые имею».

Перепугался, видно, старый крот.
С тех пор он стал уступчивей, и вот
Сыночка родила она, стеная;
Теперь Христом весь мир его зовет». —
«Как! Наш Господь?» — «Ну да». — «Хула какая!» —
«У маменьки теперь большая власть,
И я живу, признаться можно, всласть.
Она сама, конечно, захотела,
Чтоб я был с ней; устроить это дело
Ей удалось, хоть и пошли слухи.
Я сплетникам обрезал языки:
Довольно взгляда, чтобы замолчали». —
«Ну, знаешь ли: слышал уже не раз
Я этот легкомысленный рассказ,
Но думалось, язычники все ввали.
Я был слепцом; ты снял завесу с глаз.
Христос — твой сын! О небеса! А я-то
Дал сжечь себя на углях когда-то
И претерпел мученья за него,
За этого... Однако, каково!» —
«Но ты снискал Христа благоволение». —
«Нет, не останусь больше я у вас.
Проклятие! К язычникам сейчас
Лечу, прощай!» — «Какое заблуждение!
Послушай-ка!..» Не слушает Эльфин
И прочь спешит, проворный как дельфин.

Панфер его преследовать пытался,
Но в темноте отступник затерялся,
Как ветер мчась или еще быстрее.
От поисков и смеха утомленный,
Брел восвояси молодой еврей
И голоса слышал. Изумленный,

Подкрался он на цыпочках, и вот
Эльфина хриплый голос узнает.

«Действительно, вот случай бесподобный!
Все прохрапят до самого утра.
Момент для нас представился удобный.
Идем, Приап! Давно уже пора
Невинности лишить всех тех овечек,
Которым в Кельне ставят столько свечек.
От остальных они в сторонке спят,
И удальцов их прелести манят».

«Добро! — решил подслушавший беседу
Панфер. — Пускай бесчинствуют они.
В сумятице, средь гама и возни
И мне удастся одержать победу.
Дай нанесу коротенький визит
Зазнобе; нам опасность не грозит».

К святилищу, где трио опочило
За шелковой завесой той порой,
Крадется он неслышною стопой.
Отдельное там выстроено было
Убежище для Девы пресвятой,
Дабы она вкушать могла покой:
Ведь по ночам нет надобности в свите.
Панфер (его сжигал любовный пыл)
Глядел на дверь, вокруг нее бродил.
К несчастью, помешали волоките:
Был выставлен надежный караул.
А чтоб очей ни разу не сомкнул
Никто из стражей — ангелы болтали
И взад-вперед без усталости шагали.
Историю смешную рассказал
Один из них, Азенор по прозванью.
Хоть тяжело при этом он вздыхал,
Но было весело всему собранью.

«Лютецию вы знаете? Под ней
Сельцо Нантер мне было всех милей.
Невинную я пестовал там деву,
А именно — младую Женевьеву.
Я ангелом-хранителем ей был,
За красоту и грацию любил.
На берегу ручья, в простой избушке
У рощицы одна она жила,
По целым дням одна овец пасла
Прилежно, как и следует пастушке.
Венки плетя искусною рукой,
Она в тени деревьев часто пела,
Сама цветник взрастила небольшой...
А на богослуженье, коль хотела,
Она ходила в близлежащий храм,
В Лютецию, встречая часто там
Младого и пригожего аббата.
Он был высок и хорошо сложен,
Давал обильно милостыню он;
А на пастушку божий сей ходатай
Всегда кидал, вздыхая, томный взор.
То Герман был. Давно успел влюбиться
Он в Женевьеву, но отроковица
Невинная не знала до сих пор,
Что можно возлюбить не только бога...
Она всегда молилась очень много
И ангела-хранителя звала,
Чтоб я ее поддерживал советом
И побуждал на добрые дела...
Вот как-то раз, поднявшись с рассветом,
Увидела пастушка, что давно
У всех овечек вымыто руно
И вскопаны заботливо все грядки,
Починен мостик через ручеек...
Кто это сделал — деве невдомек,
Она никак не разрешит загадки.
А вот и час обеда наступил;
Вновь чудо: скромный стол ее украшен,

На нем — обилье всяких яств и брашен
(Ей черный хлеб обычной пищей был):
Сметана, сыр, душистый мед, и сливки,
И белый хлеб, и спелые оливки...
Велик восторг пастушки молодой.
«А вдруг меня блазнит нечиста сила?»
И кушанья дрожащею рукой,
Не подходя, она перекрестила.
Однако стол со снедью не пропал.
Она решила более спокойно:
«Мне эти яства боженька послал,
Я их приму, хотя и недостойна».
Вкушая их, все думала она
О чуде, и тщеславия волна
В ней поднялась, душой овладевая:
Ведь остается женщиной святая...
Но, как она невинна ни была, —
Опасность этих мыслей поняла.
Хоть неучена, дева твердо знала,
Что наш Господь довольно нетерпим
На этот счет и плохи шутки с ним.
Она себя не раз уж бичевала
За суетность и снова ищет плоть:
Решила нежной кожи не жалеть.
Вновь чудеса! Там, где лежала плетка —
Большой букет из миртов и цветов.
И на колени падает красotka,
Не находя от восхищенья слов.
Но все ж она, себя считая грешной,
Пылает рвением грех свой искупить
И думает: «Могли бы мне успешно
Потерянную плетку заменить
Шипы, колючки, острые камни».
На мягком этом ложе хочет спать
И в рощицу, чтоб терние собрать,
Она тотчас спешит без промедленья.
Уж близок вечер; сделалось темней.
Вдруг ласковый вещает голос ей:

«Внимай мне, дева, и отнюдь не бойся!
Грешат святые тоже иногда.
Господь тебя простил: ты молода.
Шипы и камни брось! Не беспокойся:
Готово ложе для тебя давно».
Испуг прошел; она с восторгом внемлет,
И радость, а не страх ее объемлет.
Она домой вернулась; уж темно.
Погас огонь; ни зги теперь не видно
(Свечу задуло ветром, очевидно).
Упала юбка; вслед за ней корсет,
Готовясь лечь, сняла моя милашка.
Теперь на ней осталась лишь рубашка...
Но чудесам конца сегодня нет!
День этот стал днем праздника, похоже:
Цветами, глядь, усыпано все ложе;
С подушки, с простыни они струят
Изысканный и тонкий аромат.
Она вскричала: «Ангел мой, хранитель
От всяких бед, небесный покровитель,
Несказанно к сиротке вы добры!
Ведь это вы пришли ко мне и вами
Украшена постель моя цветами?» —
«Да, это я принес тебе дары, —
Ответил глас (уже он слышан ею). —
Не бойся же!» — «Я лишь одно лелею
Желание: нельзя ль увидеть вас?
Вы довершили б тем благодеянья». —
«Не велено; Господь накажет нас». —
«Простите же за дерзкие желанья!
Красавец вы?» — «Не вынесут сиянья
Твои глаза». — «А тронуть можно?» — «Тронь».
От любопытства жгучего сгорая
(Возможно ль, чтобы гость пришел из рая?),
Она простерла легкую ладонь,
Дотронулась до ризы белоснежной,
Потом до лба, до вьющихся волос
И подборок тронула, и нос,

Уста, откуда шел сей голос нежный,
А за спиною — два больших крыла,
И сомневаться больше не могла.
Но любопытство далее толкает,
Опасности ей ведать не дано:
Она уже не трогает — ласкает...
И ум и чувства — все в ней смущено.
В ее очах любовь и нега блещут,
Горит в груди неведомый огонь,
И к юным персям — как они трепещут! —
Она прижала ангела ладонь.
И, пользуясь минутою удобной,
Промолвил он: «Я — дух богоподобный.
Господь велел тебя благословить
И дать тебе блаженство предвкусить». —
«Но кто ж держал к прелестной речь такую?» —
«То был не я; об этом и тоскую.
Запрещено с людьми нам говорить.
То Герман был, аббат, в нее влюбленный.
В деревне той он частым гостем был,
По целым дням вокруг хижины бродил...
Понятен вам мой гнев вполне законный
И мой позор? Мне белый свет не мил.
Я опекать красоту прекратил,
И вот я здесь... Вы ржете от веселья,
А для меня — в чужом пиру похмелье».

Так говорил тот ангел, посрамлен.
Но не нашла сочувствия досада:
Над бедняком смеялись до упада.
Остался путь Панфера прегражден,
Хоть спать ложись! Пока все потешались,
Томился он и ангелов бранил.
Но вот момент желанный наступил:
Услышал он, как вопли раздавались:
«К оружию! Тревога! Посягнул
Приап на дев! Спасите! Поскорее!
Сатиры тут! — Нет, там они! — Живее! —
Вставайте же! На помощь! Караул!»

Галдеж, возня — все на руку Панферу:
 Пока вокруг несутся крик и вой,
 Свой замысел исполнил наш герой
 И проскользнул бесшумно за портьеру.
 «Кто это?» — «Я». — «Кто ты?» — «Легко узнать
 Меня, дружок, по пылким поцелуям». —
 «Как, ты дерзнул?» — «Любя, легко дерзать». —
 «Увидят нас! Ведь мы и так рискуем!» —
 «О нет, сейчас все заняты другим.
 Там шум и гам; великому быть бою.
 Я провести часок могу с тобою,
 Желанием давно уже томим». —
 «Так я еще, по-твоему, красива?» —
 «Ужели ты не знаешь? Ну, так знай:
 Лишь из любви к тебе я терпеливо
 Преношу несносный этот рай,
 Хоть и скучаю в нем до отвращения.
 Я поклоняюсь лишь одним богам.
 Ты знаешь ли, каким? Твоим красам.
 Им совершал я жертвоприношенья
 И на земле; я обожаю их...»
 Оставим их, читатели, в покое!
 Пора взглянуть на грешников других.
 На них святые ринулись толпою,
 Схватили их... Не думали они
 Стоять или сидеть; они лежали,
 Притом не рядом... Но зато попали
 Они в полон без лишней беготни.
 Удрать, однако, удалось Эльфину:
 Хитрец, надеясь кары избежать,
 Напятил снова прежнюю личину,
 Преметнулся к ангелам опять.

И вот Приап с толпою похотливой
 Своих солдат предстал перед судьей.
 Бесстыдным видом, позою игривой
 Они Христа нарушили покой

И ангелов смутили взор стыдливый.
А Дух святой наитьем осенен,
И в честь суда псалом уже сложен.

Спросил Творец (не стал он удивляться):
«Ответь, Приап, что делал нынче ты
У дев моих, под сенью темноты?» —
«Вот так вопрос! Он щекотлив, признаться.
Искал у них я вход в заветный рай». —
«Насильничал?» — «Не очень». — «Отвечай
Без экивоков, здесь неподходящих!» —
«Ты сам хорош! В раю, среди святых,
Дев приютил отнюдь не настоящих:
С изьянцем очень многие из них». —
«Клевещешь, плут!» — «А ты взгляни, Создатель,
Увидишь сам, кто прав, а кто солгал.
Противиться не стал нам неприятель,
Ну, а из нас никто не сплеховал:
Мы сложены, как видишь сам, на диво». —
«Идите в ад или креститесь живо!
Ну, выбирай!» — «Нетрудно выбирать.
Крестите нас! К тому же мы скучаем,
Забытые людьми, и замечаем:
Они с Олимпа могут нас прогнать».

Склонив главу, идут все к аналою;
Их ангелы кропят святой водою.
Немало ведер вылиты на них,
Их буйный нрав до времени утих.
И говорит Приап: «Пойдем же к людям!
Аминь, аминь! Послужим небу мы,
И новыми апостолами будем,
И просветим язычников умы!»

Христос изрек: «В порыве этом рьяном
Есть искренность; она полезна нам». —
«Чем именно?» — «Советовал я вам
Монастыри построить христианам.

Такой народ годится там: сильны,
Крепки они и выдержать должны
Безделье, лень, не сбесятся со скуки,
А пылкий нрав — вернее нет поруки,
Что будут все скиты заселены».

«Отличный план, мой сын! Его приемлю.
Идите же и заселяйте землю,
Плодитесь там за совесть, не за страх!
Пусть за монахом двинется монах:
Игнорантинцы, с ними — августинцы,
И бернардинцы, и бенедиктинцы,
И кармелиты, и доминиканцы,
С тонзурою, простриженной кружком,
И без нее; то бриты, то бородаты,
Одни бедны, другие же богаты,
В сандалиях и просто босиком.
Идите с ними, бывшие девицы,
Да захватите четки, власяницы,
Невесты перезрелые Христа,
Воительницы храбрые креста!
Итак, в земном живите вертограде
И думайте о будущей награде!»

Такая речь эффект произвела,
И Дух святой с улыбкой замечает:
«Прекрасный стиль! Он, видно, означает,
Что впрок моя наука вам пошла».

Меж тем сатиров наших одевают:
Упитанные плечи их и грудь
Хламидой шерстяною покрывают,
А чресла можно вервием стянуть.
Но как обути козлиное копыто,
Которое при спешке позабыто?
Стараются над ним и так и сяк;
Оно влезает наконец в башмак.
Вот головной убор надет; пригоже!

Завязан вмиг под подбородком он.
Еще черней разбойничьи их рожи,
Закутанные в белый капюшон.

Затем они весьма непринужденно
Подходят, чтоб на верность присягнуть.
Христос, взглянув с улыбкой благосклонной,
Им говорит: «Прощайте, добрый путь!»
И ангелы щебечут: «Добрый путь!»

Панфер услышал: зазвучали трубы,
И спохватился: время уходить.
Поцеловав Марию крепко в губы,
Тотчас же он во всю пустился прыть.
Из ангелов был кто-то недалеко;
Лица любовника не различил,
Но, сохранить секрет не дав зарока,
Тотчас его повсюду разгласил.
Идет молва направо и налево,
Из уст в уста рассказ передают.
Вот зазвонили к утрени; все ждут,
Чтоб из своих покоев вышла Дева.
Она выходит поздно и хранит
Задумчивый, устало-томный вид:
Спала она, должно быть, очень мало.
«Кто ж фаворит? Кого она лобзала?» —
Все шепчутся... Да, кто же это был?
Один Панфер, иль щеголь Гавриил,
Иль голубок? Все трое, может статься,
Но не супруг... Как тут не пошептаться?

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

*Прекрасные вакханки спивают
и соблазняют христианских святых,
осаждающих Олимп.
Поучительный и скандальный спор.
Нечестие св. Карпа.
Св. Гвенолий совершает над вакханкой семь таинств.
Сумасбродные выходки блаженных;
они попадают на Олимп.*

Любовники, попавшие в фавор,
Младые и седые волокиты!
Привыкли вы злословить с давних пор,
И непочтительны и ядовиты,
О дамах, благосклонных к вам, о всех,
Кто угодил, к несчастью, в ваши сети,
О тех, кто не попался, и о тех,
С кем никогда не приключится грех.
Не стыдно ль? Даже праведницы эти
Для пересудов вам дают предлог...
О род мужчин, о род неблагодарный
И ветреный! Ужели столь коварно
Свои права использовать ты мог?
Красавицам расставил ты ловушки
Соблазнов всевозможных; в ход пустил
Заботливость, и лесть, и побрякушки,
Чувствительные вздохи не забыл.

Должны бороться женщины и с вами,
И со своими нежными сердцами;
И в слабости еще их упрекать
Вы смеете, черня их без опаски...
Вы подлы, злы! На сладостные ласки
Кладете вы бесчестия печать.
Неблагодарно это и трусливо!
Когда бы наделила слабый пол
Природа силой Геркулеса — живо
Язык ваш стал бы вежлив, а не зол.
Презрение да будет вам уделом
Заслуженным! Уверены, что месть
За дерзости (их все не перечесть)
Не поразит вас — походя, меж делом
Вы нежный пол язвите все смелей,
Хоть лести подливаете елей.
Немилость женщин — вот вам наказание.
К ним проявлять умеете состраданье!
Терпимее быть надо и скромней.
Глаза на их ошибки закрывайте,
Любовников секреты уважайте,
И зависти не следует питать.
Примеру тех святых не подражайте,
Что вздумали (мне стыдно и писать)
Насчет Марии языки чесать.

В то время как часть ангелов из рая
На все лады твердила «Отче наш»,
Отправилась в разведку часть другая,
И с ней такой произошел пассаж:
В стене открылась дверца потайная...
Схватились за оружие и глядят:
Идет дитя, и женщин с ним отряд.
То был Амур, и с ним — толпа прекрасных
Вакханок... Ждет героев западня:
Ведь прелести жриц этих сладострастных
Всех соблазнят, не одного меня.

Святые все ж немного ободрились;
 Сомкнув ряды, пошли навстречу им,
 Противницам пленительным своим,
 Которые бежать не торопились.
 «Они совсем не ждут от нас обид», —
 Заметил Иоанн. «Их внешний вид
 Дает понять, что это — не княгини». —
 «А что это в руках они несут?» —
 «Какой-то жезл и гроздья винограда». —
 «Должно быть, за припасами идут
 Красоточки; бояться их не надо». —
 «Обвиты станы шкурами пантер». —
 «А как мила игривость их манер». —
 «Плутовочки увенчаны цветами». —
 «Увидев их, забудешь голод, боль!» —
 «Какие кудри! Черные как смоль,
 И ветерок их треплет за плечами». —
 «А вот бежит ребенок... Белокур,
 Смазлив, пригож он; то, кажись, Амур». —
 «Нет, это не сыночек Кифереи,
 Походит на сатира он скорее,
 Хоть с крылышками этот мальчуган». —
 «А где повязка, лук его, колчан?
 Копытца-то, глядите! Сей ребенок,
 Чей взор нескромен, просто сатиренок». —
 «Мне нравится он, впрочем, и такой,
 Амуру он, наверно, брат родной».

Возможно, что педантам недовольным
 Сей разговор покажется фривольным.
 Известно: скромность воинам чужда...
 Должно быть, в полной праздности беда,
 Что к вольностям умы располагает.
 Не верят скромной доблести бойцы,
 Чье ухо быстро к брани привыкает
 И к грубостям. Ведь даже мудрецы,
 В их общество попав, довольно скоро
 Приобретут манеры мушкетера...

Но речи воинов небесных сил
Критиковать нам, людям, не пристало.

Вакханкам громко крикнул Израил:
«Остановитесь!» — «Ладно!» — отвечала
Одна из них. «Хотим мы знать, куда
Спешите вы? Зачем пришли сюда?» —
«Мудрец сказал, что счастья основа —
Лишь на земле... На небе нам давно
Наскучило; хотим на землю снова». —
«Однако здесь ходить запрещено.
Мне огорчать вас, право, неприятно». —
«Хоть ваша речь, воитель, и строга,
Но, видно, вы нисколько не брюзга.
Ваш взгляд нежней, чем речи... Вероятно,
За знатных дам вы приняли всех нас?
Ошиблись вы, могу заверить вас.
Ужель к гризеткам вы не снизойдете?» —
«Своим богам припасы вы несете,
В ущерб нам, христианам». — «Нет, клянусь,
Они — для нас! Ведь у бессмертных вкус
Совсем иной, мы не таим секрета». —
«Действительно... Но разве кисть вот эта
Владык спесивых ваших не прельстит?» —
«О, даже Ной такую не взрастит,
Не правда ли?» — «Возможно». —

«Не хотите ль

Попробовать?» — «Спасибо, не хочу». —
«Отведайте, прошу вас, небожитель!
Уже собратья ваши по мечу
С подругами моими завтрак скромный
Охотно делят». — «Ладно, я молчу.
Давай! А виноград твой — не скромный?» —
«О нет!» — «Моя признательность огромна.
Да, вкус отменный, что и говорить!
Ты знаешь: путешествовал давно я
По Сирии; в гостях бывал у Ноя,
В его шалаш случалось заходить.

Был чествуем я старым Авраамом,
А также Лотом, в городе том самом,
Чье имя оскорбляет красоту;
Везде меня радушно принимали,
Отборными плодами угощали...
Когда-то гроздь я пробовал и ту,
Которую посланцы Моисея
Их ханаанских кущей принесли.
Она была вкусна; твоя — вкуснее!»

Святые нахвалиться не могли.
Они не ощущали беспокойства,
Забыв гроздей магические свойства.
Был Израил немало удивлен:
Покинуло его благоразумье,
Шальное овладело им безумье...
Как весел стал, словоохотлив он!
Такой же грех с другими приключился:
Все охмелели... Своего добился
Не силою, а хитростью Амур;
Успех велик был, даже чересчур.
Блаженным он без всякого стесненья
Коварные вопросы задавал
И про исход ночного приключенья
Приапа и сатиров разузнал.
Он отомстит: хоть мал он, да удал.

Как много их, жриц Бахуса задорных!
Как томен взор очей их страстных, черных!
Они ласкают взапуски святых,
Их лысины венками украшают
И прямо в рот им гроздья выжимают;
Нескромны все прикосновенья их.
Остатки смысла здорового девались
Неведомо куда у бедняков.
Какие речи без обвиняков,
Какие тут «амини» расточались!
Пьянеет быстро всяк слуга Христов...

Но кое-кто из старых ворчунов,
Шалить и бедокурить не способных
(Амур к ним подступиться не дерзнул),
Не может, видя с завистью разгул,
От замечаний воздержаться злобных.

Моисей

В обители священной как грешат!
Бесчестие Господь наш покарает:
Возмездья бог, он все на свете знает.

С в. В л а с и й

Прямехонько вы попадете в ад!

Моисей

Бесстыдники прикинулись глухими.

С в. В л а с и й

Забыли вы, что ваш Создатель, Бог,
За этот грех вас уничтожить мог?

И с р а и л

Врешь, мы богами созданы другими.

С в. В л а с и й

Ты еретик!

И с р а и л

Ужель не знает он,
Что всюду, с незапамятных времен,
В бесплотных духов верили народы:
Евреи, христиане-сумасброды
И прочие? Найдя на небе нас,
Просили жить, не ссорясь, с их богами.
Им Гавриил ответил: «В добрый час!»
Вот с этих пор мы и знакомы с вами.
Молчи и в школу ворочайся, Влас!

С в. Г в е н о л и й

Вы крали у барминов, у халдеев,
У персов и у греков их богов,
Невежество заботливо взлелеяв
От Нила вплоть до Ганга берегов.
Вы шарили повсюду, подбирали
Обрывки и лохмотья всяких вер
И в Сирии их наскоро сшивали —
Безвкусица на собственный манер!
Напялив эту ветошь из химер —
Ее творцами слыть решили смело...

С в. В л а с и й (*Моисею*)

Твой змий — из Финикии, знамо дело.
В другой Эдем пробраться он успел,
Но быстро неудачу потерпел.

М о и с е й

Мой — с яблоком. Оно красиво было.

С в. К а р п

Однако любопытство соблазнило
До Евы и Пандору. Сей рассказ
Своим пером испортил ты, приятель.

С в. В л а с и й

Какая чушь!

С в. Г в е н о л и й (*Моисею*)

Скажи без дальних фраз:
Ты и потопа первый описатель?

М о и с е й

А разве нет?

С в. Г в е н о л и й

Мой друг, ты — шарлатан!
Девкалион, Огигий...

Моисей

Правый боже!
Гвенолий наш учен!

С в. В л а с и й

Он просто пьян.

Моисей

Карп держит речь!

С в. В л а с и й

Он пьян, на то похоже.

Моисей

Наверно, в гроздях был сокрыт дурман.

С в. К а р п

Верни же Вакху жезл его волшебный
И рог двойной, для пиршества потребный!

Моисей

Ей-богу, я нечаянно их взял.

С в. Г в е н о л и й

Он признает вину! Какой скандал!

С в. К а р п

А ваш Самсон, смешной и неуклюжий?
Он хуже Геркулеса, много хуже,
Хоть оба женщиной побеждены.

С в. Г в е н о л и й

А Иеффая глупая затея
Напоминает нам Идоменея.

Моисей

Вы замолчите ль, горе-болтуны?

С в. К а р п

Вы хвалите Навина, впав в гордыню.

Он Амфиону плохо подражал:
Один построил пением твердыню,
Другой, фальшивя, стены разрушал.

Моисей

Несправедливо это замечанье!
Глумятся над евреями они,
Хотя б давно пропали без родни:
Коль уберут подпоры — рухнет зданье,
Христос — еврей; еврейка зачала
От Духа...

Св. Гвенолий

Троица! Ха-ха! Не знают,
В чем превосходство этого числа,
И все ж его другим предпочитают.
Давным-давно на Инда берегах
Наводит Брама-Вишну-Шива страх.

Моисей

Так Троицу индусы тоже знали?

Св. Гвенолий

Свою и египтяне почитали:
Изида, Гор, Озирис — Бог-отец.
Мы Троицу увидим, наконец,
И в странах отдаленнейших. Сраженье
Мы с Троицей языческой ведем.
Ты убедишься, мой любезный, в том,
Что все это не ново, сочиненье
Философа Платона прочитав.

Св. Карп

In vino veritas*. Он пьян, но прав.

Св. Власий

По-гречески?

*В вине — истина (лат.).

Моисей

Должно быть, по-латыни.

С в. В л а с и й

Вот пьянства вред! Он невменяем ныне.
Скажи, в Христа ты веришь, пустослов?

С в. К а р п

Так спрашивать, мой друг, неделикатно.
Distinguo*. Хотя я и верую, понятно,
Что мудр Христос, но мало ль мудрецов?
Я чту и Зороастра, и Сократа,
И Лао-Цзы, седого азиата;
Им подражал Христос, и он не нов.

С в. Г в е н о л и й

А для чего, скажи без пререканий,
Для пьяниц воду превращать в вино?
Есть Филемон с Бавкидою давно,
И скверных нам не нужно подражаний.

Моисей

Что вижу я? Вдруг улыбаться стал
Ты, Иоанн?

С в. И о а н н

Смешно мне.

Моисей

О Создатель!

С в. И о а н н

Выходит, что я просто подражатель?

Моисей

Но ты же сам о чуде рассказал.

*Различаю (лат.).

Св. Иоанн

Я сам?

Моисей

Ну да.

Св. Иоанн

Узнайте, о тупицы:
Написаны Евангелья страницы
Спустя сто лет не Марком, а Лукой,
И не Матфеем также, и не мной!
Мы неучены; где нам до писанья?
Сложили и «Апостолов деянья»
Монахи, но разумными никак
«Деянья» не назвать. Не приплетайте
Апостолов сюда и не мешайте:
Как видите, мы заняты... Итак,
Оставьте нас, пожалуйста, в покое!

Моисей

Приди в себя! Да что это такое?
Не прикасайся к полным сим грудям,
Что прокляты...

Св. Иоанн

А, будь ты проклят сам!

Св. Власий

Довольно споров! Толку в них немного.
Придется в рай идти, нужна подмога.

Моисей

Идем, друг Влас!

Все святые

Идите, добрый путь!
Мы об уходе вашем не жалеем!

Отделавшись от Власа с Моисеем,
 Задумали святители чуть-чуть
 Испробовать яд неги непривычной,
 И было их блаженство безгранично.
 С Теоной Карп любезничал. Чудак
 Проговорил, заискивая, так:
 «Желал бы я, прелестная Теона,
 Чтоб трапезу делила ты со мной».
 Вакханка улыбнулась благосклонно
 И съела ломтик просфоры сухой.
 «Еще кусок?» Она не захотела:
 «Хлеб пресноват». — «Да нет, то — Божье тело!
 У нас, святых, все — тайна. А теперь
 Вот, выпей-ка! Глазам своим не верь:
 Сие вино...» — «Вкусней вино Фалерна». —
 «Ты Божью кровь вкушаешь!» — «Шутишь, верно!» —
 «Нет, не шучу. То — кровь, а не вино.
 Не бойся же! Пользительно оно:
 Я тем вином болящих исцеляю.
 Теперь и ты — святая, поздравляю!»

Гвенолия подход замысловат:
 Ведь грешники по-разному грешат.
 С Аглорою до неприличья пылок,
 Он таинства высмеивает зло:
 Кропит пьянящим соком он затылок
 Хорошенькой вакханки и чело
 И знаменье креста изображает.
 «Во имя купидона, — возглашает, —
 И Вакха, и Венеры пресвятой
 Я совершаю таинство *крещения*».
 Сложив щепоть, как для благословенья,
 Касается щеки ее тугой.
 «А это что такое?» — «*Конфирмую*
 Тебя, дружок; напомнит голос мой
 Тебе про долг приятный и простой.
 Его тремя словами обрисую,
 На них твой культ основан целиком.
 Сии слова: лоза, и мирт, и роза...

Ты поняла? Ну, к браку перейдем.
 Священником, супругом, женихом
 Я стану сам. Скромней пусть будет поза!
 Взор потупи, дабы изобразить,
 Что девственна (чего не может быть)». —
 «Вот так?» — «Ну да. Теперь дай руку снова!
 Ты в брак со мной вступишь, скажи, готова?
 Conjungo pos*. Соединят сейчас
 Нас узы, что невидимы для глаз.
 Пусть наш союз во всем преуспевает,
 Желаний пыл пусть вечно возрастает,
 Плодиться Бог благословляет нас.
 Теперь клянись, о милая супруга,
 Что будешь мужу верною подругой». —
 «Но клятве я, конечно, изменю». —
 «Ну, ладно, ладно! К тайнству другому
 Я перейду, не менее святому.
 То — *исповедь*. Секрет я сохраню;
 Не лги, ответь: ты много ли грешила?
 Что за грехи, признайся, совершила?» —
 «Мои грехи — особые грехи,
 Их угадать нетрудно вам, хи-хи!» —
 «Так, понял я: Венераины забавы.
 А сколько раз?» — «Да не считала я». —
 «Ну, круглым счетом?» — «Десять
 тысяч». — «Право?
 Не хвастайся! Как добрый судия,
 Absolvo te** — грехи тебе прощаю,
 Эпитимью за них я налагаю:
 Со мною точно так же согреси!»

Но чу — набат! Гвенолий, поспеши!
 Напрасный зов! Набата не услыша,
 Он говорит: «К тебе я послан свыше,
 Дабы во жрицы Вакха посвятить,
 Амура тож. Для этого служенья

* Сочетаю нас (лат.).

** Отпускаю тебе грехи (лат.).

Дай совершу я *рукоположение*,
 Подаю пример, как их обоих чтить!»

О Дух святой! Напрасно я пытаюсь
 Правдивым быть — писать я не решаюсь:
 Ведь целомудрия я дал обет.
 Гвенолий мой, ты не стоял, о нет!
 Вот, покорен Амура сладкой властью,
 Вздыхая томно, молвит наш святой:
 «О душенька! О милый ангел мой!»
 Аглора, вся охваченная страстью,
 Шепнула: «Очень рада я *причастью*».
 И таинство он совершает вновь,
 Лобзаннями, волнующими кровь,
 Он покрывает грудь ее и руки,
 И ноги, нечестивец, без стыда...
 «А это что? *Соборованье*, да?» —
 «На случай путешествия, разлуки.
 На землю ты идешь, чтоб меж людьми
 Под сенью виноградников Цитеры
 Распространять культ Вакха и Венеры;
 Напутствие последнее прими!»

Все под руку с вакханками, все пьяны,
 Тут прочие святые к ним идут.
 Себя предосудительно ведут
 Отступники, весельем обуянные:
 Шатаются и чепуху плетут,
 Красоток хороводом обступают,
 Танцуют, взявшись за руки, орут,
 Хохочут, и бранятся, и толкают
 Друг друга, обнимаются, поют:

«Где троица? Да вот же недалечко:
 Уста, и грудь, и некое местечко!
 На небе любят, любят на земле.
 Ту троицу мы видим, осязаем,
 Ласкаем, беспрепятственно лобзаем...
 Амуру и Венере — эвоэ!

.

Волшебная была у Вакха палка,
Ее сменил жезл Моисея... Жалко!
К какой же мы приложимся струе?
Прочь палку ту, что воду исторгала!
Ведь нам вино другая даровала.
Лозе и Вакху — слава, эвоэ!»

Внезапно глас Нептуна раздается:
«Покончить нам с утехами придется!
Из рая многочисленный отряд
К нам движется. Девы, берегитесь!
Вы также, преподобные, вернитесь,
Иначе угодите прямо в ад».

«Ни шагу мы не сделаем назад!» —
Так Израил ответил громогласно.
За ним Гвенолий: «Мы им зададим!»
Рек Иоанн: «Уж мы им всыплем, ясно!»
Добавил Карп: «И тошно станет им!»
Освободиться хочет он напрасно
Из рук своей любовницы прекрасной
(Они в него вцепились, как клещи).
Смеясь, героев тянут за плащи.
Сперва они готовились сразиться
И кулаки сжимали, чтобы биться;
Грозясь и хорохорясь без конца,
Икотою слова перемежая,
Нетвердою походкою ступая,
Они дошли до самого дворца
И на Олимп в конце концов попали.
Устав от непривычных вакханалий,
Все четверо уснули крепким сном,
Ни «Отче наш», ни «Деву» не читая.
Сон, маками их щедро осыпая,
Приосенил пьянчуг своим крылом.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

*Взятие Тартара христианскими чертями.
Дружеский спор между лицами св. Троицы.
Взятие Олимпа.
Языческие боги бегут во владения скандинавов.
Ночное сражение между Дианой
и архангелом Гавриилом.*

Я видел, как атаковал Амур
Младую Эльму. Нежен и прекрасен
Был этот враг; хоть ласков, но опасен;
Почтителен, но ловок чересчур.
Боролась ты... Неясное смятенье
Закралось в грудь, ослабило тебя;
Ты грезила, забыв нравоученья,
И одолеть позволила себя.
Но не совсем твоя иссякла сила:
Ты, в бегство обратившись, победила.
Не отдавай же понапрасну дань
Воспоминаниям о днях минувших,
Опасностей страшись и промелькнувших:
Они вернуться могут. Даже лань,
Счастливо избежавшая погони,
Надолго страх запомнит, и дрожит,
И мчится прочь, хоть смерть ей не грозит.
Когда бы Карп с друзьями, эти сони,
Не позабыли о примере том —

Они не очутились бы в полоне
И не храпели б ныне вчетвером.
Над ними все смеялись беззаботно,
Хвалили Купидона, свой оплот.
«Увы, победа эта мимолетна, —
Заметил он, — и нас погибель ждет.
Нам изменил Приап... Порой ночью
С сатирами он вздумал пошалить
И дал себя охотно окропить,
С поличным пойманный, святой водою.
Отправились они без дальних слов,
Чтоб вертоград возделывать Христов».

Известия такие огорчили
Язычников: увидели они,
Что скверные для них настали дни:
Ведь их враги числом превосходили.
Минервы долго нет, а на редут,
Возможно, нынче приступом пойдут.
Усугубив печаль их и кручину,
Мрачней, чем ночь, является Плутон,
Ведя супругу Прозерпину.
За ними вслед идет седой Харон
С веслом своей древнейшей в мире барки.
Затем идут, потупив долу взор:
Алекта, старшая из трех сестер,
Мегера, Тизифона и три Парки.
«Вы здесь? — вскричал Юпитер, поражен, —
Откуда вы?» Насупился Плутон
И пробурчал: «Вестимо, мы из ада». —
«Но почему приспичило вдруг вам
На небеса являться? Что вам надо?
Вы привели весь ад к моим стопам!» —
«Увы! Нас всех из Тартара прогнали,
Нельзя ль, чтоб нам другое место дали?» —
«Кто вас прогнал?» — «Да черти христиан.
Противиться им, право, не могли мы:
Был даже Цербер страхом обуян.

Их набольший — урод невыразимый,
Я побледнел при взгляде на него.
Не трудно вам представить, до чего
Он вежлив был, узнавши об опале,
Сходил я с трона, плача от печали;
Он мне помог и руку протянул.
Гуманности не чужд сей Вельзевул:
Хотя слывет он крайне нечестивым —
С моей женой он был весьма учтивым.
И я покинул ад со всей семьей.
Увы, на возвращение едва ли
Надежда есть... С почетом провожали
Нас дьяволы под барабанный бой».

«Итак, они Элизий захватили?» —
«Жизнь горькая их ожидает там.
В подземный край едва они вступили —
Как ринулись гурьбою к тем местам,
Где вечная весна царит, нарядна,
И где Забвенье обитает... Жадно
Они искали Лету, к нам попав:
Их прошлое, должно быть, тяготило.
Им показали Лету, и стремглав
Они в нее кидались, бросив вилы.
Однако тут постигла их беда:
Вдруг в пламя превращается вода...
Бранясь, они на берег вылезали,
Зефирам на полянках подставляли,
Чтоб освежиться, спины, животы,
Багровые морщинистые лица,
В тени валялись, нюхали цветы
И мяли, не умея насладиться.
А шум и гам от криков, беготни!
Зеленый луг впервые видел каждый.
И, мучаясь неутолимой жаждой,
До дна все речки выпили они.
Внезапно Стикс вскипает, разъяренный,
И, выступив из низких берегов,

Потоком лавы серной, раскаленной
Он заливает ад и мертвецов». —
«О, как мне жаль, что сделался геенной
Элизий, светлых духов край блаженный!» —
«Они отныне прокляты навек:
В них более не верит человек».

Плутона речь расстроила немало
Собравшихся. Что с их гордыней стало?
Все в ужасе, и было от чего:
Противники справляют торжество.
Но Аполлон, хотя и сам встревожен,
Их утешает: «Полноте скорбеть!
Об алтарях не стоит нам жалеть:
Ведь род людской так глуп и так ничтожен!
С Олимпа хоть и прогоняют нас —
Есть верное убежище: Парнас.
Там властвовать мы будем без помехи.
Дар нравиться, способность просвещать,
Искусства, ум нельзя у нас отнять;
Там — Грации, Амуры, Игры, Смехи.
Не будет это худшей из невзгод!
Людское нас спасет непостоянство.
Когда-нибудь врагам придет черед
Освободить небесные пространства.
Освистаны, осмеяны, шуты
Уйдут, забрав и гвозди и кресты.
Пристанище себе, всего скорее,
Они найдут в каком-нибудь музее».

Покуда он пророчествует так,
Раздался крик: «Тревога! Христиане!»
Они идут на приступ натошак,
Победа им обещана заране.
Добр, но суров, архангел Михаил
Передовых подхлестывает пыл;
Христос, в тылу устроясь безопасно,
Войскам своим вещает сладкогласно:

«Смелей, вперед! Сейчас мы победим,
Крест на Олимпе ихнем водрузим!
Дрожать от страха воинам негоже.
Ничем вы не рискуете, друзья.
Нас разобьют, по-вашему? Так что же!
Не бойтесь ран! От них, ручаюсь я,
Вы умереть не сможете вторично!»

Его витийство, голос мелодичный
Уверенность трусливым придают.
Зажмурившись, вперед они бредут,
До стен дошли и приступ начинают.
Их копыми и стрелами встречают.
Готова и кипящая смола,
И дротики, и с углями жаровни,
Гвоздями сплошь утыканые бревна,
Каменья, кучи битого стекла...
Расплавленный свинец потоком льется...
О, сколько тут проклятий раздастся,
Как много тут расшибленных голов,
Ослепших глаз и выбитых зубов,
Носов разбитых, членов поврежденных,
Власов и крыльев, начисто сожженных!

Сражение увидев, Дух святой
Внезапное почуял вдохновенье
И заявил: «Сложу я песнопенье,
Чтоб ангелы рвались отважно в бой».

Христос

Вот глупости! На облако напрасно
Взмостились вы. В резне такой ужасной
Услышат ли дрожащий ваш фальцет?
Не думаю. Скорей всего, что нет.
К чему экспромт, когда идет осада?

Бог-отец

Мой сын, ты прав. Псалмов пока не надо!
Победу одержав, мы их споем.

Дух святой

Ну, в правоте я вашей не уверен.

Бог-отец

Я не учен, таиться не намерен.
Ведь люди, в неразумии своем,
Распределить решили все по вкусу:
Ученость — вам, а кротость — Иисусу...
А что же мне? Одна лишь борода
Да прозвище «отец». Ну, не беда,
Спасибо и на этом! Ведь красива,
Не правда ль, борода моя на диво?

Христос

Зачем вы, отче, гневаетесь так?

Бог-отец

Я гневаюсь? Вам кажется! Пустяк!
Коль взять в расчет и триединство Бога,
То сам себя я критикую строго.

Покуда этот спор происходил,
Осада началась, согласно правил.
Вот лестницу уж кто-то приташил
И к башне угловой ее приставил.
Кто будет первым? «Лезь, апостол Павел!» —
«Лезь ты!» — «Нет, нет!» — «А ты?» —
«Я не решусь,

Боюсь смолы». — «Я тумакон боюсь». —
«Я — оплеух». Друг друга все ругают,
Все в трусости друг друга упрекают.
Тут Христофор является святой,
Широкоплеч и кривоног — такой,
Каким его в церквах изображают.

Благочестивым рвением он пылал,
Христа когда-то на спине таскал.
На лестницу он первым взгромоздился.
За ним десяток ангелов пустился.
И вот уж ухватился за зубец
Поднявшийся на башню удалец...
Увидел Марс его и разъярился.
Ряд статуй стены замка украшал;
Он к собственному бюсту подбежал,
Без сожаленья мощною рукою
Его от пьедестала оторвал
И, высоко подняв над головою,
Вскричал, смеясь: «Как видите, друзья,
Не пощадил своей персоны я;
Пусть каждый точно так же поступает!»
Бюст Христофору в брюхо попадает...
Сшиб остальных в падении своем
Святой толстяк, отделившись испугом.
Сорвавшись со ступенек, друг за другом
Они летят на землю кувыркком.

Неподалеку Азаил сражался,
Но и ему, увы, не повезло:
Лишь только он на парашет взобрался —
Нептун его хватает за крыло.
Заверещал от страха ангел хилый,
Взмолиться о пощаде он готов.
Но, раскачав его что было силы,
Нептун кидает труса прямо в ров.

Силач Самсон ужасно рассердился.
Он, подбодченясь, встал перед стеной,
Подпер ее могучею спиной
И расшатать довольно долго тщился.
Свой толстый зад библейский великан
Употребил при этом как таран.
Крепка стена; и, побледнев с досады,
Возобновил усилия Самсон.

Зависит от него успех осады...
Толкает, бьет и ударяет он,
И градом пот с лица его струится.
Алкид ему с усмешкою кричит:
«Иль отросла уже твоя косица,
Скажи-ка мне, давно ты не был бит?
Остерегись, не лопни от натуги!
Стена-то, вишь, покрепче той лачуги,
Что ты тогда сумел разрушить... Да-с,
Далеко филистимлянам до нас!
Ну, надрывайся, раз тебе охота.
Увидишь — ни к чему твоя работа».

Поблизости от них костер горел,
И в нем пылала ветка тамариска.
Эй, берегись, Самсон, опасность близко!
Взять головню твой давний враг успел.
С той головней приятно ли столкнуться?
Не удалось еврею увернуться,
Вмиг занялся его святой хохол,
Вот он сгорел; остался череп гол.
Как наш герой даст Геркулесу сдачи?
Он походил до этой неудачи
На племенного сильного быка,
На жеребца или на петушка.
Все трое, как известно, горделивы...
Однако же, едва у горемык
Отрежут то, в чем корень их задора, —
Куда весь пыл девается? Где бык?
Увы, в вола он превратится скоро.
Где жеребец? Где петушок-драчун?
На месте их — откормленный каплун
И жалкий мерин, то есть просто кляча,
Став робкими, сбавляют быстро тон.
Похож на них стал бедный наш Самсон,
Когда его постигла неудача.

Слабеет явно христиан напор,
В защиту переходит нападение.
Язычники, напротив, с этих пор,
Утроивши свое сопротивление,
Дрались как бешеные, в исступленье,
Как храбрецы, как боги, наконец.
Богини им ни в чем не уступали,
И со стены в противников бросали
Все, чем богат и славен был дворец,
Что попадало под руку: подушки,
Из золота литые безделушки,
Цветочные горшки и зеркала,
Сосуды из металла и стекла,
Горшки ночные (было их немало),
Старательно наполнив их сначала.

Когда б Навин, наитьем осенен,
Не вспомнил, как был взят Иерихон,
Верх взяли бы язычники, быть может.
«Концерт в еврейском духе, — молвил он, —
Проклятую их крепость уничтожит.
Сюда, левиты, воины, жрецы
Израильские, храбрые певцы
И музыканты, что во время оно
Разрушили оплот Иерихона!»
И вот оркестр невиданный готов:
Собрание инструментов всех сортов.
Трещотки, флейты, бубны, барабаны,
Литавры, и кимвалы, и тимпаны,
Тромбоны, скрипки, трубы без числа,
Кларнеты, дудки и колокола,
Рога, котлы, подносы и кастрюли...
Приготовленья эти ужаснули
Всех осажденных; ждут они чудес.
Вот начали: кто по дрова, кто в лес.
Язычники, хоть уши и заткнули —
Услышали пиликанье смычков.
Тут раздается новая команда:

Их угощают радостным сфорцандо.
 А слух, известно, нежен у богов,
 И резала его невероятно
 Та музыка (для нас она приятна).
 Затем Навин ввел в действие басы,
 Вопившие на разные гласы.
 Умножив какофонию стократно,
 Одни из них тянули ноту соль,
 Другие — си, а третьи — си бемоль
 И слушателей этим доконали.
 Они пытались пенью помешать,
 Попробовав врагов перекричать,
 Но певчие лишь пуще заорали.
 Бранясь вовсю, чрез несколько минут
 Защитники покинули редут.

И Бог-отец в воинственном задоре
 Вскричал: «Победа полная близка!
 Побеждены ударами смычка!
 Погромче, братцы! Мы увидим вскоре,
 Как рушатся высокие валы
 Сей крепости... Они прочней скалы,
 Но упадут, язычникам на горе.
 Сейчас дворец повалится с горы.
 Погромче! Весь Олимп — в тартарары!»

Но дело обошлось гораздо проще.
 Четыре храбреца, которых в роще
 Забрали в плен, храпели мертвым сном.
 Очухавшись, придя в себя немного,
 Припомнили пьянчуги со стыдом
 Все шалости свои, томясь изжогой.
 Раскаянье, негодование, страх
 Заставили их покраснеть впотьмах.
 Душили Исаила гнев и злоба;
 Ругаться начал Иоанн в сердцах;
 Гвенолий же и Карп святитель — оба,
 Пав на колени, каются в грехах,

Исправиться отныне обещают;
Затем они кидаются стремглав
И, с тыла на язычников напав,
Ударами их в гнев осыпают.
Охрану сняв и к запертым вратам
Пробившись, их немедленно открыли
Они своим удачливым друзьям,
Которые нестройно голосили.

Ломали боги голову себе,
Как уцелеть в неравной сей борьбе:
Они уже на грани поражения.
Юпитер средь всеобщего смятенья
Благоразумье все же сохранил
И воинам спокойно заявил:
«Да, их взяла... В моем дворце отныне
Горланить мессы будут пришлецы.
Но пусть они не думают в гордыне,
Что прочен их успех! Велю дружине:
Пускай в каре построятся бойцы,
Пусть поместят богинь посередине.
Попробуем на север отступить!
Пределы христианской там державы.
Там Один правит; он, любитель славь,
Охотно нам поможет победить».

Разумному приказу подчинились.
Мечами, копьями вооружились,
Построились бойцы в походный строй,
Отвагою по-прежнему пылая
И на ходу удары отражая.
Седой Нептун и Аполлон с сестрой,
Беллона, Марс и храбрый сын Алкмены,
Плутон, и Вакх, и родичи Елены
Заставили врагов трубить отбой.
Был бдителен Юпитер неизменно,
Внушала страх могучая рука,
Кидавшая перун издалека.

В порядке совершалось отступление,
День к вечеру клонился... В этот час
Произошло с Дианой приключение.
Какое — я поведаю сейчас.

Вот, истощив все стрелы из колчана,
Сменила лук на острый меч Диана
И выходила часто из рядов,
Дабы разбить зарвавшихся врагов.
Она была прекрасна, горделива
И колотила их без перерыва.
Один из них, по имени Зефрил,
Оставшийся, как прочие, внакладе,
Удобное мгновенье улучил,
Чтоб отомстить, и подобрался сзади
К богине. Без кольчуги та была,
Проворна, и легка, и босонога;
Движений быстрота ее спасла,
Но все же меч задел ее немного,
Тунику белоснежную пронзил
И ягодицу малость повредил.
Струится из божественного зада
Кровь алая (белее снега он).
Диана с превеликою досадой
От боли легкий испустила стон.
Ну, попадет нанесшему урон!
Для отступления преградить дорогу,
Лишить его надежды на подмогу,
Преследовать упорно и нагнать,
Поймать, затем расправиться с ним круто
И беспощадно крылья отрубить,
Честь ягодицы тем восстановить —
На все это ушла одна минута.
Затем она свой продолжала путь
На дальний север, в поисках владений
Богов Валгаллы, ибо отдохнуть
Язычники хотят от поражений.

Но Гавриил шел тою же тропой,
Повеса-ангел, ангел-волокита,
Небесный щеголь, сердцеед, герой.
Он шествовал дозором деловито.
«Эй, кто идет?» — он спросил. «Свои!» —
Ответила Диана, усмехнулась,
Мечом на Гавриила замахнулась.
И взмах и слово дерзкие сии
Одновременно поразили ухо
Архангела. Шатаясь, Гавриил,
Ошеломлен ударом, отступил.
Но твердости он не утратил духа:
Отомщена должна быть оплеуха!
Он поднял меч; но, встретившись, клинки
Со звоном разлетелись на куски.
«Ну что ж! Бороться будем без обмана!» —
Сказал архангел и вступил в борьбу.
Противники стояли лбом ко лбу;
Воинственным задором обуянна,
Хранила все ж инкогнито Диана.

Прекрасны, юны, гибки и сильны,
Употребить усилия драчуны
Могли бы лучше (это между нами).
Но было Гавриилу невдомек,
Кто перед ним, покуда наш знаток
Стан недруга не обхватил руками
И, грудь его задев, не ощутил,
Что эта грудь округла и упруга;
Но разобраться не было досуга,
Ему мешал сраженья ярый пыл.
И, прочь откинув это подозренье,
Удвоил он запальчивое рвенье.
Заметила Диана в свой черед,
Что враг ее красив и безбород,
Руками же охваченные члены
Стройны, белы и формой совершенны.
Но хитрый план задумал Гавриил:

Прелестного врага он ухватил
 И левою рукой его сжимает,
 А правую проворно опускает,
 Чтоб за ногу противника схватить,
 Затем толчком на землю повалить
 (Так одолеть возможно и атлета).
 Уже почти достигнуто им это:
 Скользнула по бедру его рука
 Сначала вниз, потом немного выше
 И задержалась в треугольной нише.
 Затем, гораздо более робка,
 Слегка нажала, не без колебания...
 Борцы хранили полное молчанье,
 Их поза недвусмысленна была,
 Переплелись их стройные тела.
 Владело ими странное смущенье,
 Вздыхались груди... Что за ощущение!

Архангел руку с умыслом держал
 На лаврах; наконец, он их пожал.
 Герои не промолвили ни слова...
 О, болтуны, им надо подражать!
 Расставшись, в путь они пустились снова,
 Слегка вздохнув; о чем — им лучше знать.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

*Языческие боги последний раз
пытаются вернуть себе власть над миром.
Аврора, Нептун, Венера и сам Юпитер терпят неудачу.
Амур тоже возвращается с позором,
как видно из истории Таисы и Элинома.*

Чтоб быть счастливым, нужно скромно жить,
Не домогаясь почестей и славы.
Напрасно их так алчете всегда вы:
Судьба слепа и может наделить
Дарами вас; но иногда, превратна,
Свои дары она берет обратно.
Неприхотлив, не склонен к мишуре,
Всегда мечтал я сельским стать кюре,
Жить в хижине уютной, хоть и скромной,
И дни свои лениво коротать,
А вечерком спокойно попивать
Свое винцо с кухаркой экономной.
Тиару, золоченые ключи
Оставь себе, святой наместник божий,
И грома булл, и туфли из арчи,
И Ватикан, и фавориток тоже!
Но я бы все ж, пожалуй, предпочел
Господствовать, на римский сев престол,
И плыть на корабле довольно старом,
Что сделался, по воле пап, корсаром,

Чем жить в пустыне звездной, меж комет,
 Быть божеством и ожидать паденья.
 С престола пасть — ужасно, спору нет,
 Но пасть с небес? Страшнее нет крушенья,
 Не правда ли? Но именно таков
 И был удел языческих богов.
 Теперь они пытаются — пустое! —
 Вернуть себе владычество былое.

Вот на рассвете солнечный чертог
 Аврора розоперстая открыла
 (Летят зефиры роем на порог)
 И спящую природу разбудила.
 Зардевшись, слезы льет она... Чисты,
 Росой они слетают на цветы.
 Но где ж толпа, что гимнами встречала
 Ее приход? Рассеялся мираж,
 И, не узнав возлюбленной Кефала,
 Сквозь зубы люди шепчут «Отче наш».

Нептун своим трезубцем потрясет,
 Разверзнул хляби грозный океан.
 Лихая смерть матросам угрожает,
 Несется, воя, буйный ураган.
 Раздувши щеки, дуют Аквилоны,
 Хвостами бьют могучие Тритоны,
 Сама Фетида с роем Нереид
 На судно вал за валом громоздит.
 И бог морей кричит в великом гневе:
 «Молитесь мне, иль вас я проучу!»
 Но молятся матросы только Деве
 И ей сулят огромную свечу.
 Она встает, подарку очень рада,
 И говорит стихиям, покраснев:
 «Quos ego!»* Прочь, с великою досадой,
 Бегут ветра; волн утихает гнев;

*Я вас! (лат.)

Нет ни следа от бушевавшей бури,
Корабль плывет спокойно по лазури.

Мир напугать желая, царь богов
От полюса до полюса грохочет.
Кой-кто бледнеет, правда, от громов
И торопливо «Верую» бормочет.
Однако же спокойствие упрочит
Кропила взмах и звон колоколов.

О, как была, Венера, ты красива
В тот день, когда Амура родила!
Твои уста, прелестные на диво,
То глаз его касались, то чела.
В его чертах свои ты узнавала:
Он был, как ты, пленителен и мил.
И слабого младенца ты качала
(Вселенную он скоро покори).
Три грации спешили сделать ложе
Для малыша из миртов и лилей;
Зефиров рой поторопился тоже
Умерить жар полуденных лучей.
И на губах кудрявого ребенка
Лукавая улыбка расцвела.
По ней судить, Киприда, ты могла
О будущем... Играючи, ручонка
Коснулась белой, словно снег, груди.
Он дрыгнул пухлой ножкою, гляди!
Бессмертные, при вести о рожденье,
Полюбоваться вами собрались.
У ложа твоего они сошлись
Толпою в молчаливом восхищенье
И улыбались сыну твоему...

Но все на свете бренно, о Киприда!
Картину эту — горькая обида! —
Разбили люди, бог весть почему
(Кисть Зевксиса ее нарисовала,

Мое ж перо лишь робко подражало).
Картина поклоняются другой:
Вот старый плотник с юною женой;
Убогий хлев, несвежая мякина,
Кормушка заменяет колыбель...
Кто же обступил ту жалкую постель,
Где спит дитя Марии? Лишь скотина:
Мычащий бык, жующий жвачку вол,
Ревущий оглушительно осел;
Да три волхва, три черных, словно сажа,
Благоговейных молчаливых стража,
Которых свет звезды туда привел.

Две разные картины эти все же
Между собой в какой-то мере схожи:
Вулкан, Иосиф — хмурые мужья —
Играют роль свидетелей, не боле.
Они отцами стали поневоле,
Сидят в углу, досаду затая.

Напрасно пляшет Момус со свирелью:
Печален мир, в нем места нет веселью.
До смеха ли, когда всех пекло ждет?
Куда серьезней стали люди... Четки
Сменились вдруг на бубны и трещотки.
Иеремии плач — взамен острот...
Разительна такая перемена!
Венками роз увитое чело
Усыпал прах... Ведь все на свете тленно,
До смеха ль тут? Вздыхают тяжело.
Взгляните: со святой водой кропило
Жезл Бахусов успешно заменило.
Увы, Силен, к чему твои дары?
Забыли мы про Комуса пиры
И предпочли румянцу Пресыщенья
Унылый пост и чахлое говенье.

Красавицы, отрекшись от утех
И позабыв, что есть на свете смех,
Вздыхают безутешно у распятия:
Грешны и поцелуи и объятья.
О ласках как ни стосковалась грудь —
О них теперь и думать позабудь,
Перебирай рукой прилежной четки!
Пусть градом сыплются удары плетки
На тело молодое, хоть оно
Нежнее шелка и белее снега
И благовоньями умашено.
К пуховикам уже не манит нега:
На голых досках — грубое сукно...
Беги, Венера! Как тебе не злиться?
Твой пояс заменила власяница...
Закон наш строг, ему не прекословь!
Три грации, вы изгнаны, бегите!
Соперницам счастливым уступите!
Их звать: Надежда, Вера, и Любовь.

«Как молятся Христу они слезливо!
Их племя скудоумно и трусливо.
Каков их поп, таков же и приход! —
Сказал Юпитер. — Без сопротивления,
Благословляя рабство, сей народ
Надел ярмо, выносит притесненья.
И тянется к пощечине щека,
И ждет спина покорно тумака...
Они тиранов терпят без роптанья,
И Константин имеет основанья
Хвалить удобства новой веры сей,
Вошедшей в моду. Он теперь, злодей,
На мягком ложе мирно поживает...
Ему кровь сына руки обагрят;
Жену свою он в ванне утопил,
Зятьев своих обоих удушил
И кинул псам тела на растерзанье,
Но совесть не казнит за злодеянья,

И сладкий сон глаза его смежил...
 Тигр этот спит, о мщенье Немезиды
 Не думая... Его небесный гром
 Не поразил! Летите, Эвмениды,
 Чтоб исклестать отступника бичом!»

Он рек, и вот ужасные богини,
 Вооружась бичами и шипя,
 Виновного толпою обступя,
 Готовятся карать за грех гордыни.
 Над головами змеи сплетены;
 Зловещие, они озарены
 Кроваво-красным зыблущимся светом,
 И тени жертв являются при этом.

Но Константин, зевая, им сказал:
 «Вы опоздали, милые старушки.
 Меня страшили ваши колотушки
 В былые дни; пребольно бич стегал.
 В те времена изрядно тяготили
 Меня грехи; язычников жрецы
 Их не хотели отпускать, глупцы,
 А христиан жрецы мне все простили.
 Пронырливы, лукавы и умны,
 С Евангельем они мне царство дали.
 Я принял дар, понятно, без печали.
 С тех пор угрозы ваши мне смешны».

Вот захотел сыночек Кифереи
 Испробовать на людях страсти яд.
 На крыльях ветра мчится наугад,
 Стрелы, из лука пущенной, быстрее.
 Внезапно он замедлил свой полет:
 Вот юноша и девушка верхами...
 «Отлично! — он промолвил, — мне везет!
 Таиса, ты — как роза меж цветами;
 Дабы любить, ты рождена на свет:
 Понравиться легко в шестнадцать лет.

Ты, Элином, чувствителен, послушен;
К такой красе и ты равнодушен
В осьмнадцать лет... Куда же вам спешить?
А, понял я! Вы молоды, богаты,
Для вас готовы брачные палаты,
Но вы Христа решили возлюбить
И удалиться навсегда от мира,
Дабы своей души не погубить
(Родители доселе чтут кумира).
Бежать в пустыню — это ничего;
Но, вздумавши отречься от всего,
Вы возомнили, пылкостью влекомы:
«Святыми станем быстро и легко мы».
Таков ваш план; но у меня есть свой.
Одежду ты напялила мужчины,
Красавица; для хитрости такой,
Наверное, имеются причины.
Но тонкий глас тебе природой дан,
От визга ты не можешь удержаться:
Выскальзывают ножки из стремян...
Недолго это будет продолжаться.
Посадка неуверенна твоя,
И белой ручкой, милая моя,
Ты предпочла не за уздечку взяться,
А за луку высокого седла...
Не думаю, дружок, чтоб ты могла
В одежде этой усидеть на кляче.
Нет, путешествуй как-нибудь иначе!»

Кольнул Амур невидимой стрелой
Бок скакуна; карьером тот пустился,
И на земле внезапно очутился,
Слетев с него, наш всадник молодой.
Оправившись от первого испуга,
Встает Таиса, вознося хвалу
За то, что так мягка трава, упруга
И что Господь не дал свершиться злу.
Красавица впадала в заблужденье:

Амур один причиной был спасенья.
Дабы беду в дальнейшем отвратить,
Два путника, подумавши немного,
Одно седло решают разделить
И вновь шажком пускаются в дорогу.
Но исподволь свершает Купидон
Свой замысел, и на ногах поджилки
У Буцефала ослабляет он.
Споткнулся конь, и без того не пылкий.
Споткнулся вновь, усталостью разбит...
Таиса (позади она сидела)
В небрежности товарища винит
И говорит: «Послушайте, в чем дело?
У вас совсем к узде вниманья нет!
Попробуйте исполнить мой совет:
Давайте поменяемся местами.
Так будет лучше, убедитесь сами!»

Вот пересели; видят — Буцефал
Тотчас же спотыкаться перестал.
Таиса простодушная довольна,
Но Элиному за ее спиной
На крупе неудобно, и невольно,
Чтоб отыскать опору, наш герой
Ее груди касается рукой
И спутницу в объятиях сжимает,
И у обоих сердце замирает,
Хоть чистота и обитает в нем.
Да, нелегко святыми быть вдвоем!
Влечет к мечтам такая позитура.
И путники, по прихоти Амура,
Во власть соблазна сразу же попав,
В волненье сладком млели и мечтали
И обо всем на свете забывали,
Но крест, глазам нечаянно представ,
Их помыслы внезапно очищает
И набожность в сердца их возвращает.
«Наш замысел похвален, Элином,

В том спору нет; но мы с дороги сбились
И роскошью чрезмерною прельстились.
Мне кажется, отшельники верхом
Не ездили; об этом я читала.
Пешком идти нам более пристало». —
И продолжают путь они пешком.

Без отдыха идут они часочек,
Утомлены; увидели лесочек
И думают: «Теперь мы отдохнем».
Амур хитро расставил им ловушки:
Там лег травы заманчивый ковер,
Прохлада, тень, и у лесной опушки
Ручей, струясь, увеселяет взор.
С деревьев там свисают апельсины,
И финики там зреют, и маслины,
И ананас — сей ароматный плод,
И смоквы рдеют, сладкие как мед.
Понравилось, конечно, это место
Двум путникам — ведь их жара гнетет,
И Элином, касаясь легким жестом
Лба девушки, с него стирает пот;
Нарвав плодов, принять в подарок просит;
Она ко рту с улыбкой их подносит
И, откусив, ему передает.
Затем они с развесистого клена
Срывают лист широкий и зеленый;
Его свернув как чашечку, друзья
Им черпают из быстрого ручья,
Из этого бокала пьют со смехом...

Лукавый бог обрадован успехом
Замысловатой хитрости своей.
Чтоб одержать победу поскорей,
Он посылает пару голубей...
Ну кто ж не знает нравов и привычек
Хорошеньких и томных этих птичек,
Их грацию, игру их меж собой,

И легкое их крыльев трепетанье,
 И горлышек их нежное клохтанье?
 Им подражаем мы наперебой.
 Что за игра! Она бы страсть вдохнула
 И в статую... Невинная чета
 На голубей воркующих взглянула
 (Амур послал их, видно, неспроста),
 И вновь забыли оба про Христа...
 Нечаянно Таиса наклонилась,
 Нечаянно затем облокотилась
 На друга, чья нескромная рука
 Нечаянно по прелестям блуждает
 И стройный стан Таисы обнимает,
 Сперва к нему притронувшись слегка...
 «Я победил! — крылатый бог решает. —
 Пусть прежде, чем отшельниками стать,
 Узнают, как им время скоротать».

Ошибся он: от церкви близлежащей
 Донесся вдруг звон колокола к ним
 И, словно глас, от Бога исходящий,
 Зажег сердца желанием другим.
 Забыв про чары сильные вначале,
 Спешат они от рощицы подале.
 Тогда Амур велел, чтоб Аквилон
 Грядую туч завесил небосклон.
 Ночь близится, и дождик льется... Скверно!
 Красавица огорчена безмерно
 И говорит: «Безжалостны вы к нам,
 О небеса!» Однако спутник верный
 Ее тревогу разделяет сам
 И делит плащ с Таисой пополам.
 Скользит она, хоть крепок локоть друга...
 Тогда ее он на руки берет
 И, бережно прижав к груди, несет.
 Вот перед ними жалкая лачуга...
 Им говорят: «Найдется лишь одна
 Здесь комнатка; годится ль вам она?

Ведь в ней одно-единственное ложе». Смушения Таиса скрыть не может.
«Не бойтесь! — восклицает Элином. — Вы ляжете, а мне довольно стула». И страх Таисы как рукой смахнуло. Хоть путники закутались плащом, Но все-таки промокли под дождем; Прилипла к телу мокрая одежда. Снимать ее — поймет любой невежда — Приходится друг другу помогать. Для скромности какое испытанье! Но, сократив немного описание, Соблазна мы сумеем избежать.

Красавица в постель одна ложится, И ждать себя не заставляет сон, А Элином на жесткий стул садится, Но отдыха там не находит он. Ему Амур коварный угрожает... «Ко мне, Борей!» И из полночных стран Борей на зов послушно прилетает И дует в щели, злобой обуян. На юноше надета лишь рубашка, И вскоре холод члены оковал. Он, весь дрожа, зубами застучал... Послышалось, как он вздыхает тяжело. «Ты нездоров? Да ты озяб, бедняжка!..» Окоченев, безмолвствует герой. «Увы, зачем не вместе мы с тобой? Я сном была, беспечная, объята, Ты ж замерзал; я в этом виновата».

И к юноше, вся — нежности порыв, Она спешит, с постели соскочив. Рук ледяных коснувшись сначала, Затем — груди, Таиса прошептала: «Ты жив еще! Ты дышишь, милый друг! Иди сюда! Излечит твой недуг

Тепло моей нагретшейся постели».
 И вот они легли в одну кровать...
 На милосердье надо уповать:
 Красавице не стыдно, в самом деле,
 Прижалась крепко, словно жар горя.
 Так некогда еврейка молодая
 Делила ложе старого царя,
 Теплом своим его обогревая.
 Греха тут нет, но юношу согреть
 Приятней, как на это ни смотреть.

Лекарство это вылечило живо
 Болящего, и даже ощутил
 Внезапно он избыток новых сил...
 Промолвила Таиса боязливо:
 «От страха я чуть-чуть не умерла,
 Но нас рука Всевышнего спасла.
 И в будущем она придаст нам силы.
 В пустыне жить мы будем до могилы
 В двух келейках, воздвигнутых рядом,
 И садик наш возделаем вдвоем...
 Ужель меня покинешь ты, мой милый?» —
 «Нет, никогда! — воскликнул Элином. —
 Тебе я — брат, а ты мне будь сестрою!
 Для нас жить врозь — мучение, не скрою.
 Быть одному опасно, говорят,
 И тягостно; не лучше ль во сто крат
 Спасаться нам в одном и том же месте?
 Мы дружбою наш осветим приют
 Нежнейшею; святыми нас сочтут,
 И чудеса творить мы будем вместе;
 Умрем, и вместе похоронят нас,
 И вместе в рай мы попадем тотчас!»

Отшельники, возжаждавшие схимы,
 Из чувства дружбы за руки взялись,
 Из чувства дружбы крепко обнялись.
 Вздымались груди, сладостно тесными...

Амур уже готовит им подвох:
Уже горит в крови огонь желанья,
Уже Таисы робкое дыханье
И Элинома непорочный вздох
Сливаются, застигнуты врасплох;
Уж поцелуй обжег уста... Но (кстати ль
Для них, а также для тебя, читатель?)
Пропел петух, дремавший до утра.
Не больше произвел бы впечатленья
И гром с небес: раздавшись трижды, пеньё
Напомнило апостола Петра,
Напомнило тройное отречение.
От крика непоседы петуха
Проснулось в них сознание греха.
Покинув ложе, стали на колени,
Лоб осенили знаменьем креста;
Молитву повторяют их уста:
«Спаси нас от бесовских наваждений!»
Амур в досаде прочь от них летит,
Пожаловаться матери спешит.

Так ловкий вор, покуда тьма ночная
Еще царит, тихонько лезет в дом,
Вооружась отмычкой, тайком.
Вот, поглядев с опаскою кругом,
Крадется он, на цыпочках ступая.
Уже рука нащупала сундук...
Но, на беду, тут раздается звук,
Шаги и кашель в комнате соседней:
Скупец не спит, и есть слуга в передней.
И, не успев на золото кинуть взор,
Во все лопатки удирает вор.

Так хитрый волк, в лесной скрываясь чаще,
Глядит на двух резвящихся ягнят.
Они играют, прыгают, шалят...
Следит за ними волка взор горящий.
Приблизились... Волк, жадностью объят,

Кидается: кусочек больно лаком!
Но в тот же миг бежит к нему пастух,
Бросает камни, «пиль!» кричит собакам.
Волк вынужден спастись во весь дух.
Ягнята мчатся к матери в саду,
А волк в кустарник прячется густой
И, блеянье услышав за рекой,
Лишь лязгает зубами, скрыв досаду.

Блюди, пастух, блюди свое добро!
Не следует, чтоб скромное перо
Нескромные картины рисовало:
Загрызть ягненка волку не пристало
В моих стихах, сплетаемых хитро.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

*Волишебный фонарь.
Успехи христианских богов.
Выказанный ими ум и счастливые последствия
от сего.*

«О ангелы, чья доблестная рать,
Во исполнение воли Константина,
Мне помогла Олимп завоевать,
Поставьте здесь престол для властелина!
Юпитера величественный храм
Отныне станет отделеньем рая.
Во избежанье скуки, здесь и там
Мы будем жить, забот уже не зная.
Соперники надеются вотще
На помощь, на успехи вообще.
Своей победой наслаждайтесь смело,
В предчувствии великого удела.
Во тьму времен я властен проникать.
Вы заглянуть в грядущее хотите,
Провидцами желаете ли стать?
Приблизьтесь же, на землю посмотрите:
Намерен я завесу приподнять».

Глаголал так бог христиан, воссевши
На облако в величии своем,

Языческим Олимпом завладевши,
 И глас его зарокотал как гром;
 Послышалось три разных тона в нем.
 Грядущее увидеть всем охота,
 И ангелы слетаются без счета,
 И взор на землю каждый устремил.
 Промолвил бог: «Архангел Гавриил,
 Твой чистый глас находят все приятным;
 Желаю я, чтоб всем ты объяснил
 То, что тебе покажется занятным.
 Как в зеркале, ты мир увидишь весь».

Гавриил

Преемник Константина здесь
 И двор его с гурьбой попов строптивых,
 Лукавых, злых и льстивых — их не счесть.
 Творцы всех смут, они владык трусливых
 Используют несправедную месть.
 Страсть к богословью всеми овладела,
 Ни до чего другого нет им дела,
 На полках фолиантов строй возник.
 Все заняты разбором, толкованьем,
 Подделкою или перевиранием
 Священных, хоть недостоверных книг.
 Где здравый смысл? Им все пренебрегают,
 И длится спор, а из полночных стран
 Вдруг варвары, как дикий ураган,
 Несметными ордами налетают,
 Империю они опустошают...
 Но для кого — спросите христиан —
 Ряды костров и виселиц готовы,
 И плахи, и темницы, и оковы?
 Для варваров? О нет, для ариан.
 Кровавое, слепое исступленье!
 Взгляните: нивы заросли травой...
 Любуйтесь на пожары, разрушенья,
 Насилия, убийства и разбой,
 Младенцев неповинных избиенья...
 Все это — из-за слова одного!

Христос

Но для меня то слово много значит:
Ведь еретик в нем ловко ересь прячет.

Св. Гвенолий

Убейте всех!

Христос

Несторий — каково? —
Пустился в спор и смело утверждает,
Что по натуре я своей двояк;
Об этом же, собрав толпу зевак,
И вкривь и вкось Евтихий рассуждает.
Пусть я двояк...

Бог-отец

Ну и галиматья!

Христос

И в одного поверить нелегко им,
А в двух — куда ж? Но тут бессилен я:
Натура ведь у каждого своя.

Один из епископов

Убьемте всех и совесть успокоим.

Гавриил

Но вот опять там завязалась пря.

Бог-отец

Меж нами говоря,
Мой сын, они поймут тебя нескоро:
Неясен ты.

Христос

А вас постичь легко?

Бог-отец

Озlobятся — скажу вам на ушко —
Они вконец.

Христос

Известно, что мы — тайна.
Их любопытство дерзко чрезвычайно.

Гавриил

Вас все-таки постичь они хотят.
«Христос — в дарах!» — одни из них кричат.
«Нет, он — на них!» — другие голоса.
«Вокруг даров он!» — третьи говорят.
«Вы врете все! — четвертые вопят. —
Христос, вестимо, спрятан под дарами!»

Один из епископов

Убейте всех, и спорам всем конец.

Дух святой

Зачем же быть самим себе врагами?
Ведь диспуты им на руку, глупец!
Оспаривать возможно убежденья
Лишь силою, и мучеников рать
Досуг людей поможет нам занять.
Пусть Библии исследуют реченья,
В их тайный смысл вникая наобоум,
Чтоб изошрять свой любопытный ум.
Исчезните, о римские писаки,
Прочь с наших глаз, о греки-пачкуны!
Хоть молодежь любила ваши враки,
Но Библией они превзойдены.
У ног моих — премудрость вся людская.
Один я мудр, и нет меня мудрей.
Ливанский кедр я, выше и стройней,
Чем жалкая былинка полевая.
Извилистый и скромный ручеек
Течет привольно; быстрый же поток

Несется, ручейки все поглощая.
Ночь кончилась; горят лучи зари.
Погасните, о свечи, фонари
И факелы! Ваш слабый свет затмило
Сияние взошедшего светила!

Х р и с т о с

О Дух святой! У вас ума палата,
Да толку что? Любитель громких фраз,
Вы без конца впадаете в экстаз,
Но речь пуста, хотя витиевата.
Любую окоlesiцу — в псалом!
Чужд суесловью настоящий разум,
Он ясностью силен, а не экстазом,
Ни капли нет напыщенности в нем.

Г а в р и и л

Взгляните же, с какою быстротою
Растет монахов жадная орда!
В Египте, даже в Азии порою
Она плетет интриги без стыда.
С короною кlobук объединился
И в Грецию и в Галлию пустился.
В Италии, Испании, могуч,
То нагл и смел, законы он диктует;
То трусоват и робок, но живуч,
Везде проник и всюду торжествует.

Б о г - о т е ц (Христу)

Доволен ты?

Х р и с т о с

Я рад, что знак креста
Все новые народы побеждает.
Хоть скромн я, но все-таки снедает
Меня честолубивая мечта
И домогаться власти побуждает.

Дева Мария

Способствует немало слабый пол
Победам сим. Он многих к нам привел,
Восторги им суля за обращение,
Убийствам чужд, настойчив и лукав.
В объятиях Клотильды побывав,
Воспринял Хлодвиг таинство крещения.
И Англия сулит нам торжество:
Влюбленных легковых — большинство.
Вот красотой своей младая Берта
Рассеяла сомненья Этельберта.

Гавриил

Зачем их сын взошел на отчий трон?
Запретный плод срывает дерзко он,
Сестру берет в супруги без стеснения.

Бог-отец

Какой разврат!

Гавриил

Епископ принужден
Бранить его за грех кровосмешенья:
«Тебе придется жариться в аду!» —
«За пустяки? Тогда кропить довольно
Меня водой; уж лучше вновь пойду
К своим богам, чье сердце сердобольно».
И он Христу молиться перестал,
А вместе с ним народ забастовал.
Но охладел король к супруге вскоре.
К нему монах явился и сказал:
«Меня Господь сурово наказал
За ваше маловерие, о, горе!» —
«Возможно ли?» — «Увы, то не был сон.
Пришел апостол Петр, вооружен
Увесистой и суковатой палкой;
Исколотил меня нещадно он.
Вот синяки... Ужели вам не жалко?

Я пострадал, зато Господь отмщен». —
 «А ты не врешь?» — «Сочтите все ушибы!» —
 «Да, вижу я. Ну, в монастырь вернись
 И своему святому помолись:
 Пусть на меня не гневается, ибо
 От идолов я отрекись опять,
 К обедне вновь начну ходить исправно».
 И весь народ за ним вернулся вспять.

Бог-отец

Как? Колотить монаха? Презабавно!
 Поведай, Петр; ужель твоей клюкой
 Был сей монах избит ночной порой?

Апостол Петр

Да, Господи.

Бог-отец

Поступок нелогичный:
 Был виноват во всем король двуличный,
 Его и нужно было наказать,
 А не монаха.

Апостол Петр

Средство было смело,
 Однако же успех оно имело.

Бог-отец

Ну, ладно, ладно! В рай беднягу взять.

Гавриил

Вот Карл Великий — чуть не прозевали!
 Творить умел он тоже чудеса
 Не хуже этих... Забрались в леса
 Саксонцы и креститься не желали:
 Их заблужденьям не было числа;
 Часть этого упрямого народа
 Он истребил за два или три года;

Другая часть крестилась и легла
К его стопам, их иногда кусая.
С мечом в руках он воздвигает крест,
И грабит, и сжигает все окрест,
Всех непосильной данью облагая.
Вот альбигойцы из соседних мест...

Весь клир

Убейте их! Искорените ересь!

Гавриил

Раймонд, спасти их души вознамерясь
(Хотя им всем погибнуть суждено),
Боролся с Римом. Но уже давно,
Согнувши выю, ставши на колени,
У папских ног вымаливает он
Прощение... Он папою прощен,
Хотя его и разорила пеня.

Испании отдельно честь воздам!
Религия неумолимо-злая
Особенно неистовствует там,
Всеобщее вниманье привлекая.
Там не спешит ревнитель веры в бой,
С оружием идя навстречу смерти;
Войны там не ведется никакой,
Нет никаких опасностей, поверьте!
Там убивать не любят второпях,
Убийцы величавы и суровы.
Вот собрались служители Христовы
Двумя рядами, в длинных стихарях.
Богатые жида, а также мавры,
Опять-таки богатые вельми,
Еретики с их женами, детьми,
Закованы, шагают под литавры.
И палачи, блюдя церемоньял,

Их на костры торжественно возводят.
Поют Те Деум*; на балконы всходят
Король и свита, и гремит хорал.
Ханжи из ближних делают жаркое,
И смрад костров заменит фимиам...

Б о г - о т е ц

Принять ли поклонение такое?

Х р и с т о с

Ну, придираться нечего к друзьям,
Которые в усердьё слишком рьяны.

Г а в р и и л

От казней этих богатеет Рим;
Все новые, обширнейшие планы
Лелеет он, тщеславием томим.
Стремится европейские пределы
Поработить, чтоб замки и уделы
Навек к монахам перешли простым.
Пришел из Палестины пилигрим;
К местам святым зовет на поклоненье,
Места святыя славословит он;
Их, дескать, взяли нехристи в полон,
Места святыя ждут освобожденья...
На Азию Европа поднялась:
Спешат в поход крестьяне, горожане,
И дети их, и жены, и дворяне,
Нашив на платье крест и помолясь.
Охотно крест убийца нацепляет:
Преступникам прощенье он дарит,
От долга должника освобождает
И все грехи заране отпускает;
На небесах за теми, кто убит,
Он теплое местечко закрепляет.

*Тебя, Бога, [хвалим] (лат.).

Но крестоносцы по уши в долгах;
 К кому ж, как не к монахам, обратиться?
 И за гроши пронырливый монах
 Скупает все, не прочь и побожиться:
 «Внакладе я, ей-ей, не в барышах!»
 Прощайте, родовые замки, башни,
 Угодия: леса, луга и пашни,
 Все без остатка церковь поглотит.
 О рыцари! Вам не нужны именья,
 Вас Азия обширная манит.
 Она по праву вам принадлежит:
 Провинцию получит во владенье
 Любой из тех, кто знатен, именит.
 Там офицеры станут королями,
 Солдаты станут графами, князьями!

Бесстыдные блудницы и плуты,
 Фигляры, скоморохи и шуты
 Отважных рыцарей сопровождают.
 Идет молва о воинстве креста:
 Сменяют там обжорством дни поста,
 Хулу вслед за молитвой изрыгают,
 Евреев убивают, басурман,
 Для выкупа хватают христиан,
 Идут в собор, запачканные блудом,
 И на грабеж спешат от алтарей;
 Насилуют и женщин и детей,
 Терзаемые похотью, как зудом.
 Йерусалим взят — новая резня...

Бог-отец

Вот зрелище! Смотрите, как рыдают
 В одних сорочках женщины, стена.
 Убийцы из окошек их кидают
 На улицу, где копья ожидают,
 И груды тел растут день ото дня.

С в. К а р п

Где ж видано, чтобы жидов жалели?

С в. Г в е н о л и й

Их заживо сжигают, в самом деле.

Г а в р и и л

Взгляните, как из чрева матерей
Вырезавают маленьких детей.

Д е в а М а р и я

Вот ужас-то! Как это вы стерпели?

Б о г - о т е ц

Таков обычай набожных людей.

Г а в р и и л

Хватает деву юную злодей
И страсть свою бесстыдно утоляет,
Затем кинжал ей в сердце погружает...
Как, эту жертву Богу предлагать?
Замаранный и кровью и развратом
Господень гроб идет освобождать.

Х р и с т о с

Я победил! Хоть и людьми и златом
Европа обеднела на века —
Свободен гроб мой! Этим результатом
Доволен я.

Б о г - о т е ц

Теперь нет уголка,
Где б новые порядки не вводились:
Эммаус, Кана сразу превратились
В баронство или даже майорат.
Капернаум стал графством, говорят...
Привет, привет, виконт Иерихонский,
Князь Вифлеемский, герцог Елеонский!

Святой Дух

О Магомет! Не спас ты басурман:
Кто верх берет? Тиара, не тюрбан.

Гавриил

И как еще! Она свои владенья
Расширила, сумела сохранить,
Сумела всю Европу расчленишь,
Посеяв в ней и смуты и волненья,
И над царями начала царить.
Смиранный пастырь и служитель Бога
Владыкой стал, и у владыки много
Детей внебрачных, фаворитов, шлюх...
Их содержа, народ бранится вслух.

Христос

Какой контраст! Я нищим был когда-то,
Наместник мой живет весьма богато.

Св. Пётр

Хотя себя сметливым я считал,
Давно меня преемник обогнал.

Гавриил

Вот Александр, любивший сладострастно
Родную дочь. Чтоб ею обладать,
Убил он зятя: «Сам себе я зять!»

Бог-отец

Да, папы страсть поистине ужасна.

Гавриил

Но ко всему успел привыкнуть Рим.
Соперничать два сына стали с ним.

Дева Мария

О, грех какой!

Бог-отец

Хм... Вот как? Это ново.

Гавриил

Брат-кардинал терпеть не мог другого
(Тот — герцог был). И началась война:
Взгляните-ка: брат брата отравляет,
С отцом любовь сестрицы разделяет...

Бог-отец

Красива ли плутовка?

Гавриил

Недурна.
Священники, епископы, прелаты,
Каноники, бельцы и чернецы
Греховными желаньями объаты,
Увидевши такие образцы.

Христос

В чем, собственно, утехи их?

Гавриил

Дворцы,
Любовницы, алмазы и рубины,
Игра, охота, статуи, картины,
И скачки, и смазливые юнцы.
Богатства их не мог бы сосчитать я;
Но прихоти да и наложниц платья
Обходятся так дорого — беда!
Безденежье их мучает всегда.
Установить, однако, им нетрудно
Мзду новую иль подать на грешок,
И снова их наполнен кошелек.
Приехав в Рим с мощной довольно скудной,
Скупает там монах-иезуит
И ладанки, и крестики, колечки,
И отпущенья папские, и свечки;

И грешникам, которых ад страшит,
Втридорога перепродать спешит.
Мошенничеством Лютер недоволен
И голосит: «Торг этот недозволен!»

Один из епископов

А, протестант? Убейте, черт возьми!
Пр-роклѣтье им!

Гавриил

Упущен час, пойми.

Весь клир

Убейте все ж!

Гавриил

Однако убивают
Уж ряд веков; пора и честь знать.

Весь клир

Ведь надо ж победителями стать!

Гавриил

Не удалось: Европой обладают,
Помимо папы, Лютер и Кальвин.

Дева Мария (*Христу*)

Мы людям стоим дорого, мой сын!

Один из кардиналов

Одно меня немного утешает...

Другой кардинал

Ага! Варфоломеевская ночь?

Весь клир

О дивная!

Г а в р и и л

Еще вознаграждает
Испанцев пыл: кровь проливать не прочь,
Спешат они открыть для этой цели
Америку: индейцы там доселе
Не знают вас — какой великий грех!

Х р и с т о с

Крестите их.

Г а в р и и л

Уже убили всех.
Во имя ваше льется кровь людская
Повсюду, вплоть до самого Китая.
Тот — убивает, этот — умирает...
Все — в вашу честь, от края и до края.

Д е в а М а р и я

О, сколько жертв! Какая в том нужда?
Как много крови пролито напрасно!
Не лучше ли — со мною вы согласны? —
Не делаться богами никогда?

Б о г - о т е ц

Философов читаете? Давно ли?

Д у х с в я т о й

Ошиблись вы. Нельзя давать им воли.
Все это — наши ярые враги.
Коль прояснятся у людей мозги —
Мы задрожим при имени деистов;
Вы знаете: их дерзкий нрав неистов.

Х р и с т о с

Ай-ай! Молчите!

Д у х с в я т о й

Всюду и везде

Бог истинный, хотя его нигде
Не увидеть... Мы ж — выдумка людская,
Мы — сказка, мы — побасенка пустая...
Сомнение развеет нас, как дым.

Христос

Долой сомненье, и неверье — с ним!
Слепая вера разум уничтожит,
Невежество власть нашу приумножит.

Дух святой

И Библия.

Бог-отец

А ежели совсем
Ложь с разумом соперничать не сможет —
Что делать нам?

Дух святой

Тогда вновь станем тем,
Чем были мы, иль попросту — ничем.

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

*Минерва рассказывает о том, что она видела,
посетив богов разных народов.
Скандинавские боги приходят на помощь языческим.
Ночное времяпровождение
в женском монастыре.*

Я домосед: по целым дням сижу
У камелька, и уголья мешаю,
И все-таки от холода дрожу,
И скверную погоду проклинаю.
И так часы проходят в болтовне...
Когда же ночь напоминает мне,
Что спать пора, и я ложусь послушно
В свою постель, напившись колпак,
И на меня за маком новый мак
Роняет из охапки сон воздушный —
На крыльях сна далеко я лечу:
Как Тавернье, я странствую повсюду.
Народов всех, каких ни захочу,
Выдумываю нравы и причуды.
На островах Таити задержусь,
Недолго над Японией витаю,
Затем в Китай легко переношусь
И в Грузию с рассветом прилетаю.
Два слова: «женщина» и «красота» —
Сливаются в одно и то же слово

На языке грузин; моя мечта —
Остаться там, но я — в Париже снова.
О, если бы на небеса, к богам
Сон перенес меня в часы досуга
И, странствуя от севера до юга
С Минервою, все видел бы я сам!

Минерва начала повествование:
«Бессмертных небожителей собрание
(Вы слыли таковыми до невзгод),
По-вашему, я очень задержалась?
От нетерпенья это показалось.
Сейчас вы мой услышите отчет.
На полдень я направила полет
И встречена была богами Нила.
Им вовсе неохота воевать;
В бою поддержки можно ль ожидать
От Аписа-быка, от крокодила,
От аиста, от кошки, от жука?
Лечу оттуда в Сенегал: река,
По берегам — священные дубравы,
А в них — неядовитые удавы.
Там нечего мне делать, и лечу
Над Африкой я далее... Но — чу!
Вот подо мной забавное собрание
Жестянок, блях и всяких пустяков;
И все это — предметы почитанья:
Там негры сами делают богов.
Встав поутру, присядут за порогом;
Затем они глядят по сторонам,
И первое, что предстает глазам,
Становится их амулетобогом.
До вечера кадят ему; глядишь —
День кончился, и выброшен фетиш.
А завтра, начиная все сначала,
Они обожествляют что попало.
Но по ночам — безбожники они.

От новоявленной такой родни
Я уношусь и вижу панораму:
Богов индийских предо мной семья.
На старшего из братьев, то есть Брамму,
Не очень-то рассчитывала я:
Создателю вести войну негоже.
Бог Вишну воевать не любит тоже,
Заботиться он должен обо всем.
И Шиву я на помощь приглашаю.
Он рек: «Я все охотно разрушаю
И был бы рад помериться с врагом.
Но, видишь ли, нельзя оставить Брамму —
Бесстыдник он: не оберешься сраму!
Тебе его характер незнаком.
На матери он собственной женился
И сделался сестры своей отцом;
Дочь подросла — он и в нее влюбился.
Однажды я по делу отлучился,
А старикан дочурку подстерег
В лесу; она в испуге убегает.
Оленем став, и резв и быстроног,
Кидается он вслед и догоняет;
Догнав — над ней насилие учиняет...
Хочу за честь племянницы отомстить
(Хоть Вишну и советовал простить,
Его натуре ненавистна кара).
У Браммы, как известно, пять голов;
Слетела с плеч от моего удара
Одна; четыре же без дальних слов
Я отхлестал за эти похождения.
Но коль покину я свои владенья,
То примется вновь Брами за свое,
А Вишну той порой починит все,
Что я разрушил... Нужно мне, богиня,
Остаться дома. Верь, мне очень жаль
(Не удивит тебя моя печаль),
Что не могу я уничтожить ныне
Твоих врагов и всех вас заодно».

Да, свойственны ему такие речи,
И обижаться было бы смешно.
В дальнейший путь, в надежде новой встречи,
Пускаюсь; но в Японии опять
Меня постигло разочарованье:
Там божества — породы обезьянней,
Уродство их мне трудно описать.
Приветствовала новых я собратий;
Ответом было множество гримас.
Поведав о беде, постигшей нас,
За красоту их похвалила кстати.
Внимательно прослушав мой рассказ,
Вновь эти боги начали кривляться,
И прыгать, и скакать, и кувыркаться;
Затем, приняв величественный вид,
Мне старшая кривляка говорит:
«Вас выручить могли бы мы, положим,
Да времени нет лишнего у нас.
С утра торчим мы в храмах; ни на час
Мы отойти от алтарей не можем.
Подохнуть от тоски немудрено!
Коль, одурев от скуки, мы задремлем,
То нас трясут, и вот мы снова внемлем
Молитвам, надоевшим нам давно.
Хоть кормят нас, могу сказать, изрядно,
Но пичкают конфетами нещадно.
Коль не съедем — зовет к нам докторов
Толпа благочестивых дураков.
От них порою убегаю вскачь я...
Хоть боги мы, но жизнь у нас собачья».
Промолвив это, сделала прыжок
И от меня пустилась наутек.

К другим богам я было полетела,
Однако же успеха не имела.
Я видела в одном из уголков
Два дряхлых и заброшенных начала

Добра и Зла, а дальше повстречала
Донельзя непристойных двух богов:
То были просто символы полов.
Огромные, они стояли прямо,
Как два тюльпана, в волнах фимиама.
Мне нечего богине было дать,
А бога дар я не могла принять.
На север я Европы полетела,
Там Одина могучего узрела
И у него поддержку обрела.
Он любит нас и помощь обещает,
За мною вслед с войсками поспешает.
Мы спасены, Юпитеру хвала!»

В то время, как Минерва речь кончала,
Рог затрубил и забряцала сталь.
То с севера к ним конница скакала.
Ее ведет воинственный Геймдаль,
Чье бдительно и неусыпно око.
Он, между прочим, видит так далеко,
Что и с небес (так говорит молва)
Жемчужин рост заметит между створок
В глуби морской — вот до чего он зорок!
А слухом ловит, как растет трава,
Как вырастает за ночь шерсть овечья...
Куда там слух и зренье человечьи!

По длинному, широкому мечу
(Не каждому он будет по плечу),
И по насупленным бровям, по росту,
По увенчавшим голову рогам,
По молнии в руке довольно просто
Все узнают, что это — Один сам.

Тор, сын его, храбрец, тучеводитель,
Ветров и бурь воинственный властитель,
На колеснице мчался, в бой готов;
Она влекома парюю козлов.

В его деснице молот сжат чугунный,
Наводит страх сей молот на врагов
Не менее, чем Одина перуны:
Оружие, нехитрое на взгляд,
Сразив врага, летит опять назад.
Волк Фенрис тут: с цепи его спустили.
Нигде его страшней нет: всех осия,
Он может всю вселенную пожрать.

Три девы (их валькириями звать,
То сестры Тора) смело гарцевали
Верхом на белоснежных скакунах,
В доспехах белых, в белых шишаках,
И золотые копья их блистали.
За ними многочисленная рать
Богов второстепенных выступала.
Их вид свиреп, их мужественна стать.
Воители, кем славится Валгалла,
Под знамя Тора собрались. Любой
Из этих славных воинов — герой.
Не любят слабосильных скандинавы,
Их рай — для тех, кто в битвах ищет славы.
Там пола женского в помине нет,
Наложен там на прелести запрет.
Туда ни трус, ни воин посрамленный,
Бежавший с поля брани, не войдет,
Ни тот, кто от хворобы злой умрет,
Ни старец, грузом лет отягощенный.
Позор тому, кто смерти дома ждет!

Изгнанники построились для встречи,
Приветственно раздался гром фанфар,
Но слышались невежливые речи:
«Последний выпьют варвары нектар!»
Юпитер сделал знак; все замолчали.
Союзников торжественно встречали.
Команда раздается: «На кра-ул!»
Бьет барабан, склоняются знамена...

Юпитеру приветливо кивнул
Сам Один, этой встречею польщенный,
И руку подал: «Здравствуй, старина!
Друзьями будем. В бой без промедленья!
Где тут враги? Мы завтра ж, без сомненья,
В твоём дворце отведаем вина».
Но скандинав забыл: мудрец умерен,
Не следует ручаться ни за что.
Он мнил — не победит его никто.
Меж тем Приап, своей присяге верен,
Религии оплотом вскоре стал;
Успех его усердье увенчал.
Он проповедовал повиновение
Чиновникам, вельможам, королям
(Тиранам даже), судьям и князьям;
А потому снискал благоволение
Чиновников, вельмож и королей.
И множилось число монастырей,
И воздвигались пышные соборы...
На алтаре, забыв былые споры,
Весьма довольна глупостью людской,
Вкушала снова Троица покой,
Грядущее величье созерцала,
Могуществом довольная втройне.

Святая дева весело болтала
С Панфером и другими в стороне
И будущее с ними обсуждала.
Ей до смерти хотелось бы узнать:
В монастырях — какие развлечения?
И тягостно ль монахинь заточенье?

«Я вам могу об этом рассказать, —
Шепнул Панфер. — Мне снился этой ночью
Забавный сон: увидел, как воочью,
Я все, интересующее вас.
Приснилось мне, что я — смиренный инок,
Попавший в монастырь визитандинок.

Вечерня уж окончилась; сейчас
Узнаем, спят ли сестры? С этой целью
Из кельи я заглядываю в келью.

Урсула первую предстала мне...
В волнение ты, прелестная Урсула?
Не демона ль ты видела во сне?
Но почему так сладко ты вздохнула?
То ангел был, не демон... Вижу я,
Понравилась тебе такая греза.
И томен взор, и сладострастная поза.
Тебе блаженства тайного секрет
Уже поведал ангел, спору нет.

Гортензия! Зачем ты одеяло
Откинула? Его не отстраняй!
Не нужно, чтоб рука твоя блуждала!
Сперва груди коснулась невзначай
Атласно-гладкой юная черница,
И вот уже... Ну, можно ль так забыться?
Не смей шалить! Сокровища любви
Не трогай и цветка ее не рви!
Под алебастром там эбен таится
И розы распускается бутон...
Пока еще не раскрывался он,
И гибкий пальчик ищет наслажденья
В запретном для него прикосновенье.

К Цецилии спешу из кельи сей.
Хоть ночь длинна — роман еще длинней.
Евангелие любви она читает,
И грезит, и на ус себе мотает.
Скучающим в таком монастыре
Природу может заменить искусство.
Я безделушку вижу на ковре:
Она разгорячает Зои чувства.
Вот на киоте, рядышком с Христом,
Стоит сосуд с мягчайшим молоком...

Поздравим же находчивую Зою!
Любовник скромн, он всегда с тобою
И обмануть не сможет нипочем.

Ты пишешь, Клара? Милому, конечно?
Послушаем! «Жестокий мой отец
Нас разлучил насильно — о, глупец!
Но я — твоя, твоею буду вечно.
Моей душой твой образ завладел.
Жар первого не стынет поцелуя...
О, жизнь моя! Любить — вот мой удел,
Тебя, тебя любила и люблю я».
Несчастная! В то время, как в слезах
Ты изливаешь страсть свою и горе,
Утешился (иль это будет вскоре)
С другою твой любовник-вертопрах.

Агнеса, ты от этих дев отлична,
И твой ничем не нарушаем сон
(Предшествуем молитвой жаркой он).
В пример Агнеса ставится обычно
Черницам всем: ведь каяться в грехах
Не устает в течение всей недели.
Что за грехи? Не спрашивайте, ах!
Понежилась немножечко в постели,
Молясь — свое вниманье отвлекла,
Слова любви во сне произнесла,
Иль в зеркальце нечаянно взглянула,
Иль чуточку без умысла вздохнула
При мысли, что любовь, а также брак
Отныне недоступны ей никак,
И странное волненье испытала,
Когда о счастье этом возмечтала.
К подобным прегрешениям привык,
Перебирает четки духовник,
Молитву по-латыни он читает
И грешницу великую прощает.

Не все монашки, впрочем, таковы,
Как та Агнеса кроткая... Увы,
В ином грешке труднее им признаться,
Чем от грешка такого удержаться.
Но можно все рассказывать друзьям;
И слышал я, как три молодых черницы
Друг другу признавались, баловницы,
В наклонностях и слабостях; и вам
Я исповедь Анжелы передам.

«К несчастью, Флорваля я любила,
Ждала, чтоб церковь нас соединила...
Зачем скрывать привязанность свою?
Как сладостно проговорить: «Люблю!»
Само собой сорвется это слово
С влюбленных уст, восторга не тая.
Как передать Флорваля упоенье?
К моим ногам упав, он в восхищенье
Проговорил: «Ангела, жизнь моя!
Владычица и сердца и свободы!
Ты видишь: я от страсти изнемог.
Скажи: ужель мне только через годы
Любви твоей достанется залог?»
Я промолчала... Ах, скажу вам честно:
Его порыв был так неудержим!
Молчанье — знак согласия, как известно,
И он тотчас воспользовался им...
Да, я была весьма неосторожна,
И счастья мне обманчивого жаль.
Забыть тебя? Но это невозможно,
Неверный мой, любимый мой Флорваль!
И вскоре он нарушил обещанья...
Я брошена... Суди его, Христос!
Забыть его, забыть его лобзанья
Пыталась я напрасно. Много слез
Я пролила; все стало мне противно.
В монастыре, средь набожных сестер,
Решила скрыть я горе и позор.

Желанье было тщетно и наивно.
Уносит время радость и печаль,
Меня бы утешенье не минуло...
Найду, кем заменить тебя, Флорваль!»

Злосчастная Анжела тут вздохнула.
Промолвила Адель за нею вслед:
«Со мною то же было: ведь дерзнула
И я любить: любви запрета нет.
Что делают еще в семнадцать лет?
И я тайком о браке возмечтала.
Но мой отец и слышать не хотел;
Я плакала — он даже не глядел.
Причин его упорства я не знала.
«Нет, Нельсона не будешь ты женой!»
Я поклялась, однако же, что буду,
Не ведая, что выйдет это к худу,
И Нельсону сказала: «Милый мой,
Устроим так, чтоб матерью я стала!
Нас обвенчают, убоюсь скандала».
Подобным предложеньем восхищен,
Намеренье мое исполнил он
С охотою, и в результате спешки
Мой вид у всех стал вызывать насмешки.
Увы! Жесткосердный мой отец
Не разрешил идти мне под венец
И на меня разгневался ужасно,
И матерью я сделалась напрасно.
Заточена у вас в монастыре,
Я вяну здесь, как роза в январе,
Моя краса погибнет, без сомненья».

«И я своей не вижу применения, —
Так начала Инеса, — но кузен
Надеется, что у моих колен
Он обретет блаженство неземное.
Как он красив! В нем что-то есть такое...
В приемную к нему я выхожу,

С ним говорю и на него гляжу.
В его очах желание блистает,
Мы взглядами друг с другом говорим...
Так хочется поцеловаться с ним!
Но нас, увы, решетка разделяет,
Счастливыми нам быть не позволяет.
Увы, блаженство нам запрещено!
Хоть близко — недоступно нам оно.
Как быть? И вот сегодня, безутешно
Оплакивая горькую судьбу,
Кузен шепнул: «Услышь мою мольбу!
Мои мученья знаешь ты, конечно.
Меня ты любишь?» — «Да, люблю сердечно». —
«Нет, все равно, не сбудутся мечты:
Ты так робка, всего боишься ты». —
«А все-таки?» — «Хоть высока ограда
Монастыря, в особенности — сада,
Но я могу ограду перелезть». —
«О, безрассудный!» — «Видишь, средство есть.
Ты любишь, да?» — «Попробуй усомниться!» —
«Так будь смелей! А я на все готов». —
«Но в сад, увы, я не могу спуститься:
Дверь заперта на ключ, не на засов». —
«Что за беда? Ты кинешь из окошка
Две простыни, связавши их. Не трусь!» —
«Так рисковать?» — «Люби меня немножко,
Инеса! Я на все тогда решусь!»
Его слова надежду пробудили,
Мое сопротивление победили,
Я согласилась... Завтра он придет.
О боже, что теперь произойдет?»
Познаешь завтра счастье, дорогая!
Мы будем ждать рассказа, милый друг.

Решил я, что Виктория младая
Разумнее проводит свой досуг.
Вот келейки ее убранство: слева —
Картинок ряд; на них — Адам и Ева,

А справа — ложе жесткое для сна,
Над ним — распятие, гипсовая Дева.
Известно, как Виктория скромна.
Но вдруг впускает юношу она...
Святители, наверно, ужаснутся,
Глаза зажмурят или отвернутся:
Ведь женщина в расцвете красоты
Нимало не стыдится наготы.
Последнее спадает покрывало,
И по плечам рассыпались власы.
Какие под холстиною врасы!
В объятиях любовника Венера
Искуснее, нежнее не была.
Виктория страстнее, чем гетера,
И полное блаженство обрела.
Вы слышите ее? «От сладострастья
Я умираю! О, любовь моя,
О, ангел мой! Найти такое счастье
На небесах не помышляю я».

Как долго ночь в монастыре тянулась!
Из двадцати монахинь ни одна
Не спит... Ну вот, и Люция проснулась,
Тихонько пробирается она
К Терезе... Для чего? Или подруги
Невинными секретами хотят
Делиться? Нет: улегшись, как супруги,
В одну постель, монахини молчат.
Как глубоко одна из них вздыхает!
Другая дерзостно изображает
Отсутствующий пол... Вот обнялись,
Их юные тела переплелись,
Становится прерывистым дыханье...
Бесплодная надежда их томит,
И ласки, от которых кровь кипит,
Перемежают жгучие лобзанья.
Иллюзия обманывает их:
Желаний пыл нимало не утих,

Напрасно воспаленными устами
Молить: «Мой пол перемени, любовь!»
Безумицы! Коль овладели вами
Влечения, волнующие кровь,
Коль вы не победили любовстрасье —
То монастырь покиньте поскорей:
Поверьте мне: вы и любовь и счастье
Отыщете вдали от алтарей!

Так бегство Селестины совершилось,
Которая в монастыре томилась,
Эльмону благородному верна.
К побегу он давно ее склоняет;
Прекрасна и чувствительна, она
Своей тюрьмы неволю проклиная.
И вот решилась: нынче убежит.
Из кельи выходя, она дрожит,
Бледнеет, озирается — трусиха!
Остановилась, слушает: все тихо.
Ее рука касается стены;
Дыханье затаив, средь тишины
На цыпочках идет по коридору,
Спускается по лестнице крутой.
Отмычка инструмент хоть и простой, —
Против нее не устоять запору;
И любящим порой, не только вору,
Необходим полезный сей крючок.
Бесшумно отпирается замок,
Бесшумно дверь беглянка распахнула...
Ликует Страсть, Стыдливость же вздохнула.
Высокою стеной сад окружен,
К ней лестница приставлена Эльмоном.
Легко наверх карабкается он...
Судьба благоприятствует влюбленным:
Раскидистый, высокий рядом клен,
И по нему спускается Эльмон.
Подругу он, томясь от нетерпенья,
Терзаемый тревогой, долго ждет.

Но вот навстречу милая идет.
Увидевши его, она волненья
Не в силах скрыть: краснеет и скользит
И — в обморок! Испуганный, в смятенье,
Эльмон скорей к возлюбленной бежит,
Подхватывает на руки, ласкает,
Лобзает и тревожно окликает.
Ее приводят медленно в себя
И голос, что зовет ее, любя,
И поцелуи, жаркие как пламя.
Эльмон спешит корсаж ей расстегнуть;
Орошена горячими слезами,
Вздывается трепещущая грудь.
Очнулась; взор на милого кидает
И вновь в его объятьях замирает.
Эльмон торопит: время их не ждет.
Он Селестину к дереву ведет,
Плечо ей подставляет, как ступеньку,
Чтоб удалось взобраться помаленьку,
И всячески старается помочь.
Вот лестница; спустились без опаски.
Пока им покровительствует ночь,
Они спешат добраться до коляски.
Заранее готова для четы,
Она ждала под сенью темноты.
В Швейцарию коляска покатилась,
Чтоб Гименея таинство свершилось.
«Счастливым путь! Храни вас бог, друзья!» —
Им закричал, затем проснулся я».

ВОЙНА БОГОВ

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

*Общее сражение. Храбрость св. Иосифа.
Испуг и бегство Иисуса Христа. Разграбление рая.
Критическое положение девы Марии и св. Троицы.
Приход св. Приапа и торжество христианских богов.*

О Дух святой! Я огорчен немало:
Обуреваем набожностью я,
А под ее влияньем кисть моя
Нескромные картины рисовала...
Покинул я любви чудесный край,
В нем проведя полжизни беззаботно,
Любовников и сумасбродов рай
(Мудрец, завидуй доле их вольготной!).
Так человек по прихоти судеб
За океан однажды отплывает,
Чтоб добывать в чужом краю свой хлеб.
Попутный ветер парус надувает,
И за кормой запенилась волна...
Земля вдали в туманной дымке тает.
Рукою машет путник и вздыхает:
«Прощай навек, родимая страна!»
Но в сердце сохранит он нерушимо
Свои мечты о родине любимой.

Как отдыха мне хочется вкусить!
О Дух святой, зачем ты, в самом деле,

Воспоминанья вздумал оживить
И искушать меня без всякой цели?
Иные песни должен я слагать.
Что мне весталок христианских нравы?
Я им прошу невинные забавы,
Бой с Одином спеша живописать.

На наш отряд, стоявший на границе,
В то время, как молитвы он читал,
Внезапно полк язычников напал.
Ну, как от них псалмами защититься?
Струхнули все, понятно и без слов:
Наводят ужас лица их врагов,
Суровых и свирепых великанов,
Пришедших из страны снегов, туманов,
В горах рожденных, вскормленных в лесах.
Они не знают, что такое страх;
До самых пят закованы в железо
Те скандинавские головорезы.
И мужество покинуло войска,
У всех святых душа уходит в пятки.
Они кричат: «Намнем врагам бока!» —
А сами прочь бегут во все лопатки.
Вернувшись, расхрабрились хвастуны:
«Нам эти скандинавы не страшны!»
Архангелу их мнимый пыл угоден...
Бой закипел, когда явился Один.

Поведай мне, о вдохновитель мой,
В сражении кто первый был герой?
Святой Иосиф битву начал смело.
Не улыбайтесь! Вот как было дело:
Вооружен рубанком, выходил
Он из рядов и кулаком грозил
Противникам, поспешно прячась снова.
Один из них был сильно раздражен
Бесстрашием (иль трусостью) такого
Воителя плюгавого, смешного;
Поколотить беднягу хочет он.

Иосиф знал (ученым мог он зваться),
 Как от медведей следует спасаться:
 Лежать пластом. И вот он наземь — бух!
 Кидается, издавши возглас «ух!»
 (Был заключен впоследствии в бутылку
 Сей крик и чтим молящимися пылко).
 Споткнулся враг — ведь он стремглав бежит —
 И кувырком на хитреца летит.
 Подняться на ноги не успевает,
 Как на него Иосиф нападает,
 Рубанком по спине его тузит...

Ликуют все... «Счастлиное начало! —
 Громоподобным гласом объявил
 Своим войскам архангел Уриил. —
 Вперед! Чтоб им, проклятым, жарко стало!»
 Но не прошел и двух шагов хвостун,
 В него метнул Юпитер свой перун.
 Перун был ветх, и от бывшего жара
 В нем слабый отблеск тлел, а не пылал;
 Но кинут был зато он с силой ярой
 Десницею могучею, не старой;
 Он был тяжел и если не сжигал,
 То головы неплохо разбивал.
 И вот почти не дышит горемычный
 Архангел наш; лежит недвижим он,
 В небесный госпиталь перенесен.
 Сей случай, на земле весьма обычный,
 В уныние поверг и крикунов.
 Хотят молиться, взяли часослов...
 Но Рафаил вскричал тогда с досадой:
 «Псалмы сейчас не время голосить!
 Сражаться вам, а не молиться надо!
 Не только скандинавов — силы ада
 Господь поможет в пух и прах разбить!»
 Но тут второй перун его сражает
 И зрения несчастного лишает.
 От ужаса напал на всех столбняк,
 Но кое-кто резонно замечает:

«Поправится, наверное, вожак:
Глаза лечить он, знаете, мастак».

На правом фланге лучше защищались,
Там Гавриила доблести — простор.
Там храбрецы отчаянно сражались.
Но вот на колеснице мчится Тор
И руку с грозным молотом простер.
Нагнулся ангел; избежал удара;
Вот молот сызнава ему грозит...
Но он быстрее молнии разит
Не Тора — враг такой ему не пара, —
А упряжного рослого козла.
От боли тот внезапно зашатался;
В испуге, закусивши удила,
Возницу чуть не вывалив, умчался
Далеко этот раненый козел.

Волк Фенрис и Юпитера орел
В той битве достопамятной, кровавой
Великою себя покрыли славой.
Волк грыз всю; орел, вверху паря,
По временам стремительно кидался
На ангелов и снова ввысь взвивался,
Сорвавши шлем. Он делал так не зря;
Прямой расчет был в этой стратагеме:
Врагу орел прицеливался в темя;
Шлем уронив, он сразу разбивал
Ту голову, на коей шлем сверкал.

Валькирии везде верхом носились
И храбростью в той битве отличились,
Гарцуя и сражаясь на скаку.
Все наутек пускались перед ними...
Противникам секирами своими
Они срубали сразу же башку.
Вот Гавриил пред ними, горд и строен,
Красив, и лучезарен, и спокоен.
Они врага достойного нашли,

И три копы в щит целятся... Коли!
Но отскочило от упругой стали
Железо — только искры засверкали
Да гром пошел. Архангел отступил,
И красоту своих врагинь заметил,
И на удар ударом не ответил.
«Вы превосходством пользуетесь сил,
Как в доблести такой не сомневаться?
Ведь вы —верхом, чего же вам бояться?
Я — без коня, и мне вас не догнать.
Коль не смогу пред вами устоять,
То ваша слава сильно пострадает:
Вам скакуны победу принесут.
По совести, гордиться нечем тут.
Однако пусть никто не полагает,
Что струсил я. Нет, я не откажусь,
Чтобы меня вот эта ручка вздула,
Красивая и белая». — «Клянусь,
Мы спéшим!» — вскрикнула Гондула
И, соскочивши, лошадь оттолкнула.

Но в бой не рвется хитрый Гавриил.
Помедлив, он с улыбкой возразил:
«Уступка эта, знаете ль, ничтожна.
Ведь соткан мой наряд из полотна;
На вас — броня железная... Надежна,
Но все-таки стенительна она,
Движениям излишняя помеха».
Любезностью дышали те слова,
Таился в них намек, прикрыт едва.

Не удержалась всадница от смеха
(Любезность — все; все можно ей простить).
«Он прав!» — сказала Риста, от потехи
Всегда не прочь, и скинула доспехи.
Что за момент! Нельзя его забыть.
Узревши сквозь прозрачные покровы
Красы, каких не видели альковы,
Глазами в них впивается знаток.

Валькирии, его остерегайтесь!
«Теперь пора! Ну что же, защищайтесь!» —
Воскликнула Гондула, скрыв смешок.
«Нет, я готов заране покориться!
Чтоб прелести такие победить,
Их надо ранить или повредить.
На этот шаг я не могу решиться,
Их лучше поцелуями покрыть.
С оружием в руках зачем сражаться?
Давайте по-другому будем драться,
Бороться то есть». Всем опять смешно.
И говорит Гондула: «Очень мило!
Я б эту просьбу удовлетворила:
Как одолеть — не все ли нам равно?»

На правом фланге начали бороться,
На левом просят помощь оказать,
А в центре битва ярая ведется:
Сам Михаил — он Одину под стать —
Сразился с ним, не обратившись вспять.
Был на коне он, словно кипень, белом
И мужеством неукротимо-смелым
Своих бойцов все время вдохновлял.
От гнева Один весь затрепетал.
Рогатиной огромной потрясая
(В его руках — соломинка простая),
Он на врага как молния напал.
Но вовремя, к большой его досаде,
Нагнулся тот, и, с шлема гребень сбив,
Удар пришелся мимо, поразив
Апостола, который плелся сзади.
Святой Фома, оставшийся внакладе,
На тучу вверх тормашками упал.
Вставая, он печально возроптал:
«Пришлось мне за другого поплатиться!» —
«Зачем же подвернулся ты, тюлень?»

Противники мечами стали биться.
Успел меч Михаила притупиться,

Коснувшись кожи, жесткой как шагренъ.
 Бог усмехнулся, и удар ответный
 Был нанесен им с силой несусветной.
 Удар его настолько страшен был,
 Что всадника и лошадь разрубил.
 Две половины наземь покатались,
 А вслед за тем опять соединились.
 Но Михаил от боли изнемог,
 В небесный госпиталь он тоже слег.
 Произойдя нехстати, то паденье
 Причиною явилось отступленья,
 Все ангелы пустились кто куда:
 «Спасайтесь, братцы! Вишь, стряслась беда!»

И Троица струхнула не на шутку,
 За ходом боя с облаков следя.
 Наш Бог-отец, вняв наконец рассудку,
 Решил войскам дать нового вождя.
 «Иди, мой сын! Возьми перуны, милый!»
 С гримасой их берет небесный царь.
 Покинут им ягненка образ хилый:
 С плеча его спускается орать,
 Напяливает белый он стихарь
 И со святой водой берет кропило.
 Блестит венцом сияние над ним,
 Стал громче глас, осанка стала строже,
 Увереннее поступь... Да, похоже,
 Что этот новый вождь непобедим!

И доблесть вновь вернулась к христианам,
 Героем стал и трус в порыве рьяном.
 Перунами Христос вооружен
 И наобум один из них бросает.
 И что ж? Геймдаль перуном вмиг сражен!
 Христос весьма успехом ободрен;
 Второй перун и знамя повергает,
 И знаменосца... Один, страшно злой,
 Приказывает Тору: «Милый мой,
 Отколоти-ка этого монашка!

Отца здесь нету: струсил старикашка.
Сразись, мой сын, с его сынком! Пора!
Ты победишь! Ни пуха ни пера!»

Отважный Тор, доволен порученьем,
Спешит на поле бранное; туда ж
Отправился Юпитер. Входят в раж
Соперники; они с ожесточеньем
Сражаются. Тут начался содом:
На зов владык спешат ветра, могучи;
Со всех сторон застлали небо тучи
И смерчи поднимают пыль столбом.
Борьбу стихий как описать в поэме?
Встречаются в одно и то же время
И дождь, и снег, и вихри, и туман,
И жар, и хлад, и засуха, и влага...
Льет ливень, и бушует ураган,
Град барабанит... Что за передрыга!
Кромешный мрак... Лишь молнии излом
Слепительный подчас его прорежет,
Его сменяют грохот, лязг и скрежет;
Тройное эхо отражает гром.
И, видя, что взбесилась вся природа,
Бормочут люди: «Скверная погода!»

Уверенный в могуществе своем,
Заранее победу торжествуя,
Готовился Христос петь «Аллилуйя!».
Не тут-то было! В кавардаке том,
Напоминавшем хаос первозданный,
Противники приблизились к нему;
Он не успел заметить их сквозь тьму.
Уже Юпитер, гневом обуянный,
За шиворот схватить его хотел...
Спаситель побледнел и оробел.
К отцу спешит вернуться горемычный
Воитель наш; нет силы и следа.
Приняв опять ягненка вид обычный,
Заблеял он от горя и стыда.

Уж если вождь сам в бегство обратился —
Понятно отступление бойцов.
Лишь Гавриил, когда б здесь очутился,
Остановил бы наших беглецов.
Увы, он задержался, как мы знаем,
И пылом был иным обуреваем.
Валькирии, не ведая того,
Упрочили отцово торжество.

Помчался разъяренный победитель,
Одним прыжком легко перескочил
Ров, окружавший Троицы обитель,
Затем ограду рая сокрушил
И скинии палатку повалил.
О, стыд! О, грех! Язычники сначала
Колотят все *Господства* и *Начала*,
Все девять знатных ангельских чинов.
Повержены *Престолы* — что за страсти!
Побеждены на этот раз и *Власти*,
Дождались даже *Силы* тумачков...
С охраной Троицы, однако же, нет сладу:
Одной рукой держась за балюстраду,
От заседавших на алтарь врагов
Другой рукою стражи отбивались.
Язычники хитрее оказались:
Швыряться стали... Знаете ли, чем?
Кудрявых *Херувимов* головами,
Которые витали в этом храме.
Охрана разбегается... Затем
В алтарь они пробрались, к духам тем,
Что день и ночь горят, неугасимы,
Задули их... Прощайте, *Серафимы*!
Увы, погас сиянья ореол...
На голубя кидается орел.
С бедняжкою расправился он круто,
И клочьями летел по ветру пух,
И мне святой сам признавался Дух,
Что здорово он струсил той минутой.

Волк Фенрис — тот, оскалив зубы люто,
Схватил ягненка, словно воробья.
«Тебя едят! Попробую и я!»
Божественные кости захрустели...
А Один на Марию кинул взор
(О, бедная! Глаза бы не глядели!).
Кошунственную руку он простер
И выругался. «Девка миловидна!
Красотка, эй! По праву ты моя.
Напрасно прикрываешься, тая
То, что у вас зовется «место стыдно».
Бледнея, сходит с трона Бог-отец.
Решил удрать он, на худой конец.
Но за рукав схватил его Юпитер
И бороду холеную рванул...
«Не рвите! О, не рвите! Караул!
Послушайте! (Слезу Всевышний вытер.)
Поистине, я этим алтарем
Не дорожу: ведь мало проку в нем.
И ладан весь отдам без сожаленья,
Лишь бороду не трогайте мою!»
Но враг, смеясь, без всякого стесненья
За клоком клок рвал бороду сию...

При виде святотатственного дела
Отчаяние всеми овладело.
В молчании, повергнутые ниц,
Ждут гибели уныло горемыки.
Вдруг раздались восторженные крики.
Да что случилось? Тучен, краснолиц,
Является монах. Его фигура
Знакома всем: на темени — тонзура,
Веревка вместо пояса. Несли,
Пыхтя, его шесть ангелов с земли.
Монах сей был (я думаю, вам ясно?)
Святой Приап. Он молвил громогласно:

«Довольно драться! Эй вы, дурачье!
Вас люди рассудили. Хорошо ли

Иль плохо — это дело не мое.
 Язычники, смиритесь поневоле!
 Принес я императорский указ:
 Вас упразднили, вот и весь вам сказ.
 Соперникам немедля уступите
 Наследство их, законное вполне.
 Конец войне! Вы верить не хотите?
 Взглянувши вниз, поверите вы мне».

Он не солгал. Уже по всей стране
 Указ, им принесенный, выполняли:
 Языческие храмы разрушали,
 Влачили их жрецов по мостовой
 И все добро у них конфисковали,
 А статуи богов уничтожали.
 Многоголосый раздавался вой:
 «Воздвигнем крест! Юпитера — долой!»

Что делать! Видно, надо покориться.
 Приходится с добычей распротиться
 И Одину, и волку, и орлу...
 Так не было дано свершиться злу.
 Сзывает Один воинов брюзгливо
 И шествует на север горделиво.
 Юпитера могучая рука,
 Что дергала, преступна и дерзка,
 За бороду Творца, вдруг ослабела,
 Разжалась, опустилась, помертвела...
 И, присмирив, зубами скрежеща,
 Языческие боги отступают.
 От ярости бессильной трепеща,
 Они с Олимпа кубарем слетают.

Так кончилась великая война.
 Она святых порядком измотала,
 И снова долгожданная настала
 В небесном Шарантоне тишина.
 А смертные глядят на небо бодро
 И говорят друг другу: «Нынче ведро».

ВОЙНА БОГОВ

эпилог

Конец мира и конец поэмы.

Я сердцем чист, душа моя правдива,
О братие! Лишь то я описал,
Что Дух святой мне лично рассказал;
Он нрав богов обрисовал на диво.
Прощай, святых блаженная семья!
Вас рассадил по райским кушам я
И в дольний мир опять спешу, счастливый.

Что ж вижу я? О, горе, о, позор!
О Суламифь, дочь набожная Рима,
Французами когда-то столь любима,
В опале ты, и с некоторых пор
Грустит Сион... Тебе наперекор
Соперниц возрастают домоганья.
Внезапно воротившись из изгнания,
Они за храмом воздвигают храм.
Кощунственный курится фимиам
На алтарях, воздвигнутых ехидно
В твоих церквах — ты приютила их!
Увы, уже на улицах не видно
Крестов твоих, хоругвей дорогих
И певчих, разукрашенных цветами,

Чьих голосов далеко слышен звук,
И машущих кадьницами рук,
И ларчиков серебряных с мощами.
Разбили медь твоих колоколов,
Столь звучную, столь громкую доселе,
Разбили тамбурины и свирели,
Торжественный уже не слышен зов...

Приблизилось предсказанное время,
День светопреставленья наступил.
Дало ростки антихристово семя,
Всех праведных нечистый совратил.
Чтоб нравиться французскому народу,
Лукавый дух использовал Свободу,
Ее обличье принял Вельзевул,
И глас ее присвоить он дерзнул.
И вот Европа сбросила оковы...
Врат монастырских падают засовы,
Невесты непорочные Христовы
Земных мужей внезапно обрели,
Небесному супругу предпочли.
Вот алтаря преступнейший служитель
Решается, покинувши обитель,
Греховой страстью к женщине влеком,
Стать гражданином, мужем и отцом...
Страдалище, которую безбожно
Тиранил муж, придиричивый и злой,
Расторгнуть узы тягостные можно,
Разрешено в союз вступать другой...

Но трепещи, о грешный род людской,
Час наступил, Адамов род ничтожный!
Погибнешь ты: обилием грехов
Наполнена вся чаша до краев.
Покарано нечестие людское...
Как стихло все! Спокойствие какое
Царит везде! Но вот среди могил
В свою трубу архангел вострубил.

Вселенную те звуки потрясают,
И мертвецы немедля воскресают.
«Воспряньте же!» Услышав сей призыв,
В могилах от испуга подскочив,
От саванов освободившись тесных,
Свои зеницы тусклые раскрыв,
Встают они при звуках тех чудесных.
Но кое-кто, заснув мертвецким сном
Иль угадав свой приговор грядущий,
Не слышит зова... Захрапели пуще.
Их растолкав безжалостно мечом,
Архангел им кричит без церемоний:
«Пора вставать! Эй вы, лентяи, сони!»

Вот Судия; нельзя его узреть
Без ужаса. Гремят громов раскаты,
И полосует молния, как плеть,
Все небо от восхода до заката.
«Иль решено с лица земли стереть
Нас за грехи?» Напрасное желанье!
Воскреснуть можно, сказано в Писанье,
Но не дано вторично умереть.
И снова стонут грешники, взывая:
«Открой нам недра, мать-земля сырая!
Обрушьте, Альпы, Этна, нас разя,
Нас раздави, Везувий!» Нет, нельзя
Отделаться простою нахлобучкой,
На темя нахлобучив пару гор!

Испугана и праведников кучка,
Сердца трепещут... Судия простер
Десницу и промолвил речь такую:
«Подите, агнцы, станьте одесную!
Вы шли тропой спасенья до конца.
А козлища пусть перейдут ошую».
Тут каждая послушная овца,
Довольна, что ее не ждет расправа,
На этот зов торопится бегом.

Проблеяв благодарственный псалом,
Глядит налево: козлищ там орава
Бесчисленна; их всех постигнет месть,
Овечек же по пальцам можно счесть.

Но что это? Хаос, столпотворенье!
Законов притяженья и движенья
Нет более... И вот все семь планет,
И Солнце, и светил иных громады,
Луна, и звезд далеких мириады,
И Сириус, и множество комет,
Чарующих порою наши очи,
Алмазы царственной короны Ночи,
Сорвались вдруг с обычного пути
И, сталкиваясь, с гулом устремились
На грешный мир. Христос его спасти,
Разгневавшись, не хочет... Изумились
Ученые: их жалкому уму
Постигнуть ли такую кутерьму?

Мудрец, чей ум последствий не измерил,
На гибель мира смотрит, потрясен.
И только я, который слепо верил,
На небеса за это вознесен.
И вот, Эдем окинув робким взглядом,
Вхожу, сажусь с Элеонорой рядом
Средь ангелов, блаженных и святых,
И вижу, как геенна поглощает
Тех, кто Христа заветы извращает,
Насмешками всех набожных смущает,
Сестер моих лукаво обольщает,
Стихи мои бранит и запрещает...
In saecula saeculorum*.

* На веки вечные (лат.).

9

ЭССЕ О МАРКИЗЕ ДЕ САДЕ

24

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ: ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ

25

Маркиз де Сад
ФИЛОСОФИЯ В БУДУАРЕ,
ИЛИ
ИММОРАЛЬНЫЕ НАСТАВНИКИ

126

Маркиз де Сад (?)
КЛОД-ФРАНСУА,
ИЛИ
ИСКУШЕНИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

165

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

170

Дж. Пауэлл
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПАЯЦ,
КОТОРОГО ПОЭТ ДЕРЖИТ ЗА ВЕРЕВОЧКУ...

177

Эварист Парни
ВОЙНА БОГОВ

Подписано в печать 17.03.92. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Тираж 50000 экз. Заказ № 938.

Издательство „Лептос“, 101000, Москва, Потаповский пер., 12.

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

